

ЮРИЙ ДОМБРОВСКИЙ

Век перемен

Юрий Домбровский

Век перемен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70358275

SelfPub; 2024

Аннотация

Юрий Анатольевич Домбровский родился в 1949 г. в Ростове-на-Дону в семье врачей. Окончил с отличием мехмат МГУ, стал профессором, доктором физико-математических наук, лауреатом Государственной премии СССР. После Перестройки стал бизнесменом, в 1994 г. – сооснователем сотовой компании Tele2. В 2014 эмигрировал в Израиль. В воспоминаниях рассказывает об истории своей семьи, своей судьбе, прослеживает судьбу русскоязычного еврейства, вышедшего из идишской культуры Черты оседлости в города Российской империи, пережившего Холокост и советский государственный антисемитизм, адаптировавшегося в СССР, воспрянувшего в Перестройку и покинувшего, в своём большинстве, пределы бывшего СССР.

Содержание

Евреи Польши после раздела	7
Черта оседлости	13
Бабушка Ида	20
Бабушкина квартира	48
Дедушка Саша	63
Бабушка Рося и дедушка Мося	88
Мама	107
Отец	128
Детство. Море	153
Дом и двор	159
Школа	174
МГУ	199
Великий мехмат и его упадок	218
Москва Ква Ква	229
Учителя	237
Еврейский вопрос	262
Снова Ростов	279
Автомобиль	288
Абрау-Дюрсо	292
Диссертация	295
Госпремия	301
Советское благополучие	310
Политика	324

Свободный мир	338
Бизнес	352
Большой бизнес	367
Память о Холокосте	394
Другие берега	409
Дважды освобождённый город	431
Фронтовые письма	440
Статьи	453
Холокост. Ростов. Факты	456
Чудо российской сотовой связи, как оно произошло и что нужно, чтоб оно продлилось	482

Юрий Домбровский

Век перемен

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Александр Кушнер

Кажется, Конфуций говорил: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен».

Моей семье досталось ещё худшее. Довелось жить при нескольких переменях общественного строя, пришлось радикально менять образ жизни. Меняли и культуры. Прадеды мои родились в культуре идишской. Деды влились в русскую. Мы с родителями воспитывались в русско-эсэсэсэровской. Дети и внуки – перелились в американскую и израильскую.

Пребывание нашей семьи в русской культуре (искренне считаю её великой, стараюсь передать внукам) продлилось три с половиной поколения (чуть больше столетия – конец XIX-го – начало XXI-го века). Бурное время, порой страшное, порой унижительное. Но для меня всё же, как узнаете из этой книги, по большей части счастливое. Быстрее государств и «социализмов» менялись технологии. Их смена несла комфорт: я родился в квартире с печным отоплением (то есть дрова, уголь), на закате социализма установил в спальне кондиционер, а нынче регулирую температуру с

экрана своего айфона. Телевидение в Ростове появилось, когда мне было восемь, а когда стало сорок пять, я основал первую в Ростове компанию мобильной связи.

В отличие от Владимира Высоцкого и большинства сверстников я родился не в коммуналке. В пятикомнатной профессорской квартире. Профессором был мой дед. Но квартира досталась от бабушки. С бабушкой прошла большая часть моего детского времени. С неё и начнём.

Евреи Польши после раздела

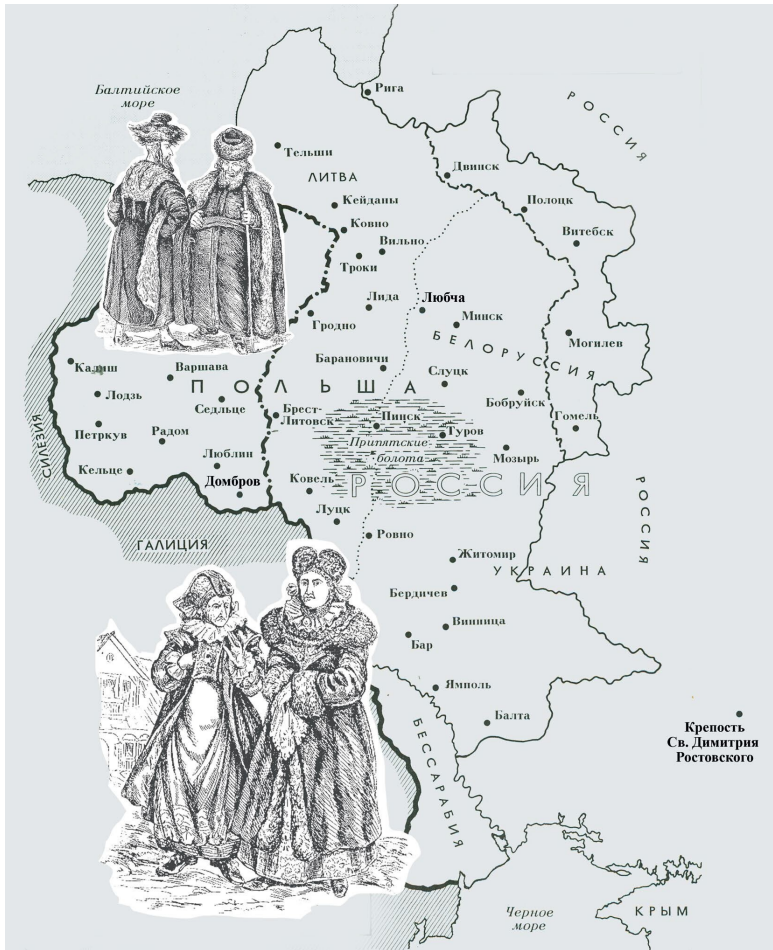
Краковский раввин на молитве. 1910 г.

Варшавские еврейские купцы. Худ. Я. Пиварский. Гравюра, до 1859 г.

Король Казимир Великий и евреи, молящие принять их в Польше. Худ. В Герсон. 1874 г. Казимир Великий в XIV веке не только приютил евреев, бежавших из Западной Европы, но и предоставил права самоуправления, проживания в городах, ведения бизнеса по всей стране. Вскоре в Польше возникнет крупнейшая в мире еврейская община, которая в XVIII веке перейдет в Россию

- Города, в которых в 1770 г. были большие, хорошо ор-

ганизованные еврейские общины

... Западная граница России в 1772 г., после первого раздела Польши

—.— Западная граница России в 1793 г., после второго раздела Польши

— Западная граница России в 1795 г., после третьего раздела Польши

– Западная граница России в 1815 г., после Берлинского конгресса

Черта оседлости

Жертва фанатизма. Худ. Н. Пимоненко. 1898 г.

В основу картины положены реальные события: еврейская девушка из местечка в черте оседлости полюбила кузнеца-украинца и ради брака с ним решила перейти в христианство

Донские евреи (Ростов-на-Дону). Фото XIX в.

Еврей-талмудисты. Рисунок с натуры. Альбом «Народы России», 1862 г.

До 1888 г. Ростов-на-Дону находился в составе Черты оседлости. После включения Ростова-на-Дону в Область

войска Донского евреям, проживавшим в Ростове до 19 мая 1887 г., было предоставлено право жительства в городе.

Бабушка Ида

Местечко Любча. Рынок

Ида Абрамовна Ошеровская родилась 3 февраля 1896 года в Ростове-на-Дону в купеческой семье. Она была седьмым по счёту ребёнком. После неё родились ещё две девочки, жизнь которых оказалась недолгой. Одна погибла в годовалом возрасте, обжёгшись кипятком, когда сама на себя открыла самовар. Недоглядела нянька. Вторая, Вера Ошеров-

ская, сгинула в Холокосте. Отец Иды, Абрам Юделев Ошерровский, родился в 1859 году в местечке Любча Новоградского уезда в Белорусии (оно обозначено на карте «Евреи после раздела Польши» на стр. 6). В 70-х годах XIX века переехал вместе с женой Леей Иоселевной (в девичестве Гуревич) в Ростов, который называли тогда «русским Чикаго», и вскоре преуспел. Вообще, это было время великого переселения евреев. В середине XIX века в пределах черты оседлости в 15 западных губерниях Российской империи жило две трети еврейского населения мира. Бесправие, нищета, погромы толкали к массовой эмиграции на Запад, в США, Аргентину, Англию. А все мои прадеды двинулись на Восток, в Новороссию, недавно присоединённую к империи.

Ниже показан лист переписи населения местечка Любча за 1874 год.

Абраму Лейбу Юделеву 16 лет. Его отцу Юделю Ошеру – 54, а матери Баше Рейзе – 47. и ввиду неграмотности (не умел писать по-русски?) Юдель доверил подписать лист Абраму Лейпунсу.

Уже в нулевых, начав помогать ростовской синагоге, я нашёл в тамошнем архиве запись о рождении бабушкиной сестры Блюмы (Любы) Ошеровской. Все метрические записи синагоги делались на двух языках и признавались властями как записи гражданского состояния. Забегая вперёд, скажу, что в 2022 году ко мне обратился десяток родственников – помог им найти такие же записи об их предках. Для

Израиля они служат доказательством еврейских корней иммигрантов.

OSHEROVSKY	Yudel	Osher	Head of household	M was missed 54	- - -	Abram LEYPUNS? signed for illiterate Oshеровsky
OSHEROVSKY	Abram Leyb	Yudel	son	M newborn 16	- - -	-
OSHEROVSKY	Shlioma	Yudel	son	M newborn 12	- - -	-
OSHEROVSKY	Yankel Meer	Yudel	son	M newborn 10	- - -	-
OSHEROVSKY	Osher	Yudel	son	M newborn 3	- - -	-
OSHEROVSKY	Basha Reyza	-	wife	F - 47	- - -	-
OSHEROVSKY	Malka	Yudel	daughter	F - 7	- - -	-
OSHEROVSKY	Sheyna	Yudel	daughter	F - 5	- - -	-

Лист переписи населения местечка Любча (1874)

6		2 ^м 28 ^{го}	всего домов
		Субарфа Милера	"
			Юдифь Неходина
			сдан утуде
			и слободы Беловоша.
			всего домов
			свободы

Запись о рождении Блюмы (Любы) Ошеровской из архива ростовской синагоги

Ростов и соседний Таганрог (там родилась вторая моя бабушка, Рося Израилевна Геберович), как и Одесса, были городами нового для России типа, капиталистического, интернационального. Формировались под сильным влиянием Европы, особенно южной. и самое важное, оба города входили в черту еврейской оседлости. Еврейское население Ростова и Таганрога росло во второй половине XIX века экспоненциально. Богатели купцы, избирались депутаты, строились синагоги, еврейские больницы... и знают ведь евреи, что недолго длится их счастье, но каждый раз надеются. В 1881 году, после убийства народовольцами царя Александра II, по российским городам прокатилась волна еврейских погромов. На докладе министра внутренних дел графа Д.А. Толстого от 10 мая 1883 года о кровавых погромах в Ростове-на-Дону Александр III начертал следующую резолюцию:

«Весьма печально, но этому конца не предвижу. Слишком эти жида опротивели русским. Пока они будут эксплуатировать христиан, эта ненависть не уменьшится» (из книги «Очерки истории евреев на Дону»). Сообщение об этих погромах было напечатано в *New York Times* (стр. 25).

А в 1886 году канцелярией царя был подготовлен проект указа о выводе Ростова и Таганрога из черты оседлости и присоединении к Области Войска Донского, на территории

которого проживать евреям запрещалось. В Ростове их было к тому времени более 10 тыс. При обсуждении проекта местные городские думы сделали заключение: выселение приведёт к значительному оттоку капитала, ударит по благосостоянию всех жителей. В окончательном тексте указа от 19 мая 1987 года говорилось, что евреи Ростова и Таганрога сохраняют право на жительство. Но новых – не впускать.

Абрам Лейб Юделев (1859–1919) и Лея Иоселевна (1860–1936) Ошеровская

Янкель Меир (1864), Малка (1867), Абрам Лейб (1859),
Ошер (1871) Ошеровские

Ростов-на-Дону. Угол Большой Садовой и Большого проспекта.

Дореволюционная открытка

Между тем еврейский бизнес активно развивался. Абрам Юделев Ошеровский решил учредить в Ростове торговлю земледельческими орудиями. Потребность в них была немалая. Ростов окружён плодороднейшими землями, чернозёмом. Климат, по российским понятиям, весьма мягкий. Однако урожайность была в те годы очень низкой. Казаки пахали землю средневековой самодельной сохой – деревянным сооружением с маленькой железной лопаткой, которое только взрыхляло землю, но не переворачивало пласт. Так что,

когда Ошеровский завёз в Ростов французские плуги и фермеры (позже их называли кулаками), увидев это чудо в деле, поняли, как увеличивается урожай, отбоя от покупателей у магазина- склада фирмы «Земледельческие орудия. Ошеровский и сыновья» не было. Располагался он на углу Большой Садовой и Большого проспекта. В самом центре. На этом месте потом был горком КПСС, а ныне Представительство Президента РФ.

№	Состав семьи.	Дети	Возраст	Профессия	Занятия	Ства.	№
5	Ошеровский,		1881	Мещ. я.	Учитель.	Темерниц-	
	Абрам Юделев	37		Любча, По-	Еврейского	ван ул.	
	жена: Лей	36		порукск.	языка	д. № 115	
	сыновья: Иосиф	14		ул., Мин-			
	Шмуль	8		ской губ.			
	Ошер	1					
	дочери: Клара	12					

Это фрагмент переписи евреев Ростова, проведённой в 1897 году. Абрам Юделев сказался «учителем еврейского языка». Думаю, из-за налогов: с купцов брали большие сборы. Но квалификация учителя у Абрама, безусловно, име-

лась. Бабушка, родившаяся в 1896 году, рассказывала, какая большая древнееврейская библиотека у него была. Как часами, отойдя от повседневных дел, он просиживал за чтением Талмуда, Торы, мудрецов...

Абрам Юделев Ошеровский (1859–1919) с дочерьми Розой (1895–1919), Верой (1900–1942), Любой (сидит, 1891–1966) и Идой (1896–1983)

По субботам непременно ходил в синагогу. В Хоральную, построенную в 1868 году. Открывал её казённый раввин Фа-

биан Гнесин, отец композиторов. В Ростове синагог в те годы было три. Судьба этих зданий была драматичной. Одну сожгли во время погрома 1905 года, но через восемь лет восстановили. Советская власть все три здания национализировала, превратила в нечто непотребное. Например, Хоральная и поныне служит кожно-венерологической лечебницей. Однако «Солдатскую», учреждённую кантонистами в 1872 году, евреям удалось вернуть во время перестройки. Реконструировали. Действует поныне.

Благополучие ростовских евреев находилось, однако, под постоянной угрозой – страшные погромы развернулись вновь в 1905 году после первой русской революции. 18 октября в Ростове прошла организованная социал-демократами манифестация, во время которой казаки и черносотенцы напали на демонстрантов с криками «Бей демонстрантов! Бей жидов!». Опыанённая кровью толпа бросилась громить еврейские лавки, магазины, а потом и дома. Кровавые погромы продолжались три дня. Бабушка рассказывала, как прятались они под кроватями у русской соседки. И лишь на четвёртый день полиция остановила громил.

Кончались погромы, и бизнес «Ошеровский и сыновья» продолжал набирать обороты. Сыновья, которых в миру звали Нота и Миша, ездили для расширения предприятия по всей России. Офис и магазин находились, как уже было сказано, в одном из самых престижных мест в городе, семейный особняк – на Сенной улице, 130. Прибыль Ошеровские

вкладывали в недвижимость, строили доходные дома. Перед революцией таковых было четыре: на Сенной улице, 102; на Большом проспекте, 8; на Большой Садовой, 33; на Малом проспекте, угол Пушкинской.

Все дети, кроме самой старшей дочери Клары, получили гимназическое, а потом и высшее образование. Учились в частной Андреевской гимназии. Раз в год Абрам Ошеровский приходил к её владелице и вносил по 200 руб. серебром за каждого отпрыска. Ида вспоминала о строгости и высоком качестве преподавания, о том, как евреек отпускали с уроков Закона Божьего, как, опаздывая к началу занятий, она закрывала глаза, пробегая мимо строгой директрисы. А та кричала ей: «Ошеровская, не прячьте голову в песок, как страус». Вспоминала катание на коньках в сквере рядом с городской думой и как после шли в расположенную там же французскую кондитерскую. Лучшими подругами Иды были Манюня Диамантиди, дочь директора банка, и Оля Трумпельдор, племянница Иосифа Трумпельдора, впоследствии героя Израиля.

В российские университеты евреев почти не принимали. Была установлена норма – не более 3% евреев. Поэтому Люба и Роза учились во Франции. Обе потом стали врачами. Люба – гинекологом, Роза – эпидемиологом. А как пришла пора Иде поступать, случилась война. Но незадолго до этого открылся частный Женский медицинский институт в Харькове. Туда брали. Правда, строго говоря, жить евре-

ям в Харькове – вне черты оседлости – запрещалось. Комнату Ида снимала «с околоточным», т.е. пару рублей в месяц платили участковому полицейскому, чтоб закрывал глаза на иудейских жильцов. Но бывали обстоятельства непреодолимой силы: когда в Харьков приезжал государь император, шли дополнительные проверки и Ида коротала время на вокзале.

Ида Ошеровская и Оля Трумпельдор. 1908 г.

Иосиф Трумпельдор – герой Российской империи и Изра-
иля,

дядя бабушкиной подруги. В Русско-японскую войну И. Трумпельдор стал полным георгиевским кавалером. В 1911 году репатриировался в Палестину, руководил созданием отрядов еврейской самообороны

Любопытно, что в один год с ней поступила в Харьковский мед Рося Геберович, вторая моя бабушка. В одной группе учились. Блестящее юридическое образование получил в Сорбонне Оскар

Ошеровский. Но, вернувшись в Советскую Россию, обнаружил полную невосребованность правовых знаний. Переквалифицировался в учителя математики (и меня потом учил!).

Увы, не удержался на троне и последний царь, тоже юдофоб. Случилось ещё худшее – большевистская революция. о наступившем хаосе говорит такой эпизод. Сразу после октябрьского переворота в Ростов приехал родственник Ошеровских из Полтавы и рассказал, что дома в Полтаве можно купить ну очень дёшево. и Абрам вложилась...

Большевикам не сразу удалось установить свой страшный порядок в Ростове. В 1917 году в городской думе преобладали социалисты. В казачестве верх взяли белые атаманы. А в 1918-м, после Брестского мира, в Ростов вошла германская армия. Наступили, по воспоминаниям Иды, самые спокойные месяцы в истории города. «Бархатная», как её тогда называли, оккупация. Память о ней сыграла злую шутку с ростовскими евреями: когда во время Второй мировой немцы

приближались к Ростову, многие не верили, что теперь идут совсем другие немцы. Решили остаться в городе и погибли в огне Холокоста.

Особняк Ошеровских на Сенной улице

В 1919 году большевики взяли верх и установили «революционный порядок». Человека могли растерзать на улице просто за то, что у него очки и шляпа, так произошло с отцом друга бабушки профессора Гутникова. Бизнес «Земледельческих орудий Ошеровского и сыновей», выстроенный с нуля многолетним упорным трудом и изобретательностью, уничтожили в один день. Особняк на Сенной реквизирува-

ли. Устроили там ревтрибунал. В украшенном розами дворике расстреливали людей. По счастью, в доходных домах, принадлежавших Ошеровским, имелись свободные квартиры. Туда и переселилась Ида с сестрами – на улицу Сенную, 102, в квартиру, где я родился 30 лет спустя. Но всю собственность у них отобрали. Абрам не смог этого пережить. Всё нажитое непосильным трудом и недюжинной предприимчивостью забрали вмиг, да ещё и обвинили в эксплуататорстве. В 1919 году он умер от разрыва сердца.

Ида, все её сестры и мать остались в Ростове. Сохранили кое-что из семейных ювелирных украшений, позже постепенно их продавали, обменивали на продукты. Ведро со столовым серебром спрятали в дровяном сарае. Оттуда его украли кухарка. и всё же тяжкие голодные времена пережили.

...Прочитав это, мой друг и однокурсник Лёва Цирульников задал резонный вопрос: почему Ошеровские не уехали в эмиграцию? Одна из причин в том, что за границей не было у них денег, не озаботились в благополучные времена вывести средства в заграничный банк. Увы, большинство состоятельных людей России проявили тогда недалёковидность. Эмигрировавшие тяжким трудом – продавцы, таксисты – добывали себе пропитание в Европе. Интересно, что, памятуя об ошибках того поколения, российские предприниматели ельцинско-путинской поры выводили средства за рубеж при каждой возможности, отток капитала из РФ со-

ставил сотни миллиардов. Впрочем, и в нашей семье нашёлся дальновидный и ловкий человек. Бабушкин брат Миша выехал тогда вместе с семьёй во Францию и умудрился перехватить и перепродать партию товаров, закупленную там фирмой «Ошеровский и сыновья». Оставшиеся в Ростове сёстры сердились, обвиняли Мишу в ловкачестве – полагаю, от зависти. Однако отсутствие зарубежных активов было не главной причиной неэмиграции. Важнее оказались социальные идеалы, внедрившиеся в головы и сердца купеческих детей, особенно еврейских. Бабушка вспоминала, что, желая утешить отца, потерявшего потом заработанную собственность, они с сёстрами говорили ему: «Папа, не переживай. Будем жить, работать, как все простые люди. Не надо нам никакого богатства». Папе не помогло, но дочери и вправду трудились всю жизнь, благо большинство из них, с помощью средств отца, получили уже медицинское образование.

А жизнь семьи Ошеровских после смерти главы в 1919 году продолжалась. Ида начала работать в клинике глазных болезней при медицинском факультете Варшавского университета, который в 1915 году переехал (эвакуировался) в Ростов, да так тут и остался. Вышла замуж за молодого врача-венеролога Александра Иосифовича Домбровского.

В Харьковском мединституте. Ида сидит слева. 1924 г.

Вырастила двоих детей: Иосифа (Жозика), 1924 года рождения, и Елену (Лялю, мою маму), 1926-го. Она всегда была сосредоточена на семье. Детей любила безумно, особенно Жозика. Мужу была предана. Александр Иосифович имел обыкновение, придя с работы, поспать часок днём, т.к. вечером допоздна сидел за письменным столом. и если кто-то смел шуметь рядом с кабинетом спящего деда, бабушка бросалась на него как мегера с энергичным: «Тсс... Молчать!» Проявлений нежности между дедом и бабушкой не замечал.

Однажды она, рассказывая мне о романтическом увлечении в двадцатые годы коллегой-офтальмологом, процитировала «Евгения Онегина»: «Но я другому отдана и буду век ему верна». На моей детской памяти перешла спать в отдельную от деда комнату.

Бабушка готовила неплохо, но признавала, что высот кулинарии не достигла. Говаривала в ответ на лесть гостей: «Я кулинарка? Нет. Вот Дора Савельевна – кулинарка!» Это о жене друга и коллеги деда, Александра Семеновича Кричевского. В 1946 году дед передал ему директорство Ростовским онкологическим институтом, главой которого был ранее (по совместительству с заведыванием кафедрой). А когда дома случались большие ответственные приёмы, на помощь приходил живший по соседству профессиональный повар Павел Григорьевич, работавший в ресторане «Московский».

Ида много читала. Иногда по-французски. Любила Романа Роллана, Голсуорси, Фейхтвангера. Рассказывала о своей юности, о подругах по гимназии, о том, что платья носили один сезон, а потом отправляли в Литву бедным евреям. Изредка с выражением читала стихи Бальмонта, Северянина, которые помнила с юности. Но в фокусе находилась семья, её материальное и пищевое обеспечение в скудной советской обстановке. Как все советские женщины, Ида «крутила консервы». В сезон дешёвых овощей закупались помидоры, огурцы, баклажаны, фрукты, дефицитные жестяные крышки. В жаркой ростовской кухне в поте лица варила, стерили-

лизовала, закручивала. Иногда меня привлекала в помощь. Выдавливал косточки из вишен и абрикосов. Став постарше, закручивал крышки.

1968 г. Чехословакия. «Пражская весна». Молодые люди с национальным флагом идут мимо подбитого танка

Советскую власть ненавидела. Помню, как в 1968-м вторжение советских войск в Чехословакию сплотило всю нашу семью. Сцена из семидесятых: к бабушке пришла одна из очень немногих подруг, вместе смотрят новости по телевизору. По трапу самолёта поднимается Брежнев.

Семья Домбровских на отдыхе в Сочи (Александр, Елена, Ида, Жозик). 1934 г.

Подруга: «Ой, хоть бы он благополучно долетел!» – и бабушкин искромётный взгляд. Больше она с этой подругой не виделась. В начале восьмидесятых Ида очень переживала за академика А. Д. Сахарова, он находился тогда в горьковской ссылке.

По меркам советским семья наша жила в достатке. Бабушка вскоре после моего рождения вышла на пенсию. Но профессорская зарплата деда! Бабушке на хозяйство он щедро отдавал 250 руб. В месяц (средняя зарплата советского служащего была тогда 150 руб.). Из этих денег она ещё выкраивала на поддержку своему любимцу Жозику, которому всегда не хватало. Однако в начале шестидесятых Хрущёв внезапно уменьшил профессорские зарплаты с 600 до 500 руб. Дед сократил хозяйственные до 200. Помню её стоны и причитания...

Конечно же, Иде Абрамовне выпала нелёгкая жизнь. Из буржуазно го благополучия (изредка, впрочем, прерывавшегося еврейскими погромами) – в голод и холод Гражданской войны. Потом, правда, удачное замужество (сёстрам везло меньше). В 1937-м отделались страхом. Затем война, эвакуация. Сперва в жуткий Акмолинск, где лечила больных трахомой детей. Потом дед, начальник эвакогоспиталя, выписал её с детьми в сравнительно благополучный Томск, куда

был эвакуирован Ростовский мед. В 1953-м – дело врачей, преследование деда, бессонные ночи... Но самое страшное ждало её в 1960-м: гибель любимого сына в авиакатастрофе. Жозик, которого с огромным трудом перетащили в 1942-м из лётного училища в артиллерийское, ибо у военного лётчика было немного шансов выжить в той войне, не расставался с мечтой о небе. Окончив мединститут, он через некоторое время стал заведовать медсанчастью ростовского аэропорта. Друзья-лётчики уговорили его лететь с ними в первый пробный рейс Ростов – Тбилиси. Ударились о кавказскую скалу... Беспредельно было её горе. Ещё много лет она каждый день на трамвае ездила на кладбище. К зятю, моему отцу, относилась скорее враждебно. Отец говорил о самой страшной обиде, которую она ему нанесла, сказав: «Почему ты, такой-сякой, жив, а мой сыночек в могиле?..» Моя мама с присущим ей юмором говорила, что бабушка «признаёт только родственников по прямой линии». у неё были напряжённые отношения как с родственниками деда, так и с родителями моего отца. Не исключено, что причиной тому было некоторое высокомерие (бедные родственники). Но соседям всегда была готова помочь. А её доходившая до жертвенности преданность «прямой линии» была феноменальна. Будучи школьником, я часто приходил после занятий с одним-двумя друзьями-одноклассниками. Бабушка их всегда привечала, кормила обедом. Дети это ценили: время еще было не вполне сытое. Она отдавала мне всё

свободное время; помню, напевала, укладывая: «Спи, мой мальчик, спи, мой чиж / Мать уехала в Париж» – с лёгким упрёком в адрес мамы. Может быть, больше всего бабушка Ида любила меня кормить. Накроет стол и садится смотреть, как уплетает внучок. Раскормила. Родители, пытаюсь ограничить меня в еде, воевали с бабушкой. Она побеждала. Куринные котлетки, потрошки с ростовского рынка, идишские шейка и латкес, торт «Мишка»... А вечером перед сном я получал бутерброд с любительской колбасой и подслащённый кефир. Этот вкус до сих пор кажется мне божественным. Когда Иде перевалило за восемьдесят, характер у неё ухудшился – стала непомерно подозрительной. с моей женой Мариной отношения, увы, разладились. Бабушка считала, что правнука Сашу неправильно, жёстко воспитывают. Когда он, оставленный в манеже, начинал плакать, она кидалась в комнату, выхватывала его из заточения, несла к себе, утешала. Напряжение было одной из причин того, что последние два года жизни она провела у дочери в Нальчике, куда Ляля была вынуждена уехать из Ростова. В августе 1983 года мы перевезли её тело в Ростов – сострадательные кабардинские медики выделили нам машину скорой помощи. Похоронили на Северном кладбище, единственном действовавшем тогда в Ростове. Позже на отгороженный «Идын» участок перенесли прах деда с ликвидированного Нижнегниловского кладбища, прах сына, Жозика, с Армянского. А в 2014-м и дочь подзахоронили.

Кладбище, квартал 16. Ростов -на-Дону. 2015 г.
В октябре 2023 г. надгробие разрушено варварами.

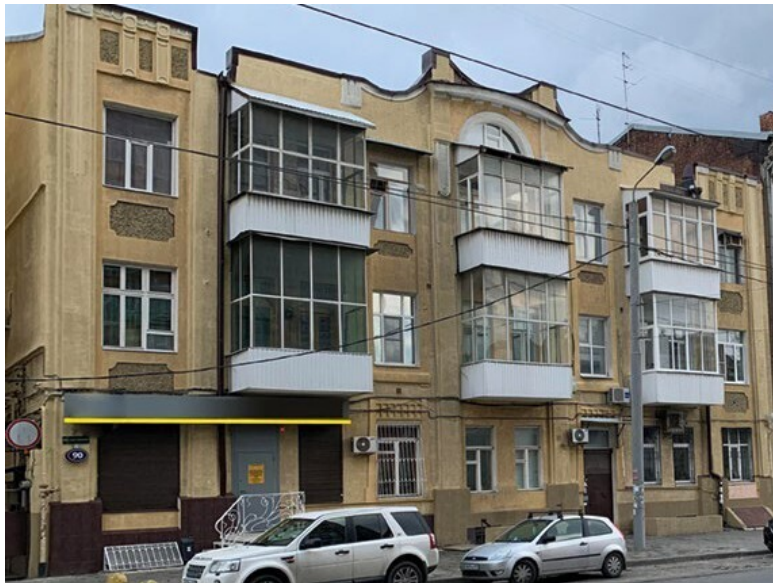
Бабушкина квартира

С бабушкой Идой в квартире на Горького. 1956 г.

В этой квартире родились моя мама, её брат, я, мои дети. Трёхэтажный доходный дом построил в 1900 году Абрам Ошеровский. Адрес: улица Сенная (ныне Горького), 102 (ныне 90). Расположение Абрам выбрал неплохое. Рядом в те же годы выстроили Реальное училище, позже здесь находился физмат Ростовского университета. На здании две мемориальные доски: писателю-диссиденту А. И. Солженицыну (выпускнику) и композитору С. В. Рахманинову, дававшему там концерты. А чуть дальше стоял некогда польский костёл, на его послевоенных развалинах мы мальчишками играли.

Мой родной дом на ул. Горького нынче не узнать... 2019 г.

Доходный дом Ошеровского был довольно комфортабелен. Девять пятикомнатных квартир с двумя балконами каждая, паровое отопление (котельная в подвале дома). Когда в 1918 году большевики захватили Ростов и реквизировали особняк, семья смогла переселиться в свободные квартиры и умудрилась закрепиться там до позднесоветских времён. Правда, все квартиры, кроме нашей, профессорской, из-за подселений стали коммуналками. В квартире № 1 жила Полина Борисовна Ошерович, жена бабушкиного кузена. А до

1936 года там жила и бабушкина мать Лея Иоселевна. (Могу предположить, что в отличие от набожного и уравновешенного мужа была она резковата. Бабушка вспоминала, как она требовательно кричала Оскару, бабушкиному брату: «Оська гелд!») в квартире № 2 жила бабушкина сестра Люба со своей семьей, там же – сестра Любиного мужа Полина Ильинична Дунаевская. Квартиру № 8 занимала кузина Нюся Ошеревич с мужем Арнольдом Субботником и семьей. А девятую – семья старшей бабушкиной сестры Клары. Её правнучка, Роза Бобовникова, и ныне там.

Тут сделаю небольшое отступление касательно смены, модификации

фамилий мужчин-евреев. Эта уловка помогала избежать рекрутирования на мучительные 25 лет в царскую армию. Добавлю, что зачастую евреев принуждали в армии креститься, а для облегчения «воспитательного процесса» при Николае I рекрутировали в 12 лет и 6 лет, содержали их до восемнадцатилетнего возраста в специальных воспитательных учреждениях, в срок службы не засчитывали. Не подлежали призыву единственные сыновья. Отсутствие братьев-однофамильцев в сочетании с весьма немалой взяткой рекрутёрам, каковую могли дать купцы,

способствовало уклонению. В бедных же еврейских семьях нередко были случаи преднамеренного калечения детей. Итак, фамилия моего прапрадеда была Ошер. В следующем поколении пошли Ошеры, Ошеревичи, Ошеровские.

А в семье моего отца замены фамилий оказались ещё радикальней: у прапрапрадеда Трейвуса и его жены Ципы один из сыновей получил фамилию Ципельзон.

Но вернусь к нашему дому. Один балкон каждой из квартир выходил на улицу Горького, усаженную тополями и акациями. Запах цветущей белой акации и поныне сводит меня с ума. Второй – большой, с лестницей чёрного хода – во двор, когда-то с клумбами, но на моей памяти изуродованный самостроем – раннесоветскими малыми домишками, построенными без разрешения. Помню, как приходили с чёрного хода молочница, старьёвщики, жестящики («Кастрюли починаю!»).

Комнатный ледник ростовской фабрики «К. Л. Сегель»

В мои детские годы дом пребывал не в лучшей форме, да и война оставила следы. Котельная была разрушена. Согревались мы от двух печек, которые топились углём. Над кухонной висел большой бак для воды: когда печь топилась, в ванную поступала горячая вода. Так что топить приходилось иногда и летом. А зимой, пока не было парового отопления, топили все три печки. Раз в неделю приходила прачка Малаша. Топила, варила бельё в огромной выварке, тёрла на жестяной стиральной доске. Помню появление первой неуклюжей советской стиральной машины с ручкой и валиками для выжимания сверху.

В 1955-м котельную отремонтировали, заработали батареи отопления. Потом в дом провели природный газ. Печки демонтировали. Но ещё до

этого мы избавились от ледника. Это был деревянный комод, в верхний ящик которого загружался заготовленный с зимы лёд. Его привозили и меняли каждые несколько дней. В 1954 году дед купил холодильник, первый советский потребительский холодильник ЗИС. Он прослужил мне до 1991-го. А швейной машине «Зингер» износу не было. Наши на ней шить не умели. Но по несколько раз в год приходили портнихи. Елена Васильевна производила латку, штопку, подкоротку, пригонку и прочие простые работы. Сара Измайловна (Сарочка) была модной женской портнихой. Ба-

бушка и мама отмечали её высокий вкус, подолгу обсуждали с ней фасоны. Были у нас и домработницы.

На смену леднику пришёл первый советский холодильник «ЗИС-Москва»

Швейная машинка «Зингер» имелаь чуть ли не в каждой семье. Даже спустя 100 лет после выпуска они продолжают отлично работать

Такая же стиральная машина появилась в нашей квартире. Износу не было и дубовому паркету. Его натирали воском. Приходил однорукий полотёр, ловко орудовавший ножной щеткой, – растирал воск. В пятидесятые купили электрополотёр. Мне пришлось немало им поработать. В восьмидесятые пришлось пол отциклевать. Он стал непривычно светлым. Покрыли лаком и о воске забыли.

Лето в Ростове жарковато. Пользовались вентиляторами.

Первые советские оконные кондиционеры появились в восьмидесятые. Дорогие. Похуже – бакинские. Но мне удалось купить донецкий. Это было чудо, хотя и гудевшее изрядно.

В квартире было пять комнат, одна – тёмная, без окон. Там стояли шкафы и огромный сундук; бывало, спала домработница. Весной туда складывали, обильно пересыпая нафталином, зимние вещи. Самая большая комната с балконом – столовая. Там же стояла кушетка бабушки Иды. Рядом кабинет (он же спальня) дедушки Саши. Книжный шкаф во всю стену, старый большой письменный стол, негатоскоп для просмотра рентгеновских снимков. Ещё одна большая комната – мамы и отца (с 1962-го – только мамы). Мамин большой, покрытый зелёным сукном письменный стол, и моя комната. с огромным глобусом на шкафу.

Стены дома кирпичные, толстенные. Широкие подоконники, заставленные растениями в горшках. Любимое было – финиковая пальма, выращенная из косточки.

Ида Ошеровская и Александр Домбровский поселились в этой квартире, поженившись в 1923 году. Во время войны, эвакуации сюда вселилось несколько семей. Почти всю мебель сожгли в печках. Повредили пол. Вернувшись в 1944-м, дед добился возврата квартиры, выселения всех самозахватчиков. Немногие предметы пережили войну. Один, очень полезный, – точилка для ножей, прикрепленная к косяку кухонной двери. Она и все последующие ремонты пережила. Через сибирскую эвакуацию прошло немного столового се-

ребра да альбомы семейных фото. Эти альбомы и одна серебряная сахарница и поныне со мной.

Покупка мебели всегда в СССР была проблемой. Мама ездила в Москву, стояла там в очередях, умудрилась привезти в Ростов

«рижские» (!) столовую и спальню. Дефицит качественной мебели в СССР был чудовищный, а в Прибалтике с производством было много лучше. Дедушка Саша заказал у ростовских столяров огромный книжный шкаф во всю стену кабинета, и книг всегда помню много. В шкафах, на полках, на столах, диванах... Заполняли квартиру.

Наш трёхэтажный дом был добротнo построен Абрамом Ошеровским в 1900 году, однако национализация и советская бесхозность (всё принадлежит государству, то есть никому!) не способствовали сохранности. Превращение квартир в коммуналки, как правило, имело результатом безответственное отношение людей даже к тем квартирам или комнатам, где они жили. Мы обитали на втором этаже. Над жильцами третьего иногда начинала протекать крыша. За месяцы, пока им удавалось добиться ремонта от домоуправления, потёки успевали покрыть наш потолок. А если кто-то из верхних жильцов забывал закрыть кран или забивал канализационные трубы крупными отбросами и затапливал нас, добиться правды было невозможно: одна семья валила на другую. Вспоминаю главу семьи, занимавшей две комнаты верхней квартиры. В сталинское время он работал во-

дителем в НКВД, мог порой разоткровенничаться перед нами, детьми, какие славные были двигатели на студебекерах, разъезжавших по ночным арестам. Но потом он устроился водителем грузовика-молоковоза. Ворованные с молкомбината сливки и сметана в их семье были в изобилии, члены семьи – весьма дородны. А теперь, пожалуйста, представьте себе, как проистекали наши бытовые конфликты с этим семейством.

Коммунальный апофеоз наступил в 1994 году, когда ко мне переехала жена Мэри. В Ростов из Нью-Йорка. Добрые старые канализационные трубы 1900 года рождения не выдержали бремени возраста и постоянных прочисток толстой проволокой – треснули бесповоротно. Мне пришлось менять их на всех трёх этажах сверху донизу. В течение нескольких дней ремонта приходилось ходить по нужде в соседнее здание Ростовского университета.

В 2000 году мы переехали в Москву. Квартира простояла два года пустой, после чего я её продал. с мебелью. Безумно жалко было. Мама не хотела возвращаться туда, сказала: слишком большая и отягощена тяжёлыми воспоминаниями. Осталась в своей скромной, и я исходил из соображений целесообразности.

За столетие квартира сравнительно благополучно пережила немало перемен. Людям пришлось потруднее.

План нашей квартиры

План нашей квартиры

ный. Помню его сидящим за фундаментальным письменным столом, сзади во всю стену стеллаж с книгами: Большая медицинская энциклопедия, разных языков словари, Даль, огромный немецкий альбом «Atom» («Атомная физика»), стоящий обложкой вперёд, сбоку – негатоскоп и портрет Конрада Рентгена.

Мой прадед Иосиф Мордухович Домбровский (1872–1919) и прабабушка Либа Лейбовна Райхинштейн (?–1911)

Александр Иосифович Домбровский родился 19 декабря 1889 года в Мелитополе, куда родители переселились из городка Домброва на границе Польши и Галиции (см. карту, стр. 6). Семья была среднего достатка. Отец, Иосиф Мордухович Домбровский (1852–1919), работал управляющим у русского помещика в селе Васильевка Мелитопольского уезда, был старостой еврейского молитвенного дома, потом – мировым судьёй в Мелитополе. Мать – Либа Лейбовна Домбровская, урождённая Райхенштейн (?–1911). Всем детям удалось получить высшее образование. Средств на заграницу не было. Пробивались. Александр окончил гимназию экстерном и поступил в Юрьевский (ранее Дерптский, теперь Тартуский) университет. Учился и одновременно зарабатывал на жизнь. Летом подрабатывал репетитором в богатых семьях в Крыму. Рассказывал, что работал на крымской даче художника К. Ф. Юона. Но грянула Первая мировая. Юрьев-Дерпт вернулся к немцам. Саша перевёлся в Ростов, куда эвакуировали Варшавский университет, и окончил его с врачебным дипломом в 1919 году. Сперва пошёл работать венерологом, но вскоре переквалифицировался в рентгенолога. Дело было новое, прогрессивное. В 1925 году он создал и возглавил в Ростове Физиотерапевтический институт. Саша всегда любил новую технику, обожал новые технические

устройства.

Юрьев (Тарту). Университет. Саша в центре

Не спрашивайте почему, но евреев-рентгенологов было в СССР ещё больше, чем в других отраслях медицины. Как-то тут совпал интерес к медицине и к новым технологиям. Первый в Ростове рентгеновский аппарат был установлен в 1910 году в Еврейской больнице. Московские друзья деда – всемирные авторитеты С. А. Рейнберг, И. Л. Тагер. Помню проходившие в Ростове съезды и пленумы Общества рентгенологов. Однажды вечером у нас дома устраивался приём для правления Общества. Пригласили повара Павла Григорьевича. Тот украсил ножки запечённых индеек художе-

ственно нарезанными салфетками.

Профессора-евреи – более всего из Москвы, а также из Ленинграда, Казани, других городов. Помню Фанарджяна из Еревана и Назаришвили из Тбилиси. Конечно же, и русские профессора: запомнился Захаров из Саратова. Председатель Рентгенологического общества Самуил Аронович Рейнберг, культурнейший человек, происходивший из Риги, любил испытать мой немецкий... «Еврейское засилье» припомнили деду по ходу дела «врачей-вредителей».

В 1934 году Александр Домбровский возглавил новый тогда курс рентгенологии в Ростовском мединституте, уже отделившемся от университета. с перерывами на войну и дело врачей он заведовал этим курсом, кафедрой почти до самой смерти в 1972-м. В 1941-м его, уже профессора, мобилизовали, стал начальником эвакогоспиталя в Ростове. В 1942-м – начальник эвакогоспиталя в Томске и завкафедрой Томского университета. Он смог выписать в Томск семью, до этого бабушка с детьми находилась в Акмолинске. В Томске дали им домик с огородиком. Позже вспоминали выращенные тыквы, картошку, сравнительно благополучные для семьи годы. В 1944 году – возвращение в освобождённый Ростов. Дед отвоевал свою квартиру у самозахватчиков, восстановил кафедру.

Врачи и медицинские сестры в рентгеновском кабинете
госпиталя.

Киев. 1916 г.

А. Домбровский. 1934 г.

А. Домбровский, начальник эвакогоспиталя. 1942 г.

Послевоенная жизнь будто бы налаживалась. Увы, вскоре грянула массивная государственная антисемитская кампания. В 1948 году в Москве арестовали членов Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), а в Ростове в августе 1948-го евреям запретили собираться в день памяти о погибших в Холокосте в Змиёвской балке, о которой ближе к концу повествования расскажу отдельно. В январе 1949 года советские средства массовой информации начали организовано выступать против «безродных космополитов», проще говоря против евреев в СССР. В 1952 году членов ЕАК расстреляли, МГБ начало дело врачей. Сталин лично контролировал ход следствия, ежедневно читал протоколы полученных под пытками признаний. МГБ утверждало, что врачи-евреи намеренно губили в процессе лечения кремлёвских руководителей. Якобы направляла их американская еврейская «благотворительная» организация «Джойнт».

Начавшись в Москве, дело врачей моментально стало все-союзным. В январе – марте 1953 года в Ростове были сняты с работы и арестованы заведующие кафедрами Ростовского мединститута Бродский, Эмдин, Серебрянский, Гологорский, Воронов. До Домбровского дело дошло 2 апреля.

Тиран умер, Берия распорядился прекратить дело, но в провинции оно продолжалось. Домбровского сняли с работы.

Увольнению, по зловещей сталинской процедуре, предшествовало открытое заседание учёного совета мединститута, целью которого было публично заклеить вредителя, пробудить гнев общественности. На заседании присутствовали мои родители. Но главное – деду удалось потом заполнить стенограмму совета. Она хранится в моём архиве. Приведу по пожелтевшему 62-страничному оригиналу отрывки из документа эпохи, представляющего в деталях, как профессиональное сообщество, ранее почти приятельское (дед был расположен к людям и неконфликтен), приходит к выводу о вредительстве, профнепригодности коллеги. От комментариев воздерживаться не стану.

СТЕНОГРАММА - ПРОТОКОЛ № 4

заседания Ученого Совета Ростовского Государственного
медицинского института

2 апреля 1953 года

г. Ростов-на-Дону.

Присутствуют 27 человек.

Председатель - директор РГМИ профессор Ивахненко Г.С.

Ученый секретарь - канд. меднаук ассистент Коваленко П.П.

СЛУШАЛИ: Отчет зав. кафедрой рентгенологии о научно-
учебной и лечебной работе профессора
Домбровского.

Профессор ДОМБРОВСКИЙ.

Тов. Г.М. Маленков, выступая на XIX съезде партии с отчет-
ным докладом ЦК КПСС, указал, что "... Партия и правительство
всегда проявляли и проявляют большую заботу о сохранении
здоровья нашего народа". Это нашло свое отражение и в ре-
шениях съезда. В них указывается:

"Направить усилия медицинских научных работников на решение
важнейших задач здравоохранения, сосредоточив особое внимание
на вопросах профилактики, обеспечить быстрейшее внедрение в
практику достижений медицинской науки".

Все эти указания, являющиеся программой дальнейшего разви-
тия советской медицинской науки и нашего здравоохранения,
в полной мере касаются и нашего медицинского института и, в
частности деятельности нашей кафедры.

Кафедра рентгенологии организована в 1946 году. До этого

В ряде его работ содержатся идеологические ошибки. Автор игнорирует русских и советских ученых.

4. В своей научной работе проф. Домбровский А.И. стоит на антипавловских прилипах, истолковывая биологические процессы с локалистической, механистической точки зрения.

5. Учебный процесс на кафедре поставлен неудовлетворительно. Идеино-политического воспитания студентов проф. Домбровским А.И. в духе советского патриотизма не проводилось.

6. Профессор Домбровский А.И. стоит в стороне от лечебной работы клиник и не готовил из клинических рентгенологов высококвалифицированных специалистов.

Ученый совет П О С Т А Н О В Л Я Е Т:

1. Признать научную, учебную и лечебную работу зав. кафедрой рентгенологии РГМУ проф. Домбровского А.И. неудовлетворительной.

2. Дальнейшее пребывание проф. Домбровского А.И. на должности зав. кафедрой рентгенологии считать нецелесообразным.

3. Просить директора Института поставить перед министром вопрос о снятии профессора Домбровского А.И. с занимаемой должности зав. кафедрой рентгенологии, как не обеспечившего научную, учебную, лечебную и идеино-воспитательную работу кафедры.

Председатель

(профессор Кляхнешко
Г.С.)

Ученый секретарь

(канд. мед. наук Коваленко
И.И.)

Та самая стенограмма (фрагмент) заседания учёного совета с оценкой «учебной и лечебной работы профессора Домбровского»

Вёл совет ректор Ивахненко, по отзывам моих близких, да и судя по стенограмме, нормальный бытовой антисемит. Его первое обвинение:

«Будучи завкафедрой и главным рентгенологом области, расстановку кадров рентгенологов он осуществлял не по деловым и политическим принципам, а по приятельским отношениям, знакомству и семейственности». Далее: «В СССР много национальностей, но посмотрите на фамилии этих рентгенологов. Розенблит, Розенберг... Руководящие рентгенологи города, длительное время работавшие вместе с профессором Домбровским, Хан и Грейшман, изъяты органами Советской власти». С семейными подробностями: «Так, в РГМИ [Ростовский государственный медицинский институт] и в больнице № 1 работала заведующей лабораторией онкологического института его родная сестра [Мария Иосифовна]. Другая сестра [Раиса Иосифовна] – на кафедре нервных болезней. Дочь [Елена Александровна] – патологоанатомом. Жена [Ида Абрамовна] – офтальмологом. Зять [Анатолий Моисеевич Ципельзон] – рентгенологом. Дядя зятя [Вениамин Левин] – невропатологом. Двоюродный брат [?] – ассистентом кафедры акушерства и гинекологии. Жена двоюродного брата [?] – инфекционистом!»

Могу только констатировать, что приведённый список моих медицинских родственников далеко не полон. Увы, тогда им было не до шуток. Ещё раз подчеркну, действительно много было тогда евреев- рентгенологов. Почва для обвинения питательная!

Следующая линия атаки выглядела более зловещей. «Профессор Домбровский допускает пропаганду методов, чуждых советской гуманной медицине. Так, он рекомендует заимствованный из американской литературы жестокий и опасный метод ангиографии сердца, ангио-кардиографии (замечу: сегодня ангиография стала рутинной процедурой. – Ю. Д.). Такой способ исследования, конечно, чужд советской медицине. Само собой разумеется, что эти приёмы не совместимы с Павловской физиологией!.. Мне кажется, что такого рода действия профессора Домбровского являются порочными, если не сказать больше». Это из выступления профессора-хирурга Коваленко. Позже, став ректором института, он при каждом удобном случае показывал, как сожалеет о том мракобесном совете, даже старался помогать деду и маме.

Далее слово взяла Никовалева, сотрудница деда, претендентка на заведование освобождающейся от Домбровского кафедры: «В настоящее время о ценности научной работы судят по степени использования в этой работе достижений передовой отечественной науки, достижений Павловской физиологии, Мичуринской биологии, работ О. Б. Ле-

пешинской. Профессор Домбровский в своих работах далеко отходит от этих принципов. В своей монографии профессор Домбровский говорит, что рентгеновские лучи и радий являются мощными разрушителями многочисленных и разнообразных рецепторов! Ни одно заболевание, которое здесь описано, не только не излагается на основе Павловского учения, но, вы только подумайте! – при лечении предлагается облучение! Причем в непонятных дозах! <...> в сосуды сердца вводится контрастное вещество. Такой способ исследования, конечно, чужд советской медицине...». И далее по мелочам: «Лекции профессора Домбровского аполитичны, не содержат идейной направленности, показывающей достижения советской науки и приоритет советских учёных... Профессор Домбровский имеет немало научных работ, многие из которых публиковались им в заграничной печати. Игнорирует русских учёных... Антипавловские принципы научной работы... Идеино-политическое воспитание студентов в духе советского патриотизма не проводил».

С О О Б Щ Е Н И Е

Министерства внутренних дел СССР

Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

В результате проверки установлено, что привлеченно по этому делу профессор **Вовси М. С.**, профессор **Виноградов В. Н.**, профессор **Коган М. Б.**, профессор **Коган Б. Б.**, профессор **Егоров П. И.**, профессор **Фельдман А. И.**, профессор **Этингер Я. Г.**, профессор **Василенко В. Х.**, профессор **Гринштейн А. М.**, профессор **Зеленин В. Ф.**, профессор **Преображенский Б. С.**, профессор **Попова Н. А.**, профессор **Закусов В. В.**, профессор **Шерешевский Н. А.**, врач **Майоров Г. И.** были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований.

Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что

показания арестованных, любые подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные **Вовси М. С.**, **Виноградов В. Н.**, **Коган Б. Б.**, **Егоров П. И.**, **Фельдман А. И.**, **Василенко В. Х.**, **Гринштейн А. М.**, **Зеленин В. Ф.**, **Преображенский Б. С.**, **Попова Н. А.**, **Закусов В. В.**, **Шерешевский Н. А.**, **Майоров Г. И.** и другие привлеченные по этому делу полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности и, в соответствии со ст. 4 и 5 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, из под стражи освобождены.

Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

В Президиуме Верховного
Совета СССР

Статья в газете «Правда» о фальсификации дела врачей.
4 апреля 1953 г.

Было и светлое пятно. Слова в защиту деда потребовал его ученик, молодой рентгенолог, офицер Советской армии Владимир Паламарчук. Это по тем временам был поступок исключительно мужественный. В стенограмме отрывистые реплики (то ли намеренно сделанные не вполне внятными, то ли от страха стенографистка сокращала): «Вы прекрасно знаете – всё это неправда... Прекрасный коллектив кафедры...» Но присутствующим все слова были вполне понятны. Мои родные много лет с благодарностью вспоминали это искреннее выступление.

Следуют робкие оправдания Домбровского: врачей-рентгенологов, мол, расставлял по рабочим местам не он, а горздравотдел. Публикации у него были не только в иностранной печати, большинство – в советской. Метод ангиокардиографии применял не только он, но и академик Бакулев...

Конечно, на решение совета это не повлияло. Правда, три члена совета проголосовали против увольнения Домбровского...

Заседание это проходило 2 апреля 1953 года. Повторюсь: на тот момент большинство профессоров-евреев, заведующих кафедрами Ростовского мединститута, уже арестованы. Моя мать присутствовала на всех заседаниях разоблачитель-

ных советов. Самый жёсткий был у Павла Иосифовича Эмдина, блестящего нейрохирурга. Он стал открыто спорить с клеветниками. Не простили. Арестовали сразу, пытали.

Ушёл с заседания ждать ареста и Домбровский.

Через два дня, 4 апреля 1953 года, в «Правде» публикуется сообщение Министерства внутренних дел СССР. Дело «врачей-убийц», якобы по наущению американской и израильской разведок умертвивших членов Политбюро Щербакова и Жданова и готовивших убийство Сталина и других членов правительства, было сфальсифицировано «руководством бывшего МГБ недопустимыми методами следствия». Все арестованные по этому делу освобождены 3 апреля.

Помню вбегающую в нашу «профессорскую квартиру» с этой

«Правдой» маму, задыхающуюся от волнения и счастья. Взрослые шепчутся втайне от ребёнка, и тычут в газету, и читают друг другу, и повторяют, не веря глазам. Могу, однако, констатировать, что страх перед публикациями за рубежом и опаска превысить квоту на евреев осталась у деда до конца жизни. Как и боязнь применять новые методы лечения...

Другим врачам пришлось много хуже.

То же второе апреля. Разговаривают две подруги моей бабушки. Муж Славы Львовны Эмдиной, Павел Иосифович, уже два месяца в тюрьме. Слухи о пытках, о признаниях заставляют содрогаться. А муж Ольги Самойловны Миндли-

ной (Трумпельдор), Самуил Семёнович, завкафедрой факультетской терапии, безвременно умер год назад. «Счастливый твой Муля. Как он вовремя умер».

Дед умер в сентябре 1972 года у меня на руках. В июле он очень неохотно ушёл на пенсию. Ужасно тосковал без работы. В августе поехал погостить к дочери в Нальчик. Накануне смерти я встретил его с поезда на ростовском вокзале. Он крихтел, покашливал. На следующий вечер у него начался отёк лёгких. Потерял сознание. Я сидел рядом с его постелью. В какой-то момент глаза его открылись, он знакомо, осмысленно, всепонимающе и печально на меня посмотрел и согласительно моргнул глазами: да, всё, и сомкнул веки.

Потом приехала скорая. Меня погнали в ближайшую аптеку за кислородной подушкой. Справка, свидетельство о смерти... Первый, и столько раз потом в жизни повторявшийся, тур по скучным конторам, похоронным бюро, завершившийся бросанием кома земли в могилу.

Дед, дедушка Саша, был, пожалуй, главным в моей жизни воспитателем. Строгий, много сам работающий, практичный. Помню написанный его рукой ценник моих работ: «подмести пол – 10 копеек, помыть машину – 15 копеек, вынести мусор – 5 копеек» ... До мытья посуды, однако, masculine трудовое воспитание не доходило. А вот выбрасывать мусор было делом нелёгким. В назначенное время к дому подъезжала мусорная машина и открывала ковш. Пластиковых пакетов для мусора в СССР не существовало. Жиль-

цы стояли в ожидании машины с жестяными вёдрами, наполненными жидковатым мусором – пищевыми и бытовыми отходами. Толпились у ковша, вываливали туда содержимое (исподтишка при этом с любопытством подглядывая, что содержится в мусоре соседей). Проблема состояла в том, что водитель не был пунктуален. Ждать мусорку приходилось до получаса.

Дед обожал технику. и мог себе позволить. Автомобиль «Москвич-401» (так назывался маленький немецкий опель с трофейного завода) он купил ещё до моего рождения. Потом купил новый, а прежний отдал сыну Жозуку. Этот «Москвич» стоил 8000 руб. А зарплата советского профессора была до поры до времени 6000 руб. В месяц! Ну а в 1958 году была приобретена истинно советская «Волга» с оленем на капоте. 40 тыс. руб. В те же дни появилось ещё одно техническое чудо – магнитофон «Яуза». Помню незнакомый звук собственного голоса, рассказывающего о преимуществах «Волги» перед «Москвичом» ... Бобины, увы, утеряны.

Водил, однако, дед неважно, как человек, севший за руль почти в шестьдесят. Как-то раз перевернул автомобиль с домочадцами – с одной стороны спустило колесо, а он стал крутить руль в противоположную сторону. и зарплата в 1961-м сдулась: в момент хрущёвской денежной реформы – власти пытались скрыть инфляцию – «старые» 6000 превратились в 600 «новых» рублей с последующим скачком инфля-

ции (помню бабушку: «Петрушка как стояла пять копеек пу-чок, так и стоит!»). А однажды, придя в мединститутскую кассу, он обнаружил, что всем профессорам без предупреждения снизили зарплату с 600 до 500 – хрущёвское хамство, попытка выправить трещавший бюджет СССР. Тем не менее кухонный комбайн, стиральные машины... А на 16-летие в 1964-м я получил в подарок огромный магнитофон «Тембр», 320 руб. (!), – чудо советской техники. Не для танцев: мелодии Окуджавы сопровождали ежедневную много-часовую подготовку к экзаменам в МГУ.

Образование деда было не дворянским, его дошкольное детство было идишским. Однако его русский был безупречен, лёгкий южный акцент. Он легко читал на трёх европейских языках. Понимал, но почти не использовал идиш. Только изредка вырывалось: цурес, киш ин тохас... Он всегда держал дистанцию, невольно вызывал уважение людей. Шил костюмы у лучшего ростовского портного. Был во всём предельно осторожен, почти всегда строг (иногда по-начальнически), всегда немногословен, значителен. Есть история, когда друг его сына стянул из письменного стола часы. Дед его вычислил, вызвал, запугал, устыдил, и тот принёс часы назад.

Магнитофон «Тембр», предназначен для двухдорожечной записи

или воспроизведения звука, габариты – 600 x 450 x 300 мм, вес – 33 кг. 1964 г.

Бабушка Рося и дедушка Мося

Семья Ципельзон. Ок. 1900 г.

Сидят: Захар Ципельзон; муж Ципы Ципельзон; Гинда Мовшевна Ципельзон (1840 – 18 мая 1918), моя прапрабабушка; Фальк (Филипп, 1862 – 26 декабря 1942, Свердловск), мой прадедушка; жена Матвея. Стоят: Фейга, жена Захара; Ципа;

Сарра (Софья Вениаминовна, 1873 – 3 октября 1943, Свердловск), моя прабабушка; Матвей Ципельзон

Родители отца не были так мне близки, как мамины, с ко-

торами жил. Имелась между семьями некоторая антипатия. Вероятно, неприязнь Иды к зятю частично переносилась на его родителей. Мои походы к ним ею, мягко говоря, не поощрялись. Хотя жили в пяти минутах, тоже на Горького. В скромнейшей квартире. Полторы комнаты, туалет во дворе. А происходили Рося и Мося из состоятельных ассимилированных еврейских семей.

Рася Израилевна Геберович, Рося, как её называли в семье, родилась в Таганроге 3 марта 1895 года. Таганрог был основан Петром I, у него появилась даже идея перенести в этот приморский город, из которого открывался выход в Средиземноморье, российскую столицу. Северная Европа перевесила. Предположу, что с южной столицей развитие России пошло бы совсем по-иному, более тёплому сценарию...

Ученая 15 июля 1918 г.

№ 28

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Представительница сего Гейерова
Раса Израильевна

по произведенному в Медицинской Испытательной Комиссии при Женском Медицинском Институте в г. Харькове в июне 1918 году испытанию, удостоена с

ни звание

Диплома

будет выдан по изгото

В г. Харькове в Израильеву
настоително Израильеву
подписал Израильеву
ского Института.Представительница медицинской
испытательной комиссии

Заслуженный Профессор

Секретарь комиссии Профессор

Секретарь ИзраильевуИзраильеву

Бабушкино свидетельство об окончании медицинского института

Без столичной роскоши и строгости Таганрог развивался как свободный купеческий город, южный порт. К тому же входил до 1887 года в черту оседлости. А после – городская дума упростила царя оставить евреев на месте. По сведениям на 1872 год, в Таганроге числилось 1087 купцов, среди которых русских было 334, евреев – 242, греков – 481 и немцев – 30 человек.

Отец Роси, Израиль Зелманович Геберович, родившийся в 1868 году, служил в банке. Мать, Хая-Рива Берковна Мознаим, 1871 года рождения, – купеческого рода (родословную семьи Мознаим я проследил до 1780 года). Рося училась в лучшей таганрогской женской гимназии. Её подругой-одноклассницей была Фаня (Фанни Гиршевна) Фельдман (Раневская), ставшая великой русской актрисой. Многие годы Рося с Раневской переписывались. В 1914-м Рося поступила в Харьковский женский медицинский институт. Одновременно с другой моей бабушкой, Идой Ошеровской. Так учились в одной группе две мои будущие бабушки. Оканчивали они в июне 1918-го, в разгар Гражданской. По счастью, и Харьков, и Ростов были под белыми: после победы большевиков частный университет был ликвидирован.

Она была хорошим врачом и заботливой матерью. В летние месяцы устраивалась работать в пионерский лагерь на Чёрном море, чтоб вывезти туда своего единственного сына.

В том же лагере работал мой дед, А. И. Домбровский, и тоже ради детей. Так что мои родители познакомились в начале тридцатых в черноморском лагере. В 1938 году, после ареста мужа, Рося уехала из Ростова, опасаясь, что арестуют и её, как жену врага народа. В войну служила военврачом эвакогоспиталя на Кавказе. Демобилизовалась в звании майора медицинской службы.

Рося рано вышла на пенсию, но старалась подрабатывать врачом в санаториях. Несколько лет провела в Серноводске. Летом мы с отцом приезжали к ней в Лазаревскую.

Перечитывала классическую литературу, Гюго. Любила балет, вырывалась в редкие поездки в Москву в театры.

Помню её седой, спокойной, с неторопливыми движениями, всегда исполненной достоинства. А дед мой, Моисей (Мозес) Филиппович (Фалькович) Ципельзон, был полной противоположностью. Быстро двигался, быстро говорил. Ни минуты покоя.

Мося Ципельзон родился в 1893 году в большой купеческой ростовской семье. Отец – Филипп (Фальк) Янкелевич Ципельзон (1862–1942), мать – Софья (Сарра) Вениаминовна Ципельзон (в девичестве Гоц, 1873–1943). Фальк, мой прадед, был человеком верующим, до последних своих дней соблюдавшим традицию. По-русски говорил плохо. Даже застольные беседы просил Софу переводить ему на идиш. А она была женщиной светски образованной, гимназию окончила. Плохое знание русского Фальк возместил другими сво-

ими качествами – сумел развить успешный бизнес скобяной торговли. Начиная с рабочего на заводе по изготовлению гвоздей, потом открыл гвоздевую лавку, потом расширил бизнес до большого магазина скобяных товаров у Старого базара (нынче Центральный рынок). Большевики ему этот коммерческий успех припомнили. В 1924 году он, как бывший купец, был объявлен лишенцем, то есть поражён в гражданских правах. Вся собственность, включая особняк, была конфискована. Дети расселились кто куда – в комнаты, коммуналки. Лишенцу Фальку жилья не полагалось. Ютился у детей. Не нашлось даже места, чтоб Фальку и Сарре поселиться вместе. Отец вспоминал, как Фальк в тридцатые жил у них на Горького, но питаться там не мог – пища некошерная! Шёл с утра в коммуналку дочери, где жила Сарра, умудрявшаяся поддерживать кошер. В 1941 году Фальк и Сарра смогли эвакуироваться в Свердловск, но голода и холода выдержать не смогли. Фальк скончался в декабре 1942-го, Сарра – в 1943-м. Чудом сохранилось письмо их дочери Анны из Ташкента. Жалуется на голод, невыносимые условия жизни, просит, чтоб вызвали её в Свердловск. Приехала, успела, похоронила родителей.

Сделаю отступление о ещё более ранних временах истории семьи Ципельзон. Основным источником информации стала для меня Александра Захаровна Ципельзон (1928 года рождения), давно живущая в Израиле кузина моего отца, человек удивительно чёткой памяти. Видимо, первым носи-

телем фамилии был мой прапрадед Яков Захарович, родившийся в местечке Вальнута Ковенского уезда (Литва) примерно в 1820 году. В соответствии с семейной легендой фамилия его при рождении была Трейвус, а мать его звали Ципорой (сокращенно Ципа). Дабы избежать рекрутирования, он был переименован в Ципельзон (буквально «сын Ципы»). Потом двинулся со своей семьёй в бурно растущий Ростов. Полагаю, он сравнительно рано ушёл из жизни. В 1881 году его вдова Гинда Мошевна (Моисеевна) Ципельзон (моя прапрабабушка) получила звание купчихи второй гильдии (первую гильдию евреям в те годы не давали), а в 1889-м приобрела дом в Ростове на Среднем проспекте, где родились мои дед и отец. Старший сын Фальк (мой прадед) и его братья Захар и Матвей стали купцами, строго блюли традиции иудаизма. В выписке из «Алфавита евреев», царской переписи населения 1881 года, упоминаются прапрабабушка Гинда, Фалк (Фальк) и Сарра, прадедушка и прабабушка.

Фальк Ципельзон с внучкой Аллой Ципельзон. Липецк.
 1936 г.

147. Архивный № ✓ + 10 9 16 10 9 16	8 Сентябрь 15 Сентябрь	10 Октябрь 14 Октябрь	Станислав по Рому кунс у Рачев Александр Ципельзон Жена ее Сарра Фельдманская	Сын Моисей
15 Октябрь	8 Сентябрь 15 Октябрь	10 Октябрь 14 Октябрь	10 9 16 10 9 16 10 9 16 10 9 16	10 9 16 10 9 16

Запись о рождении Моисея Ципельзона, моего дедушки

Женщины	Мужчины	погребены.	Христи	Еврейс	Дат	Число умерших
43	Фальк	погребен на Дону	11 20 78	на Дону	на Дону	Ростовская по Дону купилась Гинда Моисеевна Ципельзон
49	Вольф	11 20 79	11 20 79	11 20 79	11 20 79	11 20 79

Запись о смерти Гинды Ципельзон

Дети Фалька и Сарры Ципельзон росли в большом особняке на Среднем проспекте, благополучие поддерживали скобяная торговля и доходные дома Фалька. Всего Сарра родила 12 детей. Все, кто выжил в младенчестве, окончили частную гимназию в Ростове. Обучение было дорогое, рассказывали, как неохотно Фальк платил за него, чуть до исключения не доходило. Полагаю, одной из причин скупости была его неприязнь к светскому образованию. Дети все отошли от ортодоксальной еврейской традиции, религии, пришли в русскую культуру.

Старшая, Анна (1888–1969, в замужестве Березняк), просила отца дать денег на обучение за границей (в России некрещёных евреев практически не принимали). Фальк отказал. Она сама стала зарабатывать репетиторством, учила

детей французскому, при этом по демпинговой цене, так что, рассказывали, к ней очередь из учеников стояла. Работала целыми днями, и заработала. Поехала в Париж. Сорбонну окончила. Однако в советской действительности стала учителем музыки, автором книги «Первые шаги», которая и поныне используется для музыкального воспитания малышей.

Её брат Эммануил (Неемий, 1890–1971) и вовсе стал толстовцем. В 1910 году ездил на похороны Льва Николаевича. с тех пор перестал мясо есть. Потом он стал знаменитым в Москве библиофилом, обладателем уникальной коллекции книг с автографами, и стихи писал, публиковал. Однажды в шестидесятые попал в Боткинскую больницу с симптомами острого отравления. Согласно семейной легенде, доктор сказал – отравление мясом. Домработница созналась потом, что сварила ему суп на мясном бульоне. Яков (1892–1918 [?]) стал сионистом. Эмигрировал в 1918 году в Палестину и, видимо, вскоре там погиб.

Захар (1898–1972) стал выдающимся инженером-строителем, был главным инженером на строительстве крупнейших советских металлургических заводов – Магнитогорского, Липецкого. Потом работал в министерстве. Его дочь Александра рассказывала мне, как в 1937 году избежал он ареста. Его заместитель, кадровый энкавэдэшник, столовавший в их доме, предупредил вечером накануне. Захар немедленно ночью уехал на Дальний Восток, попросил, чтоб ему задним числом выписали командировку. Отсиживался

там много месяцев, удалось Большой террор переждать.

Ещё одна семейная легенда. Самый младший брат, Мирон, женился в двадцатых на русской женщине, сотруднице НКВД (впрочем, браки тогда не регистрировались). Когда их сыну Павлику исполнилось два года, Мирон влюбился в молодую еврейскую девушку и объявил, что уходит к ней. Жена застрелила его из своего пистолета. Вскоре пришла в себя и в ужас побежала советоваться к его старшей сестре Циля (Ципоре) Ципельзон (1896–1975). Циля была женщиной доброй и мудрой, с ней всю жизнь родственники советовались. Решили заявить, что Мирон сам застрелился.

Мой дедушка Моисей был юношей спортивным, футболистом. После гимназии поехал на учёбу в Петербург. Там присоединился к движению социалистов (вероятно, эсеров), что, видимо, припомнили ему в 1938 году в Ростове, где он руководил небольшой книгоиздательской конторой.

Ростовская еврейская футбольная команда 1906 г.
В центре сидит Мося Ципельзон (в кепке)

Брали Мосю ночью, дома. Провели формальный поверхностный обыск маленькой квартиры, увели в тюрьму на Кировском проспекте. Обвинили в шпионаже в пользу английской разведки. После пыток и потери пальца всё подписал. Ждал приговора тройки. Но тут вышло бериевское послабление. Старых ежовских следователей выгнали, самого начальника НКВД Ежова расстреляли. Новый следователь стал разбираться в показаниях, нашёл нелепости. К примеру, Мося подписал, что завербовал своего коллегу Арона в английские шпионы, а Арон подписал, что он Мосю завербовал...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

- За/С*
1. Утвердить представленный НКВД проект оперативного приказа о репрессировании бранных кулаков, уголовников и антисоветских элементов.
- Вашими за*
2. Начать оперативно всем областям Союза 5 августа 1937 года. В ДВК, Восточно-Сибирской области и Красноярском крае с 15 августа 1937 г. и в Туркменской, Кебекской, Таджикской и Киргизской республиках - с 10 августа 1937 года. Вся операция закончить в 4-х месячный срок. ~~Вопросы, связанные с подготовкой операции, должны быть рассмотрены в кратчайшие сроки.~~
3. Операция проводится в две очереди. В первую очередь подвергаются репрессии уголовники и кулаки, отнесенные к первой категории. Во вторую очередь кулаки и уголовники, отнесенные ко второй категории.
4. Председателями троек утвердить народных комиссаров внутренних дел и начальников краевых и областных управлений НКВД.
5. Отпустить НКВД из резервного фонда ССК на оперативные расходы, связанные с проведением операции, 75 миллионов рублей, из которых 25 миллионов - на оплату железнодорожного тарифа.
6. Обязать НКПС предоставить НКВД по его заявкам подвижной состав для перевозки осужденных внутри областей и в лагеря.

утвердило подписанный днём ранее оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов. Приказ был подписан наркомом Н. Ежовым и его заместителем, начальником Главного управления государственной безопасности М. Фриновским. Лица, отнесённые к первой категории, подлежали расстрелу, ко второй – заключению в тюрьмы и лагеря. (ГАРФ)

Допрос в НКВД. Рис. С. Чекунчикова
Сразу после Мосиного ареста Рося уехала из Ростова в ма-

ленькую кавказскую деревню. Имелся уже опыт друзей: так можно было жене арестованного спастись от ареста. Устроилась на работу в местной больничке. Их сын Толя, 16 лет, перебивался в Ростове. Обедал у тётки. В 1939 году Мосю выпустили из тюрьмы, даже дали три копейки на трамвай. Толя вспоминал возвращение отца с наивысшим волнением: соседка завидела деда издали и ворвалась в квартиру с криком:

«Мося идёт!» Рося счастливо вернулась. А Мося после общения с НКВД возненавидел советскую власть и лично товарища Сталина всей душой.

Во время войны бабушка и дедушка эвакуировались с Росиным госпиталем. Сперва на Северный Кавказ, потом ещё дальше. По возвращении отвоевали свою маленькую квартиру на Горького, 136. Думаю, и часть мебели тут сохранилась. Резные, художественные буфетик и настенный шкафчик были от таганрогского мастера конца XIX века. Такие красивые, что даже у оккупантов-самозахватчиков, вероятно, не поднялась рука сжечь их в печке, разделявшей две комнатки квартиры.

Детские воспоминания: меня приняли в пионеры. Было это возле замечательного здания татарской мечети, превращённой в армейский склад, на Красноармейской (Скобелевской) улице. с восторгом и гордостью прибегаю к Росе и Мосе, готовым поддержать мою детско-нелепую радость. Ещё одно: Мося читает нам переписанный им от руки «Бабий

Яр» Евтушенко. Мне двенадцать. Одно из первых моих соприкосновений с памятью об ужасе Холокоста. Мося ходил по друзьям, читал им это ошеломляющее стихотворение. Потом каждое политизированное стихотворение Евтушенко становилось для него событием, поводом поделиться с близкими.

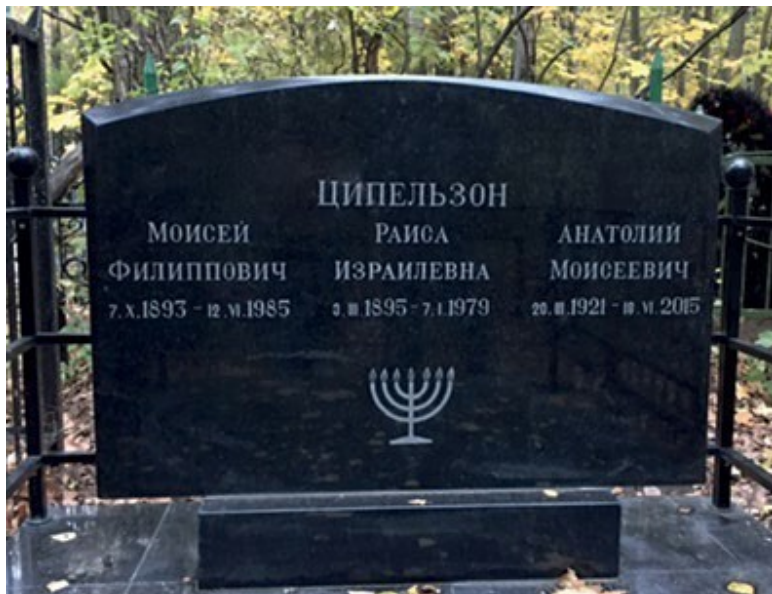
В начале семидесятых Толя перевёз родителей в Москву, точнее в Красногорск. Большим счастьем они считали, что удалось поменять ростовскую квартиру на большую комнату в коммуналке в ближнем Подмосковье. Мы с отцом навещали их, когда я бывал в Москве. А сам отец бывал у них по нескольку раз на неделе. Помню, читал им вслух недавно опубликованные, потрясшие меня рассказы Григория Горина, великого советского драматурга и писателя. Зрение у них было неважным. На середине девятого десятка достигла дедушку и обычная мужская беда – пришлось оперировать простату.

В 1979 году бабушки не стало. Мося прожил еще шесть лет. Зрение потерял почти полностью: катаракту тогда не оперировали. Был энергичен, разговорчив, говорил очень быстро до конца своих дней. В комнате его стояло несколько радиоприёмников, репродукторов. На каждом была настроена одна из радиостанций, и он перебегал от одного к другому, чтоб услышать последние новости. Схожее качество (невротическое?) досталось и мне. Заботилась о Мосе добросердечная соседка по коммуналке. Готовить он не мог,

но вспомнил, что рядом с домом находится кулинарный техникум. Смело зашёл в их столовую и спросил, можно ли к ним прикрепиться. Поварахи отнеслись к нему сочувственно, так что кормился вкусно и бесплатно. Ушёл из жизни на девяносто третьем году.

Похоронены Рося и Мося на небольшом Пинягинском кладбище. В 2015 году к ним присоединился и их сын, от которого я перенял обязанность следить за этими могилами.

Похоронены Рося, Мося и их сын Анатолий на Пинягин-

ском кладбище

Mama

Елена Домбровская. 1936 г.

Елена (Ляля) Домбровская родилась в 1926 году в Ростове, на улице Горького, 102, в вышеописанной квартире. Тут же спустя 23 года родился и я. Была Ляля хорошей, доверчивой девочкой, отличницей. Для мотивации к учёбе отец поощрял за полученные пятёрки небольшим денежным вознаграждением. Но старший брат, менее преуспевавший в учёбе, обычно у неё эти деньги выдуривал. Училась в 36-й школе, долгие годы – самой престижной в Ростове (там потом учились мои сыновья Саша и Марк). Детство было благополучным. Рано определилась с профессией, решив стать врачом.

Грянула война, мучительная эвакуация на барже до Калача, потом с мамой в грязный Акмолинск. А потом – сравнительно благополучный быт в Томске. Рвалась на фронт. Убежала из дому, отец с трудом отыскал её, задержанную на полустанке милицией, вернул домой. Поступила в Томске в мединститут. А в 1943-м вернулись в Ростов, в Ростовский мединститут. Конечно же, по-прежнему отличница.

Половодье в Томске. 1941 г.

Елена Домбровская за подготовкой препаратов. 1949 г.

Всегда была романтиком. Кафедрой патанатомии заведовал блестящий профессор Ш. И. Криницкий, приехавший в Ростов с Варшавским университетом. Он и увлёл Лялю своей специальностью. Над входом в кафедру было написано высокопарное: «Здесь мёртвые учат живых». Ляля благоговела перед профессором, его памятью до конца дней своих. В 2004 году написала и издала книгу воспоминаний о своём наставнике «Шалва Иосифович Криницкий. Жизнь и деятельность (к 120-летию со дня рождения)».

По окончании мединститута в 1947 году работала прозектором в Центральной городской больнице и одновременно

училась в аспирантуре на кафедре у Криницкого. Считали, что учёному-патологоанатому нужен большой практический опыт, и руку, глаз Ляля набила изрядно. Чуть не до конца жизни везли ей родственники прооперированных больных со всего Юга России стёклышки сложных биопсий. На своём домашнем микроскопе она уверенно идентифицировала необычные болезни, сложные случаи. Гордилась этим заслуженно. В 1955 году защитила диссертацию на степень кандидата медицинских наук на тему «Патологическая анатомия хронических пневмоний с бронхоэктазами». Стала ассистентом кафедры патологической анатомии Ростовского медицинского института.

Свадебная фотография родителей. 17 ноября, 1947 г.

Девушкой Ляля была красивой, интересной. Невестой – весьма привлекательной: профессорская дочь! Общение в ростовских интеллигентских, по преимуществу еврейских, компаниях (тусовках) было интенсивным. Вечеринки, танцы. Влюбилась в Толю – тоже студента-медика, по возвращении с фронта он доучивался, специализировался. Свадьба в 1947-м. Счастливые фото первых лет жизни, рождение сына. У Ляли в груди было много молока. В роддоме она даже делилась с ребёнком своей подруги Риты Казимировой (позже мой педиатр).

1953 год. Тяжёлое испытание для семьи. Дело врачей. 2 апреля Ляля с Толей пришли на заседание учёного совета мединститута, где клеветали на её отца. Как представить себе её эмоции, бессильное негодование? Мужественное выступление их товарища Володи Паламарчука ничего не изменило в судьбе деда, но для них оказалось глотком свежего воздуха, моральной опорой. А 4 апреля я увидел Лялю, вбегающую в квартиру с газетой «Правда», где сообщалось, что дело врачей сфабриковано, что признания обвиняемых были получены при помощи «недопустимых методов следствия». Между этими двумя датами – мой четвёртый день рождения. Праздника не помню. Ну а месяцем раньше Ляля плакала по смерти Сталина... Для полноты картины добавлю, что Лялин научный руководитель и кумир был, как она сама признавала позже, антисемитом. Профессия была для Ляли самым важным в жизни.

Работала с самоотдачей. В начале шестидесятых увлеклась патоморфологией эндокринных желёз. Помню её радость, когда получила из Канады от Ганса Селье (Hans Selye), нобелевского лауреата, автора теории стресса, просьбу прислать её статью. Послала, написала ему. Он в ответ прислал свою прекрасно изданную книгу. В 1968 году Ляля защитила докторскую диссертацию на тему «Морфологические изменения в надпочечниках при основных формах гипои акортицизма». Помню шикарный по тем временам докторский банкет в ростовском ресторане «Центральный». Счастливые

бабушка и дед. Я уже студент мехмата МГУ, а ректор Ростовского мединститута предлагает мне перевестись к ним без экзаменов...

Тут, однако, пришлось Ляле из Ростова перебираться. По стандарту на кафедре должен был быть один доктор наук, он же заведующий. Должность была занята профессором Дороховым из Курска. Шептались, что он профессионально не шибко грамотен. Поиск вакансии был довольно долг и усугублён антисемитскими ограничениями. Приземлилась на недавно созданном медфаке Кабардино-Балкарского университета, завкафедрой нормальной и патологической анатомии.

Нальчик. 1970-е гг.

Думаю, годы в Нальчике (1969–1996) были самыми счастливыми в маминой жизни. К её профессионализму коллеги и чиновники относились с огромным уважением. Фактор антисемитизма в кавказской республике практически отсутствовал. Сразу дали ей отдельную комнату в общежитии, подыскивали квартиру. Через год таковая освободилась, но показалась Ляле слишком большой. Решение быстро нашлось. Семья доцента университета переехала в большую квартиру, Ляле досталась маленькая трёхкомнатная в хрущёвке, комнаты «трамвайчиком». Расположена была в цен-

тре, рядом с огромным парком.

Немало счастливых дней довелось мне пережить в этой квартире, когда гостил у мамы. Сперва студентом, из заснеженной Москвы – в раннюю южную весну. Обожал огромный парк со старинными липовыми аллеями. Приезжал иногда и с друзьями, Федей Сурковым, Аликом Харлапом.

Вспоминаем с Федей 7 ноября 1983-го. До завтрака бегу в киоск за газетой, в которой моментально находим подтверждение: да, нам присуждена Госпремия. Завтракаем Лялиными сырниками, празднуем.

Много дней провёл в этой квартире и в этом парке мой сын Саша. В детский сад ходил в Нальчике. Падал, к ужасу бабушки Ляли, в ампирный парковый фонтан...

В Нальчике на своей кафедре мама не только обеспечила качественное обучение студентов и воспитала квалифицированных патологоанатомов, но и создала, почти с нуля, патологоанатомическую службу. До её переезда аутопсий в Нальчике почти не делали. Она завела еженедельные клинико-анатомические конференции по разбору сложных случаев, врачебных ошибок. Хирурги её уважали, благодарили, у неё учились. Убедила чиновников (обком КПСС), что надо построить в Республиканской больнице патанатомический корпус. Сама его проектировала, надзирала за стройкой. Устроила музей анатомических препаратов. Получила там комфортный кабинет. Другой был у неё в университете. Начальство ей выделило персональный автомобиль с води-

телем. Звали на приёмы, пускали в турпоездки за границу. Завелись сердечные кабардинские друзья. Были романы.

Елена Домбровская со своими студентами. 1949 г.

В 1996 году, когда Чечня уже полыхала, а к Кабарде подбиралось, Ляля продала квартиру в Нальчике. За вдвое большую сумму мне удалось купить ей такую же квартиру в Ростове, на бульварной Пушкинской улице. По счастливому совпадению риелтор предложил квартиру, принадлежавшую раньше кузену Виктору Домбровскому – тот её выменял в своё время на бо́льшую. Как все мы радовались этому сов-

падению! Дом, в отличие от Нальчика, был кирпичный и с лифтом. Ляля перевезла всю мебель, полностью воссоздала привычный интерьер. Жители Нальчика провожали её со слезами. Для переезда выделили большой грузовик. Помню, как мы сидели в пустой ещё ростовской квартире, ждали прибытия машины с мебелью и скарбом. Ляля по ошибке положила в грузовик сумку с деньгами и документами. Всё уцелело.

Нальчик. 1972 г.

Атажукинский парк в Нальчике. Современное фото

Ей было семьдесят, полна энергии. С работой, однако, в Ростове не вполне сложилось, хотя её сразу взяли профессором на родную кафедру патаномии. Время было тяжким для российского образования. Зарплаты преподавателя не хватало на жизнь. В университетах развилась коррупция. Часто за взятку студент мог сдать экзамен. Строгий экзаменатор, Ляля ставила неучу двойку, после чего он с благословения завкафедрой быстро пересдавал другому преподавателю.

давателю. Дома Ляля открыто возмущалась: «Они выпускают врачей-вредителей!» Я её отвлекал, говоря, что молодых преподавателей, которым нечем кормить семьи, можно понять. На кафедре она была сдержанней. Но, не сомневаюсь, её полные укоризны взгляды не добавляли коллегам душевного спокойствия.

Нашлась, однако, ниша. Ей дали группу студентов-иностранцев. Африка, Южная Азия, Палестина (!)... Эти искренне старались выучиться, и на взятки денег у них не было. Благодарные ученики. Трогательно благодарные – всегда цветы к праздникам, неумелые поздравления.

Следующее и последнее место работы Ляли с 2009 года – патанатомическое отделение городской больницы № 10. Завотделением относился к ней тепло и уважительно. Но ситуация, увы, была воистину патологической. Ляля с удивлением обнаружила, что в больнице не проводят клинико-анатомических конференций, не анализируются ошибки клиницистов, даже хирургов. Один из случаев оказался вопиющим. Результаты вскрытия, биопсий обнаружили грубейшую ошибку хирурга, приведшую к смерти на операционном столе молодого армянина, чемпиона по борьбе. Ошибку сокрыли. Ляля пыталась протестовать... Полагаю, что хирурги в больнице делились левыми доходами с патологоанатомами, покрывавшими их ошибки. Уволилась. Как бы в знак протеста. А может, уже трудно было работать в 83 года.

Тяжело было ходить. Долго отказывалась пользоваться

палкой – старушечье! Потом стала ходить сразу с двумя. Потом с ходунками... Колени, артроз. Начиная с Нальчика, с 1968-го, привыкла к машине, шофёру. По возвращении в Ростов с моей помощью водителем тоже была обеспечена. Сама она считала, что подорвала колени во время туристских походов.

Чуть не забыл рассказать о её материнском подвижничестве. Когда я и мой кузен Виктор были подростками, она ежегодно ездила с нами на советские турбазы. Ходили в походы по Прибалтике, по Закавказью, на Эльбрус забирались (приют 11)! Вот как раз пеший подъём на Эльбрус Ляля и считала причиной своего артроза.

В 2006 году дорогие мои друзья-кинематографисты Ира Кемарская и Миша Местецкий сняли о Ляле фильм «Семейный альбом» за что я им бесконечно благодарен. Ляля была мастерицей альбомов семейных фотографий. Размещала, прикрепляла, подписывала. Обожала их рассматривать и показывать. Мы щедро дарили ей фотографии из наших путешествий, с семейных праздников, и она помещала их в огромные рамки на стене в спальне. Вся стена была завешана фотографиями детей и внуков. Иконостас.

Я с мамой в квартире на ул. Горького. 1957 г.

Мы с мамой на даче. 2002 г.

Ляля любила плавать, любила море, заплывала в Чёрном море на километр от берега. В последние её годы мы несколько раз выезжали на семейный отдых в Турцию, Грецию, ОАЭ. А в Ростове с бассейном не получилось. Не было в городе ни одного с лестницей и перилами. А по трапу взобраться она не могла, просить о помощи стеснялась...

Была мама невероятно трогательна. Она хранила кучу папок с моими грамотами за успехи в школе и на олимпиадах, статьи мои и обо мне, вырезанные из газет.

Читала много. Пользовалась библиотекой. Всю жизнь вы-

писывала литературные журналы «Новый мир» и «Иностранная литература». Там из номера в номер, с продолжением, печатали замечательные романы и повести, зачастую не публиковавшиеся в виде отдельных книг, – цензурная планка в журналах была ниже, чем в издательствах. Хранить все подписки было невозможно. Расстаться с любимыми произведениями – тоже. Был найден следующий выход: Ляля вырезала любимые произведения, соединяла главы и отдавала в переплётную мастерскую. Этих журналокниг у неё были десятки. В постсоветское время перечитывала их. Зачитывалась Людмилой Улицкой, Диной Рубиной, Екатериной Вильмонт. Одной из любимых книг её последних лет была «Гибель империи» Егора Гайдара.

Сенильности она избежала. Но возрастная затуманенность наступала. Несколько раз становилась жертвой мошенников – то телефонных, то «приносивших важные документы». Все её скромные домашние сбережения выдурили.

Мама в день рождения. 2012 г.

В последние годы желание жить уходило.

Юмор и скепсис были ей присущи всегда, как и идиллический романтизм. Я всегда ощущал огромную силу её любви. Как и завещала, похоронили её на Северном кладбище –

ушла к родителям, брату.

Отец

Отец у дверей родного дома. 2009 г.

Толя Ципельзон родился 20 марта 1921 года в фамильном особняке Ципельзонов на Среднем проспекте Ростова. Советская власть лишь недавно укоренилась в Ростове, и дом удавалось пока сохранить, сравнительно благополучная жизнь продолжалась. На фото он у дверей дома 89 лет спустя. Мы вошли с ним во двор, и он вспомнил место, где устанавливали в Суккот шалаш, столь любимый детьми. Он рос с тремя кузенами-сверстниками: Инной, Юрой и Лёвой.

Однако в 1925 году дом отобрали, Толиного деда Филиппа объявили лишенцем (форма большевистской репрессии), всю семью выселили. Припомнили Филиппу владение магазином скобяных товаров. Толиному отцу, работавшему в советском издательстве, удалось получить крохотную квартиру (улица Горького, 130, кв. 10), в которую вселился Толя с родителями и репрессированным дедом. Для бабушки Софы (Сарры) места в этой квартире не нашлось. Она жила с дочерью. Каждое утро дед уходил к ней до завтрака. Питался только там, ибо Софа блюла для него кашрут. Возвращался вечером. В шабат дверь до его прихода не запирали, ибо брать ему в руки ключ в этот день было недопустимо.

Школу свою Толя любил. Она находилось в красивом здании дореволюционной гимназии на Пушкинской улице у Городского сада (разрушена в войну). Толя с удовольствием вспоминал о школе, прежде всего о школьных товарищах.

Называл их имена. Это были евреи, да ещё из интеллигенции, – так получилось в сравнительно благополучном центральном районе Ростова. В населении города евреи составляли тогда около 8 %, но культурное притяжение работало. Толя был спортивен, член волейбольной команды.

В 1937 году начали сажать отцов. Толя вспоминал, как его близких друзей заставляли каяться перед всем классом, отрекаясь от своих родителей – врагов народа. В 1938-м, когда Мосю арестовали как английского шпиона, эти публичные пытки детей уже прекратили. Толя был счастлив – в невиновности отца он никогда не сомневался. В 1938 году уже знали, что женам арестованных надо немедленно уезжать из города, и подальше. Тогда несовершенная машина НКВД их обычно теряла из виду, удавалось избежать ареста. Толя остался дома один. Энкавэдэшники на их крохотную квартиру не позарились. Он уже оканчивал школу, пришлось подрабатывать – с одноклассниками художественно оформляли витрины магазинов. Мечта его поступить в Харьковский авиационный институт не осуществилась: детей врагов народа туда не брали. Но в Ростовский мед приняли.

Тут Мосю внезапно из тюрьмы выпустили – после пыток, самооговора: пришли новые бериевские следователи, обнаружили нелепости, нестыковки в материалах дела. Многих, кто ещё не успел попасть в лагеря, выпустил тогда добряк Берия. о тюрьме, пытках Мося никогда не рассказывал, но Толя заметил, как сжимались кулаки отца, когда упоминали

Сталина, догадался, что возненавидел его отец люто. Много позже, когда культ личности и террор разоблачили, Толя признался: будучи убеждён в невинности отца, посчитал, что в его случае восторжествовала правда. А вот те, другие, кого не выпустили, родители друзей – они и вправду шпионами были?!

А 22 июня 1941 года грянула война. Толю, как медика, призвали в армию 23 июня. Но, по счастью, не сразу на фронт. Направили на полгода доучиваться в военный медицинский институт. На фронт он попал в феврале 1942-го, лейтенантом, дипломированным военврачом. А из трёх миллионов, направленных на фронт в июне-июле 1941-го, погибли 2,9 млн.

И провёл Толя всю войну на самой линии фронта, в медсанбате, а не прифронтовом госпитале.

Вплоть до последних лет жизни отец не любил рассказывать о войне. Даже когда садились за стол 9 мая, отнекивался. Но в конце жизни разговорился. Память его была точной, цепкой, детальной.

Зимой 1942 года их дивизия несколько дней подряд делала лыжные переходы на запад, к линии фронта. А ночью, в темноте, они, измученные, возвращались назад, к востоку. Это командование запутывало врага, изображало ложное готовящееся наступление. По счастью, на лыжах Толя бегал неплохо – предвоенные зимы в ту пору были в Ростове снежными. Он и на коне умел скакать! Вспоминал, как однажды

летней ночью, возвращаясь в часть, растерялся: линия фронта была резаная, боялся попасть к немцам. Отпустил поводья, и конь спокойно привёл его в часть.

Был ранен тяжело. Оперировали без наркоза и неудачно. Осколок немецкого снаряда оставался в Толином лёгком до конца жизни. Был он командиром приёмно-сортировочного взвода. Награждён двумя орденами и тремя медалями.

Вот что сказано в одном из его наградных орденских листов: «Тов. Ципельзон А. М. проявил исключительное умение в организации выноса раненых с поля боя и своевременного оказания им врачебной помощи...

За заботу о раненых Т. Ципельзон пользовался их особым уважением и любовью. 09.01.1944».

Анатолий Ципельзон в военной форме. 1944 г.

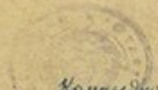
Личные дела

202

- 1 Формы ил. отчество Ципельзон Анатолий Давидович
- 2 Фамилия Златан, фр. в Германии, мать Кузнецова в 1942
4. 26 окт. 1942. Служба в 1-м полку 1-й бригады 1-й армии 1-го фронта
4. 27 окт. 1942. 1-й полк 1-й бригады 1-й армии 1-го фронта
7. Фамилия в гражданском виде, международная война, война по линии ВОВ в 1942-1943 гг. в Офицерской школе
8. 26 окт. 1942. 1-й полк 1-й бригады 1-й армии 1-го фронта
9. Имя и фамилия в гражданском виде, война по линии ВОВ в 1942-1943 гг.
10. Имя и фамилия в гражданском виде, война по линии ВОВ в 1942-1943 гг.
11. Имя и фамилия в гражданском виде, война по линии ВОВ в 1942-1943 гг.
12. Имя и фамилия в гражданском виде, война по линии ВОВ в 1942-1943 гг.

1. Краткая биография Анатолия Давидовича Ципельзона (1908-1944).
Анатолий Давидович Ципельзон родился 26 октября 1908 г. в г. Вильнюс.
В 1927 г. окончил Московский университет. Работал в различных учреждениях.
В 1938 г. поступил в Военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1940 г. окончил академию.
В 1941 г. назначен командиром батальона в 1-й бригаде 1-й армии 1-го фронта.
В 1942 г. назначен командиром полка в 1-й бригаде 1-й армии 1-го фронта.
В 1943 г. назначен командиром бригады в 1-й армии 1-го фронта.
В 1944 г. назначен командиром бригады в 1-й армии 1-го фронта.
Умер 26 октября 1944 г. в боях за освобождение Вильнюса.

Командир бригады 1-й армии 1-го фронта

9.1.1944
Командир бригады 1-й армии 1-го фронта
Анатолий Давидович Ципельзон

Наградной лист к ордену Красной Звезды. 1944 г.

А вот воспоминание о феврале 1943 года. К ним в часть приехал лектор Главного политуправления РККА, провёл политинформацию среди бойцов. А после публичного мероприятия Толя с лектором оказались в подсобке комбата за кружками спирта. Оказалось, все трое – евреи. Разговорились, разоткровенничались. После пары кружек московский лектор поведал, что на самых верхах, в ЦК и ГЛАВПУРе, разворачивается антисемитская кампания. Отец вспоминал: «Я ему тогда не поверил». Это теперь мы знаем, что в ноябре 1942 года ЦК разослал циркуляр «О засилии евреев в советской культуре» и что начальник ГЛАВПУРа А. Щербаков издал в начале 1943-го директиву: «Награждать представителей всех национальностей, но евреев – ограничено». Тогда, однако, весь довоенный опыт отца свидетельствовал: государственного антисемитизма в интернационалистском СССР не было. Жертвами арестов, убийств Большого террора были многие евреи, родители друзей. Но даже по прошествии многих лет, после анализа документов в советских архивах, вывод один: объектами террора были успешные, талантливые люди безотносительно национальности. Просто среди таковых много оказалось евреев.

Закончил войну Толя в Берлине. Советские войска оставались там долго. Но он сразу после победы подал заявление о демобилизации. На вопрос полковника о причине спонтанно ответил: «По маме соскучился». Растроганный начальник

с ходу подписал.

В родном Ростове для врачебного диплома заставили ещё два года доучиваться в мединституте. Не знаю, что было раньше: решение стать рентгенологом или брак с дочерью завкафедрой рентгенологии... Знаю только, что брак этот у Толи был не первым. До этого недолго был женат на Асе Перлиной.

Воспоминания о деле врачей у моих родителей очень схожи. Ужас бесконечной лжи и несправедливости, привычный советский страх. Чудом пронесло... К рентгенологической науке, однако, Толя склонности не обнаружил. Думаю, практическим врачом, диагностом он был отличным. Но сиденью за письменным столом предпочитал живое общение, друзей, женщин. Много времени уделял сыну. Маму и её родителей его равнодушие к науке огорчило.

Я с папой в квартире на ул. Горького. 1957 г.

Не укрепляло супружескую жизнь и вынужденное проживание в одной с родителями жены квартире, хоть и профессорской. Бабушка Ида была непримирима и прямолинейна, и сцены горькой ревности мамы невозможно было скрыть от ребёнка... После смерти Жозика, в котором бабушка души не чаяла, она ещё больше ожесточилась, вымещала на зяте непомерное горе. Между тем Толя познакомился на рентгенологической конференции с московской коллегой Викторией Порфирьевной Варсанофьевой. В 1962 году подал на развод и переехал к ней в Москву. Его неожиданный уход был досаден для мамы, хотя и до этого отношения моих родителей были нехорошими, неровными, и всё это вместе

травматично для меня.

Этот брак и московский период жизни были для Толи счастливыми. Приобрели славную двухкомнатную квартиру в кооперативе медиков на улице Усиевича, в спокойном, престижном районе. Славные соседи. Чуть ранее переехал из Ростова в Москву его ближайший друг, рентгенолог Лёва Портной, он поселился поблизости. Много друзей, коллег. Как и в Ростове, сложилось так, что большая часть – евреи. Устроился Толя на работу в одну из лучших московских клиник – Центральную больницу МПС.

В результате скверного расставания родителей мои отношения с отцом были непростыми. Пока я учился в старших классах, мы не общались. Когда переехал учиться в Москву, отец пришёл ко мне в общежитие. Сперва общение было трудным, неловким. В грузинском ресторанчике на Ленинском проспекте удавалось разговориться. Отношения восстанавливались, я стал бывать у них на выходные. Вкусные обеды, знакомство с его друзьями... Помню его 50-летие в элитном ресторане ВТО на Пушкинской площади. В ресторан этот и одному простому человеку было не попасть. Однако врачебные связи обеспечили шикарный банкет на 60 человек. Договаривался его друг, блестящий хирург Витя Маневич. Вообще, жизненный стандарт в семье отца был по советским меркам высок. Такси чуть не каждый день, продукты свежайшие с Ленинградского рынка. Отец на рынок любил ходить. Знакомые торговки уже знали его вкус. Турпо-

ездки за границу. Всегда в доме жила собачка, карликовый пудель.

Интересные (дефицитные, по советской терминологии) книжки у отца не переводились. Всего интересней ему были по истории Второй мировой. Тома со схемами передвижения войск, сражений, мемуары военачальников. Помню, как дал он мне книгу А. Некрича «1941. 22 июня» о губительной роли Сталина в крахе советской обороны. Её вскоре после издания изъяли из советских библиотек, а автора исключили из партии. Потом стали появляться и самиздатовские, и тамиздатовские.

Тогда уже активно ходила антисоветчина. Откровением стала «Технология власти» А. Авторханова, бежавшего после сталинских лагерей на Запад и ставшего американским профессором. Брал я эти книги в общежитие, делился с соседями. Тамиздатовское издание Авторханова сокурсников впечатлило. За неделю прочитали человек с десятков. А книгу пьес Евгения Шварца принёс отцу его друг физик Лёня Левин. с его разрешения я и её принёс в общежитие. Читали с восторгом. Вскоре она пропала с книжной полки над моей кроватью. Удалось найти только через три месяца. Светло-жёлтая матерчатая обложка сделалась тёмно-серой. До сих пор помню ужасное чувство стыда, когда пришлось возвращать грязную книгу.

Свою работу отец любил. Осваивал новые поколения рентгеновских аппаратов, с возрастом, однако, постепенно

сокращал нагрузку, работал по четыре, три, два дня в неделю. Супругу он пережил на семь лет. Работу оставил одновременно с ней, из солидарности, но с неохотой. Ему было 84. Помню, первое время он тосковал, то и дело ездил в свою больницу.

В 2007 году дорогие мои друзья-кинематографисты Ира Кемарская и Миша Местецкий, делавшие фильм о маме, сняли замечательный фильм и о нём. Обработали сотни семейных фотографий, Миша пришёл с оператором и интервьюировал отца много часов. Многочисленным моим друзьям, родственникам фильм очень понравился, и внукам. Тщу себя надеждой, что ещё пара поколений посмотрит, надо бы английские субтитры сделать.

В 2009 году, уже после смерти Виктории Порфирьевны, была у нас отцом замечательнейшая поездка на родину в Ростов. Я его долго уговаривал, одним из аргументов было то, что ветеран войны в неделю Дня Победы имел право на авиабилет бизнес-класса для себя и сопровождающего. с обслуживанием в депутатском зале.

Это была поездка радости. Поселил его в уютной гостиничке на Пушкинской улице, рядом с памятником поэту, на открытие которого, помню, приезжал из Москвы в 1959 году кузен отца архитектор Юра Сосенко, соавтор проекта. Много гуляли по городу. Первым делом к дому, где Толя родился. Вошли во двор, и он сразу подошёл к уголку, где в детстве его устанавливали праздничную сукку. Подошли к две-

рям квартирки, где жила тётя, кормившая его, когда в 1938 году арестовали отца, а мать укрывалась от ареста. А потом – к двери, где жил в квартире Наташи Решетовской Александр Солженицын. Тут вышел во двор покурить один из современных жильцов дома. На наше сообщение о Солженицыне ответил с кавказским акцентом, что такого писателя «нэ знает». Хохотали.

Потом – в дом на Горького, где Толя жил с родителями позже. Потом в Центральную городскую больницу, в рентгенологическое отделение, в бывший его кабинет, где проработал 15 лет.

Потом по родственникам. Двоюродная сестра отца Виталия (Талочка) Моисеевна Тростянецкая, его ровесница. Не могли наговориться, навспоминаться. Она тоже врач, тоже участница войны. Вспоминаю её трагический рассказ. Весна 1944 года, их госпиталь переведён в освобождённый Крым. Талочка квартирует у симпатичной татарской женщины, муж которой на фронте, и вдруг та прибегает в ужасе: приказ Сталина на выселение крымских татар, срочно погрузиться на грузовик. А под домом уже стоят два энкавэдэшника... Плач детишек, а потом рёв недоенных коров...

Толя танцует с кузиной Талочкой Тростянецкой.
2009 г.

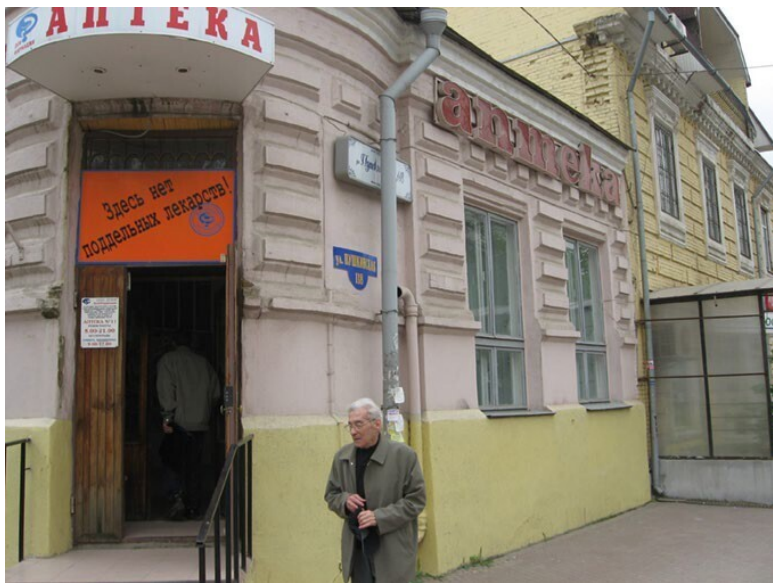
Счастливая Ханука. Москва, 2012 г.

Увенчала визит вечеринка в уютном ресторане при гостинице, в которой отец остановился. Оказалось, что ресторан принадлежит родственнику, Максиму Когану, сыну Тани Зальцман и Миши Когана, которые тоже пришли на вечеринку. Были там и дочка Талочки Наташа Карзаева, мой двоюродный брат Виктор Домбровский, троюродные братья Саша и Юра Березняки, мои ближайшие друзья.

Со мной Толя, причём впервые в жизни (!), пришёл в синагогу. Во время ханукальной молитвы прошептал: «Узнаю эти слова». Последний раз он слышал еврейскую молитву в четырёхлетнем возрасте.

До последних дней своих Толя пару раз в день выходил гулять, помногу ходил. Говаривал: «Нет плохой погоды, есть плохая одежда...»

Отец на фоне аптеки, помещение которой принадлежало до революции семье Ципельзон

В 2011 году он попал в больницу с кровотечением пищевода. Предполагаем, что произошло оно от аспирина, который он принимал как кроворазжижающее. Сознался, что запивал малым объёмом воды, в результате ацетилсалицило-

вая кислота накапливалась внизу пищевода. Вылечился. Аспирин перестал пить, и вскоре случился небольшой инсульт. Он сразу позвонил мне, пытался объяснить, что с ним произошло, но язык не слушался. Нарушилась речь, стала затруднённой, долго подбирал слова, с трудом выговаривал, выражал мысль, которая оставалась незамутнённой. Нашли даже логопеда, славная уважительная девушка немного помогла. Но общение было омрачено. Приходилось угадывать его мысль, подсказывать слова...

Было два традиционных ежегодных события: день рождения Толи и День Победы. День рождения мы повадились отмечать в ресторане марьиноороцинской синагоги, в Московском еврейском общинном центре. В те годы МЕОЦ был щедр: давали скидку в процентах, равную возрасту именинника. Так что платили менее 10%! Отца эта халява очень радовала. Помню, как в последний год его жизни, в 2015-м, ему уже так тяжело было идти на свой праздник. Но ради нас он сделал большое усилие...

Праздник Победы.

С главным раввином России А. С. Шаевичем. 2013 г.

День рождения, последний. Ресторан Московского еврейского общинного центра. 2015 г

В День Победы приходили к нему домой, на улицу Усиевича, 7. Выходили на прогулку, фотографировались. Потом – праздничный обед дома. Пока был в силах, отвечал на наши вопросы о войне. В деталях вспоминал тяжкие годы. Водки выпивал. Ел всегда с удовольствием, со вкусом. Моя жена Мэри знала его вкус, угождала всячески.

Несколько лет подряд на следующий после 9 Мая день Толя участвовал в другом ритуале: московская еврейская об-

щина приглашала ветеранов к хоральной синагоге. На площадке напротив неё устраивали праздник, застолье. с каждым годом отцу становилось труднее ходить на эти мероприятия. Уставал всё быстрее. Делал это через силу, чтобы угостить нас к моей семье присоединялись кузина Маша и её муж Женя Колосов, преподаватели консерватории. Ушёл из жизни отец на 95-м году жизни, 18 июня 2015 года. Подзахоронили к родителям, на Пинягинском кладбище.

9 мая 2015 г. День Победы. Возле дома.

Через два месяца Толи не стало

Завершая рассказ о своих родителях и прародителях, хочу с некоторой гордостью констатировать: сотрудничеством

с большевиками, сталинскими и постсталинскими силовиками предки мои не замараны. Я не стану осуждать тех людей, кто по искреннему заблуждению либо по принуждению был в такое сотрудничество включён. Два моих деда от сталинизма пострадали. Предки мои были честными профессионалами в Российской империи, потом в СССР, потом в России (которая снова империей пытается обернуться), трудились на благо людей, свою страну любили, при этом цену режиму знали.

И ещё. Члены моей семьи не только не замарали себя «гневным осуждением» Израиля, как делали по наущению властей в СССР

многие евреи-карьеристы (некоторые под страхом репрессий), но всегда уважительно и трепетно относились к Еврейской стране.

זכרון לדור ודור

קריאת קודש ממרזן ורבנן רבני אירופה לציון 'יום השחרור וההצלה' בכ"ו אייר לזכרון לדור ודור

ביום כ"ו באייר תש"ח, התשיעי בחודש סני 1948, הכניע בעלות הברית את תרפייה הנאצית. כמוי של הצדק, הדורסני שוכרו ומצדו קוצנו. על חרבותיה של אירופה העשנה שהתמחה מותרה סמונה סוגי הודים, הטלעם הזל לנשום לרווחה, מותר תרועה מנצחים שהתערכה כרמשתיהם של המנאנים להתנחם, וזרה שמש חדשה על גלעם חשמי ווח.

כרובי תבל מציינים בטוה ובתעבות ראש את הארץ. כמית דייך השלישי ואת סיום מלחמת העולם השנייה. במדינת חבר העמים וכישראל מציינים את יום הציון מתאריך הלועזי, ה-4-6 בסני, בטקסים ממלכתיים וקטני גו דרי וכתנות.

ביוזמת הנגיד הודי העול, תומך תורה וחסד, ה"ה גבריאל גפמן גן ניסן רשמי ותהילה זכריה ה"ג, סגן נשיא הקונגרס היהודי רדסיא ומשיא ארגון הצדקה העולמי 'סמנאני' ובברכת גדולי ישראל, רבנים הראשיים לישראל ונציגי עם, נקבע לציון את יום הציון השחרור וההצלה של יהודי אירופה מציוני הנאצים ימ"ש לפי התאריך העברי, ביום הכ"ו באייר בו גם החל העם הודי להתנער מאופר הכביסני ציוני כ"ה ההצלה והיחוד וסוד התחייה הרחוקת.

ראו לציון יום זה כמו שראש שבחז החסם שנמנר העשבור, כמ"ש שהוציאנו מעבודות לחרות משעבוד לאצולה ותובאל ליום טוב. אינ"ש שנתורה שם רבנות מישראל. ובעבור שאיית הצליטה היה יום זה יום שחרור ממוות המוות רציאה ממתכות לחופש, ור"ש ענה כולה כעשן כלהו ובמות הברית שפטו העמישו את הרשעים האלה.

ולכן יש בחלל מוקם לתת הדראה לח' זמ"ך על שלא הלציון רשעים לכלות לזכרון אוחנו כמ"ש ומצו לעשות, ואילו יום ציון צבאות הברית ובראשם צבא ברית המועצות אשר שירתו שם כחמש מאות אלף מבני עמינו ומנאטים אלף מהם נכלו בשדה הקרב על שחרור אירופה מהשעבוד של הנאצים, לא היה נשאר שריד ומלטי מש זדה מבני עמינו על אדמת אירופה.

על ק אחי שגדולי ישראל שבארצנו הקדושה נתנו את הסכמתם ליוזמה הזו, גם אנו כאיום בחון המביכים, והוא לציון יום כ"ו באייר בכל שנה ושנה בתפילות ובתזותים ובשמחה קצת למען ידעו הדרות הבאים אשר קראתנו, וזה אם יום זה ושל כיום שישו או בשכתי יש להקדים את האירועים ליום ה' שלמינו כמו בתענית אסתר דאן שם סמרה שלא להקדים פורשות, ועל ידי זה להזמנע מוחלילי שבת היכולים להיות קשורים למאורעות.

ביום כ"ו אייר, נאמר עלייתם על המוקד של מיליוני אחינו הקרובים ובראשם גדולי עולם איירי התורה והדראה שנתרגו ומסבוכו עקדש בידי הנאצים ושוריהם ושל כרוב מיליון החילים היהודים שחיושו נמשם במלחמה במסגרת צבאות בעלות הברית וביוחדות השרטינים הי"ד. גבר איום כי זה הולך כותי כנסת ולסיום סמרי תורה לכרז הכנסת ולהרבות קודשה על שבת הקדושים הי"ד. בכדי להוסיף ולהשלים מה שחסר על ידי החיסרון של שלש מכלל ישראל שהשעמד בימי השאה.

הננו בברכה ובעדה אנו מבקשים מכל עמיתנו רבני אירופה וראשי קהילות הקודש רבנן ותלמידיהן וכל עם ישראל כהרה"ק ובתפוצות להצטרף ליוזמה זו.

סדר התפילות ליום כ"ו אייר לאחר תפילת שחרות הא: תהילים: קו. סג. ל. ק.ל-מלא רחמים וקדיש ודבנן

ונפרסם כמיט בחפילה י"ה-ז וכות אבות יגן עלינו, מצה ישראל מצדתינו ואלנו, וממנו מלות דלת ותעלינו, לעצמנו על מלאכת בית ה"ה. בביאת נגאל צדק במורה בימינו.

Handwritten notes in Hebrew, including a list of names and dates, and a signature at the bottom right.

Декларация 26 Ияра с подписями раввинов.

В 2013 году Российский еврейский конгресс при поддержке российских ведущих еврейских организаций инициировал празднование Дня Победы над нацистской Германией в формате еврейского религиозного праздника. В 2015 году, с обретением праздником международного официального статуса – День Спасения и Освобождения, – он получил широкое распространение в Европе. Празднуется в 26-й день месяца Ияра (для датировки иудейских религиозных событий применяется исключительно еврейский календарь).

Детство. Море

Мы – родня по морю Чёрному.

Я никто для Средиземного.

Лена Берсон

Памятник азовскому бычку-кормильцу в Бердянске

Первое мое воспоминание – таз с азовскими бычками.

Всё придумала няня. Дело было в селе Поляковка, на берегу

Азовского моря. Поляковка сыграла заметную роль в моей жизни. Мне два года и три месяца. Вдоль береговой дорожки сидят люди, многие – инвалиды, и продают свежевыловленных бычков, небольших круглоголовых рыбок, водившихся здесь в изобилии. Для меня покупают кучку бычков и бросают в таз, предварительно зачерпнув морской воды, и я сижу, устраиваю в тазу круговое течение, хватаю рыбок руками, играю. Поньше очень люблю рыбу. Аквариумы, рыбные рынки, уху...

Считалось в нашей семье, что ребёнка надо каждый год вывозить на море. Желательно на три летних месяца. Каждый июнь садились на поезд и ехали на Чёрное море – всего одна ночь пути из Ростова. Так как все члены семьи работали, оставались с ребёнком по очереди. Я верю, что эти многие детские месяцы на тёплом море добавили мне здоровья на всю жизнь. Я и нынче на море, на Средиземном – *Mare Nostrum*, силюсь породниться.

Да и детские впечатления остаются самыми яркими. После 1951 года – на Азовском, ежегодно «черноморское побережье Кавказа»: Гизель-Дере, Лазаревская, Лоо, Пицунда. Помню, как чуть не захлебнулся, зайдя по горлышко, и полдюжины взрослых устремились на детский крик. Помню, как научился плавать: сидел на краю высокого пирса, спиной к воде, смотрел, как отец и его друзья сосредоточенно играли в преферанс. Неловко повернулся и бухнулся в воду. Взрослые не сразу заметили. Выплыл на поверхность сам – до сих

пор помню, как прорывался из глубины наверх, к солнечно-му свету, и воды с тех пор не боялся, подружился с ней, плавать обожаю и поныне, а Чёрное море стало родным. Рыбу любил ловить. Не сидеть с удочкой, наблюдая за поплавком, а активно. Заходишь по пояс в прозрачную морскую воду с маленькой леской в руке и видишь: лежит на камне бычок. Подводишь к его носу крючок с наживкой. Хватает, подсекать. Налавливал рыбёшек на целую сковородку, если хозяйка соглашалась их пожарить в масле. Иначе – кошкам отдавал. А есть маленьких, зажаренных до хруста рыбок обожаю и поныне. Была рыбалка с отцом – выходили на лодке, забрасывали на глубину 5–7 метров леску, к концу которой привязывали грузило, а над ним несколько крючков с цветными пёрышками – самодельные блёсны. Ловили ставриду. Вкуснейшая, и поныне рыба – лучшая моя еда. Не только летом, в течение всего года она была в моём детском рационе.

Ростов-Дон.

Бабушка пару раз в неделю ездит на четвёртом трамвае на Старый базар, рыбные ряды которого тоже обожаю. Судак, осетрина, чёрная икра были основой меню.

Знаменитый бычок

Плавал помногу, подолгу, далеко заплывал. Эта любовь продолжалась долго. Вплоть до 2021-го ежегодные поездки, несколько последних лет – на конференцию в Абрау-Дюрсо (о чём позже). Нынче привычным и любимым стало Средиземное. Но Чёрное! «Тебя, как первую любовь...»

Любимые стихи Бродского о Чёрном море:

Когда так много позади
Всего, в особенности – горя,
Поддержки чьей-нибудь не жди,
Сядь в поезд, высадись у моря.
Оно обширнее. Оно
И глубже. Это превосходство
– Не слишком радостное. Но
Уж если чувствовать сиротство,
То лучше в тех местах, чей вид
Волнует, нежели язвит.

Связок тарани, чехони, бычка – сколько душе угодно на Центральном рынке Ростова-на-Дону и сегодня.

Есть копчёный лещ и самые вкусные, как говорят знатоки, рыбец и шамайка

Дом и двор

С родителями. 1955 г.

Детство мне досталось весьма, по советским временам, зажиточное, материально благополучное. Профессорская пятикомнатная квартира (на самом деле бабушкина дореволюционная, дед-профессор её просто отстоял у советской власти). Все остальные квартиры в нашем доме были превращены в коммуналки. Довоенные утварь и мебель были разворованы либо сожжены за время войны-эвакуации. Всё вновь приобреталось по возвращении в 1943-м. Были это добротные старые предметы: большой резной старой работы буфет, под стать ему раздвижной обеденный стол (человек 25 на торжествах усаживались), письменные столы деда и мамы. Эвакуацию пережило столовое серебро, включая кольца для салфеток с монограммами и удлинённые гравированные вилок для раков, и старые фотографии, столь дорогие моему сердцу, проделали путь в Сибирь и обратно.

С дедушкой и бабушкой. 1955 г.

Автомобиль «Москвич-401», заменённый в 1958 году на «Волгу», и легальный каменный гараж во дворе дома были большой редкостью, знаком принадлежности к советскому upper middle class. Семья наша врачебно-профессорская, с многочисленными блатами-знакомствами в билетных кассах, особенно железнодорожных, и себе и знакомым покупала дефицитные билеты на скорые поезда в Москву, Сочи...

А в весьма разношёрстной дворовой компании сверстников соприкасался я с другой советской реальностью. Часть ребят была из коммуналок нашего дома. Часть – из полуподвалов: маленькие окошки едва высывались из земли, выглядывали в углубления в асфальтовом тротуаре. А ещё часть – из внутривортовых «новостроек», точнее самостроев. Домики, без разрешения построенные в послереволюционные годы на территории небольшого двора-парка доходного дома моего прадеда. Водопровода и канализации в них не было. В задней части двора были ещё воздвигнуты три ряда убогих деревянных сараев «для твёрдого топлива». Родители посылали туда моих сверстников принести ведро угля или охапку дров. Хаживал и я. Наконец, венчали этот ансамбль два дворовых сортира и крытая выгребная яма для помоев. Раз в году во двор въезжала ассенизаторская машина. Я привык к этой обстановке с раннего детства, а бабушку, помнившую двор с цветниками и фонтанчиком, она огорча-

ла очень.

Я в нашей квартире на ул. Горького. 1957 г.

В лачугах жил народ самый бедный. Порой для пропитания ловили силком городских голубей. Но, невзирая на социальные различия, были все мы довольно дружны. Вместе выходили на битвы с соседним двором, особенно активизировавшиеся после польского фильма «Крестоносцы». Одним из любимых мест для игры был полуразваленный костёл (улица Горького, 84). Кажется, в 1956 году его совсем снесли и построили на его месте жилой дом. Из ямы для фундамента извлекали на наших глазах человеческие кости.

Предметом злых насмешек было больше даже не мое еврейство – хоть слово «жид» и проскакивало, – а моя толщина. Раскормлен был бабушкой, однако очень физически активен.

Много играли в футбол, чаще всего на маленькой площадке у соседнего здания физмата Ростовского университета (бывшее коммерческое училище, о котором я упоминал раньше, на нём установлены мемориальные доски Рахманинову и Солженицыну). Во внутренний двор университета посторонних не пускали, и, чтоб попасть на эту площадку, мы перелезали через забор – нетривиальное физическое упражнение.

Была у нас славная, из деревенских, домработница, спавшая в крохотной, отгороженной от коридора комнатке; также добрая няня и недобрый детский сад – исходя из сооб-

ражений качественного материально-технического снабжения был выбран детсад военного ведомства на улице Горького, 168, там и нынче «военный» детсад

«Звёздочка». Надеюсь, сегодня воспитатели менее суровы и не орут на детей, которые во время тихого часа лежат с открытыми глазами.

Запомнилось солнечное затмение 8 июня 1956 года. Соседские ребята подготовились – запаслись закопчёнными стёклами – и собрались на нашем внутриворотовом балконе, выходящем на юг. В середине дня круг Луны стал неуклонно наползать на дневное светило, становилось темнее и темнее. Чёрные стекла перестали быть нужными. Настал мрак. Помню чуть светящийся ореол вокруг лунного контура. Помню, как завыли дворовые собаки, поражённые внезапно наступившей темнотой.

Полное солнечное затмение 1936 года было первым на территории СССР.

Объявление призывает граждан смотреть на солнце через специальную пленку.

Нам, мальчишкам, в 1956 году её заменили старые рентгеновские снимки

В 1958 году в Ростове появилось телевидение. Передачи ещё не начались, а дед уже приобрёл новейший телевизор «Знамя-58», хотя очередь на его покупку была на два года вперёд. Начались передачи – по два-три часа в день. Товарищи стали проситься посмотреть, да и взрослые соседи жаждали приобщиться к телевизионному чуду. Дед соглашался. Вообще, он умел держать дистанцию, проходил через заполненную робевшими от его появления гостями сто-

ловую в свой кабинет, закрывал дверь, работал. Дед любил кофе. Этот продукт был в СССР в большом дефиците.

Иногда удавалось купить в высоких жестяных баночках молотый, чаще – в зернах. у нас была ручная, прикреплявшаяся к кухонному столу зажимом кофемолка. Дед поручал мне работу, приговаривая: «Мели Емеля, твоя неделя». А порой довольствовались «кофейным напитком» с ячменём и цикориём.

Пожалуй, в семье нашей, прошедшей через военное недоедание, был культ еды. Вершина – вышеописанное кормление меня бабушкой. Свежая донская рыба, куриные котлетки и тефтели... с чёрного хода приходила пару раз в неделю молочница с бидоном и тяжёлой сумкой. Жирное неснятое молоко, густейшая сметана, изумительный творог, из которого бабушка пекла сырники. Были и элементы еврейской кухни: шейка, латкес. Вкус этих изумительных продуктов помню до сих пор, почему-то ярче всего – чашку подслащённого кефира и бутерброд с жирной любительской колбасой, которую, по настоянию родителей, бабушка позже заменила на докторскую. Ребёнок был раскормлен до лёгкой степени ожирения. Родители с бабушкой конфликтовали, пытались меня в еде ограничивать. В позднем подростковом возрасте сам осознал, что надо менять питание на более здоровое. Велел бабушке давать мне больше зелени. Она нарезала полную тарелку петрушки и укропа, но сдабривала таким количеством сметаны и майонеза, что зелень в них плавала...

Моя полнота тревожила родителей, и в девять лет они отдали меня в только что открывшуюся плавательную школу. Как благодарен я им за это! Я проходил в бассейн пару лет, у меня был славный тренер Владимир Иосифович. Больших результатов я не достиг, но стили плавания хорошо освоил. В море потом чувствовал себя ещё увереннее и комфортнее. Однако после пары пневмоний зимним занятиям в бассейне пришёл конец.

Забегая вперёд, расскажу о дальнейшем развитии моей спортивной биографии. В средних классах в школьном дворе подошёл ко мне приятный пожилой тренер по лёгкой атлетике. Я был полным, сравнительно крупным, опережал сверстников в физическом развитии. Тренеру показалось, что из меня можно вырастить хорошего толкателя ядра (!). После полутора лет занятий в спортивной школе моя бесперспективность сделалась очевидной...

Избавиться от полноты удалось только в университете. Прочитав книгу Гилмора «Бег ради жизни», я начал ежедневные пробежки. с тех пор не останавливаюсь. Неподалеку от нас (ныне Горького, 82) был профессорский дом – кооператив 1930-х годов (в стиле конструктивизма), где ростовские профессора могли по цене, составлявшей лишь часть от себестоимости, приобрести трёх-четырёхкомнатные квартиры (уважала науку советская власть!). Бабушка при мне деда упрекала, что не купил там квартиру, хотя наша была не меньше, но окружение коммуналок – увы... В 1953-

м дело врачей прошлось по этому дому. Профессоров-евреев, «подельников» деда по мединституту, арестовывали, пытали, но потом выпустили.

Для меня профессорский дом был овеян тёплым романтическим чувством. Прежде всего благодаря квартире Миндлиных. Ольга Самойловна Миндлина (Трумпельдор) – ближайшая подруга бабушки, её супруг, Муля Миндлин, профессор мединститута и товарищ деда. Дружба тянулась поколениями, тем более что Тэд Зальцман, их зять, был кузеном моего отца, а внучка Таня – моей сверстницей. Зальцманы-Миндлины устраивали замечательные вечера для детей, с играми, диафильмами, костюмами. На фото – один из этих детских вечеров.

Детский Новый год в квартире Миндлиных. Позади меня Ляля Эмдина и Таня Карташёва

Отдельно стоит сказать о диафильмах. Это важная часть советской детской культуры. Лучшие иллюстрации к лучшим сказкам, детским стихам и рассказам, сопровождаемые текстом, проецировались на экран либо белую стенку. Взрослый читал текст и сменял слайды, вручную прокручивая

плёнки на нехитром проекторе. Такой гибрид кино и чтения книжки вслух. Нынче тысячи советских диафильмов оцифрованы, выложены в Интернет, и я регулярно их использую в дистанционных занятиях со своими внуками!

Популярный в 1950-е гг. годы диапроектор (фильмоскоп) «Ф-49»

Школа

Школа № 53. Первый класс

Потом была школа № 53. Вероятно, в 1956 году – лучшая школа в Ростове. Располагалась в двухэтажном здании на улице Энгельса (Садовой). На фасаде висела мемориальная доска: в здании выступал Ленин. Во дворе школы находились зверинец и цирк шапито, разворачивавший в летние месяцы свою брезентовую крышу.

С 1955 года это была школа с углублённым изучением немецкого. Школ английских тогда в Ростове не было за неимением преподавателей. А учителей немецкого – в избытке. Преподавали у нас даже носители языка из фольксдойче, сохранившие язык немецких колонистов. 53-я была элитной, по блату набирали. Учились со мной, к примеру, дети маршала Малиновского, командовавшего округом.

Школа № 53

Географию преподавали на немецком. Были приличные уроки немецкой литературы: Лессинг, Гёте, Шиллер – раз-

меется, на языке оригинала. Стенгазеты на немецком сочиняли. Поставили нам приличное немецкое произношение. Немецкий, однако, вовсе мне в жизни не пригодился. Поньше досаду, что не учился с детства английскому. Так впоследствии и не освоил произношение, лёгкое понимание устной речи.

Была добросовестная учительница начальных классов Анна Константиновна, мучившая меня, неспособного, чистописанием, получавшая коробки конфет от родителей и натягивавшая мне пятёрки. Директор, Дмитрий Николаевич, был человеком простым, окающим и, видимо, хорошим хозяйственником. Хороший преподаватель русской литературы Николай Фёдорович. Мне казалось, он относился ко мне с некоторой неприязнью, подшучивал над толщиной: всегда антисемитизм подозреваем. Но сочинения мои стал выделять, хвалил перед классом, разбирал достоинства и недостатки моих текстов. Научил склонению числительных и стихотворным размерам. Благодарен ему.

В 13 лет пришла любовь к поэзии. Она началась не с Пушкина, которым закармливали в школе, а с книжки Андрея Вознесенского «40 лирических отступлений из поэмы “Треугольная груша”». Эти стихи сразу захватили. Знаю их на память и поньше. Классическая русская поэзия не трогала, вероятно, потому что ассоциировалась с унылыми школьными уроками. Но стали пробиваться из советского табу поэты Серебряного века – Пастернак, Ахматова, и полным несконча-

емым ошеломлением был Мандельштам. Самодельную книгу его стихов дал мне на несколько дней Леонид Григорьян, замечательный поэт и переводчик, живший в двух домах от нас. Он собрал из библиотек и из самиздата более сотни мандельштамовских стихотворений, напечатал в нескольких экземплярах и снабдил коричневым переплётom. Я узнал потом, что один свой самодельный экземпляр Леонид Григорьевич подарил Надежде Яковлевне, и она обнаружила в нём незнакомое ей стихотворение Осипа Эмильевича. Ну а мне в 1973 году царский подарок сделала мама: на ростовском книжном рынке купила только что изданную в «Библиотеке поэта» книгу стихов Мандельштама с хорошими комментариями. Эти стихи остались со мной на всю жизнь. Мог бы адресовать Мандельштаму слова, сказанные им Анне Ахматовой: «Эти строки можно удалить из моего мозга только хирургическим путём».

андрей

ВОЗНЕСЕНСКИЙ

лирических
отступлений
из поэмы
**ТРЕУГОЛЬНАЯ
ГРУША**

Я. И. ПЕРЕЛЬМАН

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ФИЗИКА

КНИГА ВТОРАЯ

ОГИЗ ГОСТЕХИЗДАТ-1947

Я. И. ПЕРЕЛЬМАН

ЖИВАЯ МАТЕМАТИКА

ПЕРЕЛЬМАН • ЖИВАЯ МАТЕМАТИКА

Мои любимые книги детства

Школьные друзья были из интеллигентных семей. Саша Хохловкин, его мама была прекрасным преподавателем литературы, а бабушка – известным ростовским врачом. Об отце его расскажу отдельно. Володя Куликов, Боря Меников и Володя Мечик из семей врачей. Озорничали, курили за сараями школы. Увы, травили одного флегматичного одноклассника, который нас заложил, – вызывали родителей. В шестом классе я сочинил сатирически-издевательскую поэму про наших учителей. Обозначил их кличками: например, учитель пения, игравший на кларнете, и пытавшийся объяснить нам основы теории музыки, был Амплитудой. Рукопись пошла по рукам, была перехвачена. Классный руководитель меня допрашивал, выяснял, кому какая кличка соответствует. Строго было. Родителей вызывали на собрания, заставляли нас прорабатывать. Но в конце каждого года я всё же попадал на общее фото отличников – полдюжины получивших все годовые пятёрки учеников класса удостоивались чести сфотографироваться под красным знаменем.

Памятник первокласснику, установленный в 2011 г. во дворе гимназии по ул. Горького, 115 в Ростове-на-Дону напоминает моих одноклассников, умевших одинаково увлечённо учиться и веселиться

Одного мальчика уличили в воровстве мелочи и конфет из карманов одноклассников, оставлявших пальто на вешалке, выследили на перемене. По окончании школы он стал товароведом комиссионного магазина, и я потом регулярно пользовался нашим знакомством, играя на подмеченной глазом мелкого бизнесмена разнице цен между Москвой и Ростовом.

Три толстых тома «Жизни животных» Альфреда Брэма – перевод с немецкого, 1911 года издания – были мне подарены другом семьи, детским писателем Петрони Амадуни. Я их не то, что внимательно прочитал или изучил. Я их вымерил. Под каждым изображением животного было пояснение масштаба, например «1/13 натуральной величины». Я измерял линейкой иллюстрацию, потом умножал на 13 и записывал натуральный размер в тетради, запоминал. Книги эти были замечательными. Точными и тёплыми, полными любви к животным. Помню статью о сельди, как она обеспечивает прокорм самым бедным людям в Германии.

Я с детства любил карты и таблицы с цифрами. В географических атласах – таблицы населения, территории стран мира, протяжённость крупнейших рек, площади озёр и ост-

ровов (таблицы и теперь моё самое любимое в статьях и книгах: когда вижу таблицу, вливаюсь в неё глазами, и никаких пояснений мне не нужно). Чемпионом по таблицам была «Детская энциклопедия». Первый том, «Земля», мне купили в третьем классе, и потом с нетерпением я по четыре-пять месяцев ждал выхода следующих томов: «Числа и фигуры», «Растения и животные», «Человек» ... Наконец, «Искусство». Всё было прочитано, изучено. Особенно том «Литература», составленный замечательными советскими литературоведами, – краткий обзор мировой литературы. Он открывал ребёнку необъятный горизонт мировых цивилизаций. Составил я тогда амбициозный, обширнейший список произведений, которые надо прочесть. Реализовано лишь отчасти.

Было увлечение филателией. Сперва отпаривал марки с использованных конвертов, потом стал регулярным посетителем филателистического базара во Дворце пионеров. Родители выделяли скромный бюджет. Очень ценились марки диковинных стран: Гваделупа, Руанда, Мадагаскар... Потом сконцентрировался на марках с животными. Немало было и советских, вся Красная книга. Вьетнам, Корея (северокорейские тогда уже были грубыми, с крупными иероглифами). Переформатировал свою коллекцию путём продажи-купли. Этот немалый марочный базар – пара сотен активных участников – был прообразом биржи. Сделки заключались моментально, хорошие предложения вызывали острую конкурен-

цию, вплоть до физического отталкивания соперников. Думаю, мне удалось извлекать из этих операций небольшую прибыль, и определённо – заметный коммерческий опыт. Альбомы-кляссеры с марками животных и поныне в московских шкафах.

В те годы коллекционирование марок нередко было семейным увлечением.

Почти каждый пацан заводил подобный альбом...

Пробудился интерес к международной политике. В старших классах мне выписали еженедельник «За рубежом».

Это был дайджест западной прессы, цензурированной и тенденциозно подобранной. Коммунистические «Юманите», «Унита», выгодные для советского режима купированные перепечатки из американских и британских газет. Но информации хватало, мои горизонты, политический, да и географический, расширялись, и несмотря на все купюры, лживость советских газет становилась всё ясней критическому юношескому взгляду.

По математике в школе № 53 учительница была скверная, но я стал сам читать: Яков Перельман – «Занимательная математика», «Живая математика», «Занимательная физика», книги о великих математиках, физиках – Эваристе Галуа, Норберте Винере, Эйнштейне! Физико-математические науки в большой моде были. Книги – в изобилии. Но самым главным для меня стали решебники – книги с задачами по математике и их комментированными решениями. П. Ю. Германович, Г. Б. Поляк...

Нестандартные задачи по математике, задачи на сообразительность. Часами решал, сверялся. Потом стал успешно участвовать в олимпиадах. Большим советским делом были математические олимпиады. Школьные, районные, городские... Состязательность, грамоты, престиж. Отсутствие конкуренции в советской экономике, продвижение людей по принципу лояльности к власти, а не по способностям отчасти компенсировалось конкуренцией на экзаменах и олимпиадах. Престижность была колоссальным стимулом к учё-

бе, самосовершенствованию. Наибольшая мода – на физику и математику. После восьмого класса решил перейти в математическую школу № 5, лучшую в Ростове, и не пожалел.

Отличники. Школа № 53. 1959 г.

При поступлении в девятый класс школы № 5 был отбор, серьёзное собеседование-экзамен. Приняли математически подготовленных ребят и девочек. Последние оказались в меньшинстве. Коллектив сложился славный. Дружба наша продолжилась на многие годы. Мудрая и добрая директор Анна Владимировна Мардиросова жила делами школы, и дорогая Антонина Яковлевна Ругарёва, учительница мате-

матики и наш классный руководитель, бесконечно справедливая, добрая и преданная учительскому делу... Проводила с нами дополнительные занятия, на которых решали олимпиадные и вступительные задачи. В течение двух лет. Польза неимоверная.

Замечательные два года в математической школе. Продуктивные в образовании и очень товарищеские. Бóльшая часть класса – мальчики. Соперничество на уроках и олимпиадах и лихая мужская дружба. В карты много играли, преферанс и покер. Выпивали изрядно! После занятий порой собирались у кого-нибудь дома, пока не было родителей, за карточным столом с портвейном или иной советской бормотухой. Помню один эпизод: я под хмельком выхожу из-за карточного стола в туалет. Обнаруживаю, что в сливном бачке нет воды, а рядом с унитазом стоит накрытое крышкой ведро. Стандартная ситуация – люди держали запас воды ввиду частых перебоев водоснабжения. Открыл крышку, чтоб слить, по счастью принюхался: чистый спирт! Мать соученика работала на химзаводе, регулярно выносила спирт и хранила таким образом, чтоб не нашли при возможном обыске. Замечу: в СССР воровство на производстве было поголовным. Как говорил Михаил Жванецкий: «Что охраняю, то и имею». Иногда, однако, в ходе борьбы с несунами «органы» устраивали показательные акции и обыски. Опытные люди были настороже. И ещё поясню: спирт, как и водка, был твёрдой валютой – лучшая плата водопроводчикам

и ремонтникам.

Наш класс, школа № 5. Фото выпускников

Соревновались с одноклассниками в лихости. На улице Энгельса (Большой Садовой), рядом со школой, женщина торговала лимонами с лотка – фанерного ящика со складными ножками для торговли вразнос; когда лимоны кончались, торговка шла за пополнением в близлежащий магазин. Стоил один лимон 25 копеек. Мы устраивали соревнование: кто быстрее съест целый лимон под улюлюканье товарищей. Я выходил победителем. Мой рекорд был 35 секунд – за это

время лимон исчезал у меня во рту.

Занимались математикой, однако, усердно. Нацелились на легендарный мехмат МГУ. Престиж его был невероятно высок. Предмет вожделения многих тысяч советских школьников. Этот факультет был тогда одним из лучших в мире. А уж в СССР – несопоставимым с другими математическими школами. Да ещё и мода на математику. Конкурс предвиделся чудовищный. Но таковыми были и наши усилия по подготовке к экзаменам!

При поступлении учитывались грамоты, полученные на математических олимпиадах. Успех зависел от подготовки, натасканности, ну и от способностей. Ещё от умения планировать время – ограниченный ресурс. Тренировались, моделировали. Испытания с решением задач в условиях ограниченного времени устраивала для нас Антонина Яковлевна. Полагаю, мои математические способности были хорошими, но не выдающимися. Чемпионом был мой одноклассник Фёдор Сурков. Высшим моим достижением стала грамота за четвёртое место на Всероссийской олимпиаде в Воронеже, в которой принимал участие в составе сборной Ростовской области. Замечательная была олимпиада. Познакомились там с будущими сокурсниками по МГУ. По завершении выступали с лекциями лучшие математики России, а организатором был мой будущий научный руководитель, профессор Борис Самуилович Митягин.

Медали, которыми награждали за хорошее окончание

школы, также были важны для поступления в университет. Я нацелился на золотую, которая требовала пятёрок по всем предметам. Но имелось одно препятствие – русская литература. Учительница в математической школе была скверная, молодая советская начётчица (позже она ушла из школы на профессиональную советско-партийную работу). Мои нестандартные сочинения, которые так ценил учитель в немецкой школе и которыми гордился я сам, она не понимала, критиковала как недостаточно конкретные, ставила четвёрки за содержание. Я обижался, даже слегка с ней конфликтовал. Ненависть к училке перенёс на классические литературные произведения, ибо от её трактовок и комментариев меня воротило. Грозил итоговая четвёрка. Мама паниковала и пошла к «русичке» на поклон. Та ответила, что годовую пятёрку за десятый класс мне поставит, но уверена, что я не напишу без ошибок экзаменационное сочинение. Прогноз её был весьма реалистичен: сочетание рассеянности и отвращения к советским трактовкам, скорее всего, результативало бы в пропущенных запятых и описках, достаточных для снижения оценки. Спасла Фрида Ароновна Хентова, которая репетировала меня по литературе. Дополнительные частные учителя были обычным уже в те годы делом. Мало того что Фрида Ароновна натаскивала меня на стандартные сочинения – накануне экзамена она пришла к нам с вероятными темами выпускного сочинения, и мы до поздней ночи писали с ней заготовки. Победили: пятёрка. По иностранно-

му языку было сразу две пятёрки: английский и немецкий – заслуга Константина Фёдоровича Блохина, расскажу о нём позже. В нашем классе были три золотые медали – ещё у дорогих моих друзей Феди Суркова и Додика Зобина.

Были у меня репетиторы и по другим предметам. Замечательный преподаватель Михаил Израилевич Горелов по физике. Ходил к нему в огромную коммуналку на Морской улице. Много позже узнал, что в этой самой квартире жили в 1920 году Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна Мандельштам. Очень славный был математик, аспирант Виктор Ханаанович Изаксон, с которым и позже сводила меня судьба. Однако оказалось, что в олимпиадных и конкурсных задачах я разбирался уже лучше своего учителя.

Подготовка по математике была в основном самостоятельной. Занимала по четыре-пять часов каждый день, работал подвижнически. Решал и решал, благо задачки-решешники имелись в изобилии, на все вкусы: от предназначенных для поступления в заурядный технический вуз до изысканных московско-олимпиадных, составленных Болтянским и Ягломом. Помогала музыка, подаренный мне огромный катушечный магнитофон «Тембр», проигрывавший бобины величиной с тарелку на скорости 19 сантиметров в секунду. Окуджава и Высоцкий сопровождали и сдобривали мои многочасовые занятия. Позже осознал, что многомесячная подвижническая подготовка была проявлением присущего мне от природы упорства. Оно не раз помогало мне в жизни,

и такое счастье, что тогда оно было вознаграждено успешным поступлением в МГУ! И, конечно же, школьная любовь. Она была робкой, полной дурацких обид и, как позже выяснилось, скрыто взаимной. Наполненный романтикой выпускной вечер. Торжественные речи, потом танцы, гуляние до утра по набережной Дона...

МГУ

МГУ с высоты птичьего полёта. Фото И. Копытов

В начале июля 1966-го мы с несколькими одноклассниками прилетели в Москву, на автобусе доехали из Внукова до центра и на метро до величавой высотки МГУ. Подали документы в приёмную комиссию. Стояла очередь, но всё было организовано толково. Нам дали общежитие на время экзаменов. В том году из-за очередной школьной реформы был двойной выпуск – десятые и одиннадцатые классы одновре-

менно. Мехмат по такому случаю увеличил приём с 450 до 600 мест. Но конкурс на математику всё же был изрядный – 8,3 человека на место.

Почти всё решалось на первом экзамене – письменной математике. Он был сложным чрезвычайно. Подавляющее большинство абитуриентов получили двойки и выбыли из конкурса. Поставили около 30 пятёрок (одну из них Фёдорову), 200 четвёрок. Одна из них моя. К большой своей досаде, получил я четвёрку по устной математике. Грешил на неоправданную неприязнь экзаменатора (антисемитизм?). Потом пятёрка по физике. Сочинение – по счастью, попалась тема, позволившая использовать заготовку школьного выпускного экзамена. В сочетании с золотой медалью и олимпиадами этого оказалось вполне достаточно для поступления.

Сразу после зачисления нас забрали на стройку. Почти бесплатный студенческий труд использовался в СССР на самых низкоквалифицированных работах. Строили огромную гостиницу «Россия» (снесённую через 40 лет на моих глазах). Работа была довольно простой: перетаскивать бетон на носилках. с однокурсником Лёшей Мещеряковым мы подходили с деревянными носилками к куче бетона, вываленной из самосвала. Лопатами наполняли носилки. Потом несли, порой по лестнице, и опрокидывали в опалубку.

Долго строили эту гостиницу, занимавшую полтора десятка гектаров прикремлёвской земли. Её история – такая

типичная советско-российская. Построенная с использованием подневольного труда, она стала хоть и неуклюжей, но самой большой в мире – свыше 3000 номеров. По советским стандартам считалась шикарной (по международным, думаю, три звезды, не больше). Через 10 лет там случился грандиозный пожар. В девяностые мэр Лужков решил её снести как убыточную. За снос (включая откаты) заплатили больше, чем за строительство, но деньги не смогли поделить без скандала и уголовных дел. Снос затянулся на восемь лет. Потом Путин объявил, что на этом месте будет развернут диковинный парк. Его проектирование поручили американским архитекторам. Ещё много миллиардов и три года на строительство. Сколько продержится этот казённый, несуразный, как бы поделённый на российские природные зоны парк?..

Впрочем, для меня с гостиницей «Россия» связаны самые славные воспоминания. Останавливался там много позже во время научных съездов и конференций – простому человеку не попасть. Это было средоточие советской роскоши с видом на Кремль, и место тёплых встреч с друзьями и подругами. Каждому гостю надо было заказывать пропуск, потом он совал в окошко свой паспорт, данные записывал клерк. Если гость задерживался после одиннадцати вечера, звонили в номер, выпроваживали. Таков был совок. Отвратительные его абсурдности не мешали нам радоваться жизни.

Но – назад в 1966-й. Отдохнув дома, я прилетел в Моск-

ву, расположенную на тысячу километров севернее Ростова, вышел на трап в чёрной рубашечке-шведке с коротким рукавом и неожиданно ощутил ледяной ветер. От самолёта в терминал надо было идти пешком. Не сразу, а организованно, когда выйдут все пассажиры. К вечеру в общежитии обнаружил, что крепко кашляю, пару месяцев не мог избавиться от бронхита.

Наше общежитие было хрущёвской коридорной пятиэтажкой. Кухня, умывальник и туалет – в конце коридора, душ на первом этаже. Комнаты четырёхместные. Нам с Фёдей и Борей Мениковым, троим одноклассникам, повезло: Борина мама, сопроводившая нас в Москву, переговорила с комендантом, и нас поселили в трёхместную. Остальных селили по четверо в алфавитном порядке: сперва всех на А, потом на Б и т. д. Однобуквенникам приходилось уживаться. Наша дружная тройка стала ядром, к которому прибывались родственные души. Так сложилась на долгие годы весьма лихая компания. Стараемся держаться, дружить до сих пор, хоть есть уже потери невозполнимые.

В студенческом общежитии МГУ. 1960-е гг.

Фото: В. Лагранж

Мы много говорили, спорили друг с другом. Утром за завтраком, потом по пути в Главное здание МГУ (15 минут), на переменах, даже на лекциях. Но самый главный трёп – по вечерам: стол ставится в комнате на середину, сидим на кроватях, стульях. Чаще всего пьём чай. И когда заходит новенький, чтоб присоединиться к компании, его прежде всего отправляют на кухню вскипятить чайник. Спиртное, конечно же, тоже было, в изрядном объёме. По праздникам и дням рождения. Широкий спектр напитков. с сухим вином были проблемы. Двое гонцов с вместительным сосудом посыла-

лись в магазин «Вина Молдавии» на Ленинском проспекте. Там продавали разливную «Фетяску». Водка и коньяк шли в дополнение. В большом пластиковом постирочном тазу Юра Гольберг руками замешивал многокилограммовую порцию салата оливье.

Некоторым из нас родители присылали продовольственные посылки – всё шло на общий стол. Сене Книфу приходили из Хмельницкого головы сыра. Он держал их под кроватью, щедро нарезал по просьбе проголодавшихся товарищей. Бабушка передала мне пол-литровую банку чёрной икры (по три рубля на ростовском рынке 1966 года). В ответ на её вопрос, на сколько дней мне этой банки хватило, задумался и ответил: минут на пятнадцать. Сами готовили еду. Бабушка научила меня жарить картошку. Макароны, пельмени... Помню, варёные пельмени надоели, и я жарил их на маргарине. Иногда раскошеливались на чебуречную – истекающий маргарином чебурек стоил 17 копеек. Я мог на спор съесть десяток.

В карты играли изрядно. Вначале – преферанс, покер. Потом пришёл бридж. Играли в спортивный командный бридж, со сложной системой лецитаций – обмена информацией между партнёрами, со сдвигом раскладов: карты, розданные первой из команд в специальных самодельных чехах, переносили в другую комнату, где те же карты попадали к игрокам противоположной команды, и наоборот, карты второй команды доставались первой. Таким образом из

игры исключалась случайность, всё зависело от мастерства игроков.

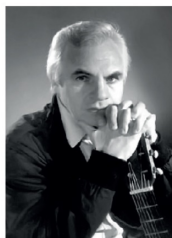
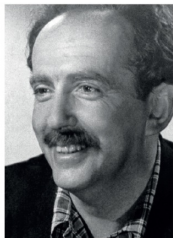
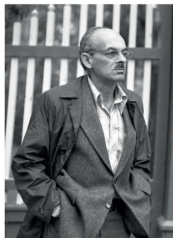

Фима Полищук, Сеня Книф, Боря Меников, Федя Сурков, Юра Домбровский, Алик Харлап, Лёня Местецкий, Юра Гольберг, Лёша Мещеряков, Коля Яценко, Лёня Минкин, Юра Галустян

Много читали, книги и самиздат ходили по кругу, потом горячо обсуждали прочитанное. Юношеское стремление к правде, справедливости, беспощадная критика примитивной советской пропаганды. Особому разному и осмеянию подвергались материалы преподававшихся нам в течение всех пяти лет обучения «общественных наук»: от лживых легенд истории КПСС до противоречивших здравому

смыслу и реальной экономике положений «политэкономии социализма». Появлялись неподцензурные стихи – помню, как впервые попали мне в руки отпечатанные на папиросной бумаге стихи Иосифа Бродского, ошеломившие сразу, о захвативших меня сионистских, еврейских книгах и статьях скажу позже.

Особым миром для нас была авторская песня. Началось ещё в школе с магнитофонных плёнок Окуджавы и Высоцкого. Откуда эти записи брались? Скажем, Булат Окуджава пел где-то на московской квартире. Его записывали на магнитофон, потом эти магнитофонные концерты люди переписывали друг у друга. Для этого надо было соединить два магнитофона. До того, как появились портативные, таскали для перезаписи тяжеленные советские ящики в квартиры друзей, потом перевозили бобины из города в город. Другим первоисточником могла быть зарубежная пластинка. При каждой перезаписи с одного скверного аналогового магнитофона на другой качество звука неизбежно ухудшалось. Знаток легко определял, которая это перезапись – вторая, третья...

Булат Шалвович Окуджава Александр Аркадьевич Галич
Владимир Семёнович Высоцкий Евгений Исаакович Кляч-
кин

В Москве легендарных бардов можно было увидеть жи-
вём. Во вмещающих по 200 человек аудиториях на шест-
надцатом этаже мехмата пели Клячкин и Галич. В 1968 го-
ду это прекратилось, но магнитофонная бардовская эпоха
продолжалась. На втором курсе вскладчину семь человек ку-
пили катушечный магнитофон «Дніпро». Бобины авторской
песни крутились почти круглосуточно. Я наловчился засы-
пать под эту музыку и при включённом верхнем свете. Го-
ворят, прослушиваемое во сне запоминается основательно.
Помню эти тексты до сих пор.

Следующей ступенью был театр. Прорывались на спек-
такли. Потом обсуждали. Общение в общежитии было еже-
дневным, многочасовым, интенсивным. В комнатах и более
широкой аудиторией – в холлах этажей. Спорили, пели. На-
шлись среди нас талантливые вокалисты. Лёня Бревдо ис-

полнял классические арии, Сеня Книф записался в Академический хор МГУ и баловал нас советским репертуаром: «Ленин всегда живой», «Профсоюзы – школа коммунизма» и т. д. Ёрничали.

По счастью, большую часть моего времени занимали академические занятия. Наши профессора математики были первоклассными. Курсы – трудными и весьма современными. Это была математика XX века, с элементами функционального анализа и топологии с первых лекций. Я успевал с трудом. Взял за правило по приходе в общежитие после занятий разбирать каждую лекцию по своему конспекту. Это было очень эффективно, подготавливало к следующей лекции. По самому сложному предмету, математическому анализу, лектором был профессор Лев Абрамович Тумаркин, и лектором выдающимся, недаром преподавал на мехмате несколько десятилетий. Лекции его были чётко структурированы: разделы, параграфы. Выводы повторял дважды, чтоб успели записать. При этом курс был самым современным, использовавшим аппарат топологии, как в лучшем американском учебнике того времени У. Рудина. Помню, как много лет спустя мы с Фёдей Сурковым поразились, когда узнали от И. И. Воровича, учившегося на мехмате на 30 лет раньше нас, что его первым лектором был профессор Тумаркин. А семинар по матанализу вёл у нас замечательный молодой преподаватель Александр Исаакович Штерн, всегда улыбочивый и доброжелательнейший. Часами мучил нас на зачётах для на-

шей же пользы. Однако паническая неуверенность длилась у меня до самых зимних экзаменов. К великому собственно-му удивлению, получил все пятёрки. Так и продолжалось до конца.

На первом этаже нашего убогого общежития находилась огромная комната для занятий с полусотней столов. Я был её усердным и регулярным посетителем – по несколько часов ежедневно. Но не чемпионом. Сколь рано ни придёшь, там уже сидят вьетнамцы, и вечером: уходишь, а они всё сидят. Героические их усилия оправдались: почти все вьетнамцы успешно окончили мехмат, хотя начальная подготовка у них была слабенькой. А вот студентов из Средней Азии, принятых по разнарядке нацменьшинств, отчислили всех. Та же судьба постигла принятых на курс африканцев. Преподаватели в те времена были беспощадны. Непросто было гэдэ-эровским немцам. Их приняли около десятка – победителей тамошних олимпиад, у них был плохой русский: вьетнамцы и другие до зачисления на мехмат учились год русскому на подфаке, а немцы, якобы учившие язык в школе, сразу шли в университет. Оказалось, я знал немецкий лучше, чем они русский. Стал им помогать, переводил лекции, растолковывал. Подружились. Близким другом стал Вольфганг Кайзер (Wolfgang Kaiser), сын сельского сапожника. Мы даже с ним небольшой бизнес организовали: он привозил гэдэ-эровские туфли, а я сдавал их приятелю-товароведу в комиссионный магазин в Ростове, образовывалась небольшая

прибыль. Был среди немцев сын одного высокого гэдээровского руководителя. Настоящий нацист, антисемит, гитлеровец – проявлял себя, откровенничал, когда крепко выпивали. Вылетел по неуспеваемости. В конце второго курса меня выселили из общежития. Проверяющие придрались к санитарному состоянию нашей комнаты. Выселили всех четверых, но троих моих сокомнатников вскоре простили. Грешным делом, я считал, что подвергся репрессиям из-за публичного спора, затеянного с лектором, которого прислали к нам в общежитие разъяснять «агрессивную сущность израильского милитаризма», нанесшего сокрушительное поражение арабо-советским войскам в 1967 году. Это было сразу после Шестидневной войны, и КГБ резко усилил антиссионистскую, фактически антисемитскую деятельность. Деканат был непреклонен в моём выселении. Приехала в Москву мама, и мы нашли комнату на съём неподалёку от университета. Платить тридцать рублей было дороговато, но, с другой стороны, они обеспечивали некоторую интимность: в дневное время, когда не было хозяев, пожилой еврейской пары, можно было пригласить подругу. Через полгода удалось вернуться в общежитие, уже в Главном здании МГУ на Ленинских горах. Оно было более комфортабельным. Правда, в комнаты, первоначально предназначавшиеся для одного и двух человек, нас селили соответственно по двое и трое. Но на каждые две комнаты предусматривались душ и туалет.

В большинстве советских вузов студенты проходили во-

енную подготовку. Часто она заключалась в утомительной муштре. Но мехмату повезло. Наша военная специальность называлась «Моделирование систем противовоздушной обороны». Дело было новым и весьма актуальным. Во время холодной войны вокруг Москвы была выстроена дорожная система ПВО – антиракеты, локаторы и т. п. Ждали ядерной бомбардировки НАТО, в случае чего надо было с максимальной надёжностью перехватить вражеские ракеты и бомбардировщики. Любопытно, что большая часть СССР оказалась почти не защищена от ядерного нападения, денег не хватало – только на защиту Москвы, высшего руководства и пусковых установок советских ракет. Ясно, что для проектирования таких систем нужен был основательный расчёт, чтобы смоделировать возможные вражеские налёты со всеми их характеристиками и процесс сбивания вражеских целей антиракетами, оценить, сколько таковых нужно, где их лучше расположить и т. п. Это потребовало развития нового научного направления, имитационного компьютерного моделирования, и подготовки соответствующих специалистов. Таковыми мы и должны были стать.

Надо ли говорить, что современные научный и учебный процессы требуют либеральной обстановки, иначе мозги плохо работают (в сталинское время Лаврентию Берии хватило ума создать комфортные условия физикам, разработавшим атомную бомбу), и такая атмосфера была создана на военной кафедре мехмата МГУ. Заведовал ею интеллигент-

ный генерал-майор Марков, некоторые офицеры-преподаватели были выпускниками мехмата. Юмор при общении приветствовался. Помню, однокурсник Толя Новицкий сильно опоздал на «военку» и по правилам должен был писать объяснительную записку. Начиналась она так: «Вчера вечером я лёг спать рано. Но мне не спалось...» в нашем распоряжении на военной кафедре было достижение советской науки – ЭВМ «Минск» (слово «компьютер» тогда в русский язык не пускали, говорили «электронно-вычислительная машина»). Интересно, что имитационное моделирование пригодилось нам позже при работе над экологическими моделями.

С третьего курса началась специализация по кафедрам. Я выбрал математическую экономику с научным руководителем Борисом Самуиловичем Митягиным. Созданной в 1968 году кафедрой общих проблем управления формально заведовал академик Трапезников, но фактически руководил Сергей Васильевич Фомин. Ещё надо было выбрать пару спецкурсов из сотни, предлагавшихся третьекурсникам.

Интерес к экономике был у меня глубинный. То, что преподавали тогда на мехмате в виде математической экономики, было наукой весьма теоретической. Лучшие советские математики стремились постичь эту западную науку. А у руководства СССР сохранялась иллюзия, что математическими методами и компьютерами можно так наладить народное хозяйство, что под руководством всесильного Госплана развитие экономики будет идти как по маслу безо всякого рын-

ка и капитализма. Под эту дудку создали Центральный экономико-математический институт, в который и взяли на работу Митягина и многих других замечательных математиков. Даже квартиры выбил им влиятельный академик Федоренко. Они со рвением принялись изучать западные теоретико-экономические модели. Однако разрыв между этими моделями и советской экономической реальностью был не то, что огромен, а бесконечен. Это не мешало проводить семинары по изучению современной математической теории экономики. Стали американские книги переводить. Забавно, что фундаментальная книга нобелевского лауреата, советника президента Кеннеди Пола Самуэльсона «Экономика» была издана по-русски малым тиражом и доступна только в спецхране библиотек. Усмотрели цензоры капиталистическую крамолу.

Центральный экономико-математический институт РАН.

На фасаде мозаичная лента Мебиуса с различными формулами, подчёркивающая назначение здания.

Современное фото

Местом, где даже студенту были доступны монографии и западные научные журналы, была Всесоюзная библиотека иностранной литературы. Как же полюбил я новенькое здание непривычной современной архитектуры, расположившееся напротив высотки на Котельнической набережной. Проводил в залах библиотеки целые дни. Обедал сосисками и блинчиками в здешнем буфете. Кофе был по советским временам приличный, из венгерских кофемашин. Были доступны и художественные книжки на английском. Но больше всего притягивал меня зал энциклопедий. Большая Британская, дореволюционный Брокгауз и Эфрон, Еврейская энциклопедия 1906 года в 16 томах! и все эти сокровища стояли прямо на полках. Подходи, читай без всякого заказа.

Семинары по матэкономике проходили и на мехмате, и в ЦЭМИ, и в Институте проблем управления. На пятом курсе проходил в ЦЭМИ практику. Заниматься на старших курсах стал поменьше – оказалось много отвлекающих моментов. Однако диплом с отличием получил с лёгкостью. Мой научный руководитель Б. С. Митягин, человек чрезвычайно интеллигентный и современный, запросто приглашал в гости, пытался оставить меня в аспирантуре на кафедре.

Серебряническая набережная. На переднем плане Государственная библиотека иностранной литературы.

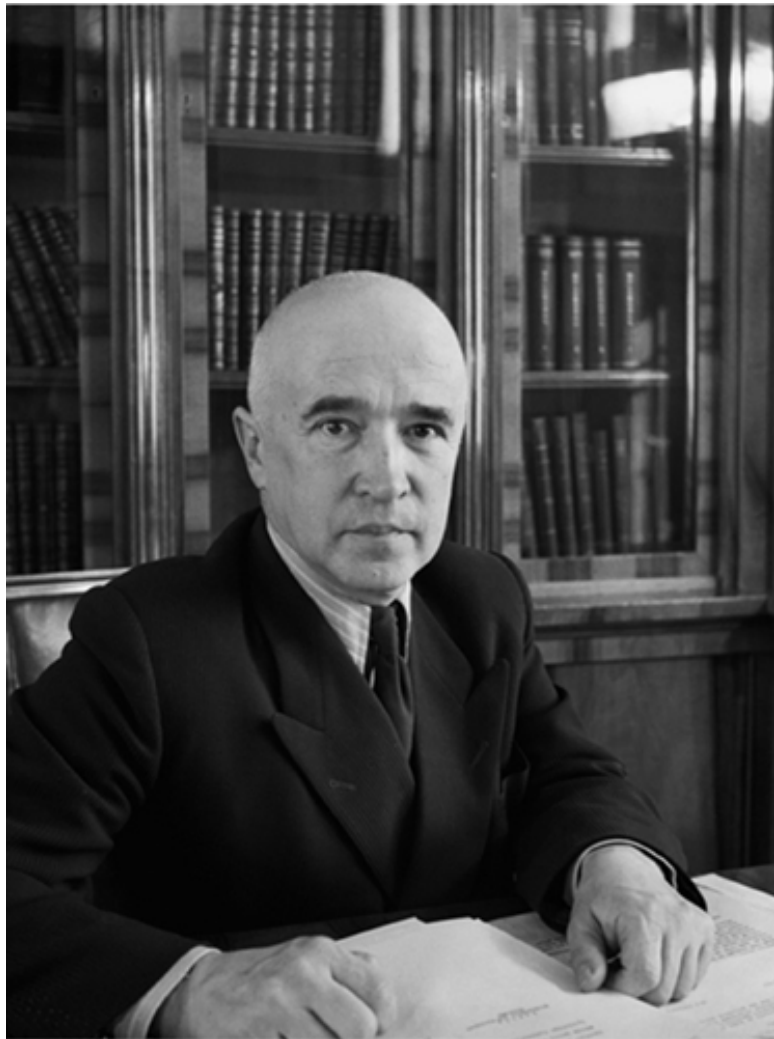
Фото Г. Грачев

Однако обстановка на мехмате, да и во всей стране, к концу обучения изменилась изрядно. Государственный антисемитизм во взаимодействии с внутриуниверситетским взял мехмат МГУ под полный контроль. Подробнее об этом ниже. Партком не дал мне характеристику в аспирантуру. Предстояло распределение: выпускники советских университетов, за редким исключением, подлежали обязательному направлению на работу в соответствии с заявками, поданными предприятиями, которым нужны были сотрудники. В те годы,

однако, большинство престижных предприятий (академия, оборона) евреев на работу фактически не принимали, хотя открыто это не декларировалось. Распределительная комиссия прекрасно знала: направленных еврейских кандидатов отделы кадров отфутболят и их придётся перераспределять. Приняли мудрое решение: евреям давали свободное распределение – ищите работу сами. Так я вернулся в Ростов и попал, на своё счастье, в замечательный, только что созданный НИИ механики и прикладной математики, возглавляемый Иосифом Израилевичем Воровичем.

Великий мехмат и его упадок

Ректор МГУ (1951 – 1973)

Иван Георгиевич Петровский

До того, как возглавить университет, он был деканом мехмата МГУ. Петровский был человеком беспартийным, что удивительно для назначения его на столь высокий пост. Все свои силы он употреблял на то, чтобы талантливые люди, независимо от национальности, оставались в университете.

Позволю себе несколько отступлений от биографической канвы. Первое посвящено моему любимому мехмату. Не зря был туда огромный конкурс в пятидесятые, шестидесятые.

Поступлению на мехмат МГУ предшествовала интенсивная нацеленная подготовка. Математические школы в Москве и крупных городах. Был ещё математический интернат, основанный академиком А. Н. Колмогоровым, куда отбирали и где целенаправленно готовили несколько десятков математически одарённых детей, там преподавали лучшие мехматовские специалисты. В 1964 году замечательный математик И. М. Гельфанд организовал при мехмате Заочную математическую школу, ЗМШ. Это было чудо эффективности. Каждый год туда принимали две сотни детей, в основном победителей региональных олимпиад. Они ежемесячно получали по почте брошюры, задания, придуманные Гельфандом и его учениками, решали, отсылали в МГУ. Получали от проверяющих (обычно студентов-добровольцев) обратную связь, критику своих работ. Это позволяло ребя-

там из отдалённых уголков страны достигать уровня, достаточного для успешной сдачи тяжёлых экзаменов. Таким образом, факультету доставался контингент первокурсников с первоклассной математической подготовкой и высокой мотивацией.

Мехмат МГУ в течение нескольких десятилетий был одним из лучших в мире. Могу это доказать количественно. Математикам нобелевских премий не дают. Таково было завещание Альфреда Нобеля – по слухам, он невзлюбил шведского профессора-математика, ухаживавшего за его невестой. Математическим «Нобелем» считается учреждённая в 1936 году Филдсовская медаль, присуждаемая Всемирным математическим конгрессом. С гордостью привожу результат моих изысканий по принадлежности лауреатов к различным университетам: Princeton University – 7; МГУ (мехмат) – 5; Cambridge University – 3; Stanford University – 3; UCLA Berkeley – 3; Harvard University – 2; MIT – 2.

Даже в лучшие годы МГУ, по общему рейтингу, входил разве что в 50 ведущих университетов. Ныне, кажется, в 150. Количество лауреатов нобелевских премий, учившихся в МГУ (включая премии по литературе и за мир), – 7. Для сравнения: Гарвардский университет – 161. Мехмат же на втором месте по математической нобелевке.

Но это в прошлом. Чтобы поступить на мехмат МГУ в 2021 году (специальность «механика»), достаточно было подать заявление. Конкурс стал один человек на место, самый

низкий в МГУ. Конечно, рейтинг и самого МГУ за эти годы тоже снизился. Но не настолько. Что же произошло с любимым факультетом?

В 1966 году, когда мы поступали, конкурс был, как я говорил, более восьми человек на место, и подавали только очень основательно подготовившиеся по математике. А экзаменационный отбор был совершенно беспристрастный и объективный. Оказалось, что на нашем курсе примерно треть студентов – евреи. В 1969 году число принятых евреев обнулилось. Закончилась советская оттепель. Шестидневная война в 1967-м и вторжение в Чехословакию в 1968-м дали возможность ястребам изменить политико-социальный ландшафт. Наступала реакция. Сравнение СССР 1966 и 1971 годов ассоциируется у меня с «эффектом бабочки» из гениального рассказа-притчи Рэя Брэдли: вернувшись из путешествия во времени, герой обнаруживает, что его страна, с одной стороны, почти не изменилась по внешним признакам; с другой – стала политически совершенно иной, злобной. Увы, в последние столетия схожая метаморфоза не раз случалась с многострадальной Россией, и не видно этим недобрым разворотам конца...

На мехмате злобные перемены многократно усилились. Кагэбистов и взаимодействующих с ними доморожденных антисемитов удручил факт обильного еврейского присутствия, что вызвало «демографическую революцию». Число студентов-евреев, как выше было сказано, стало близким к нулю

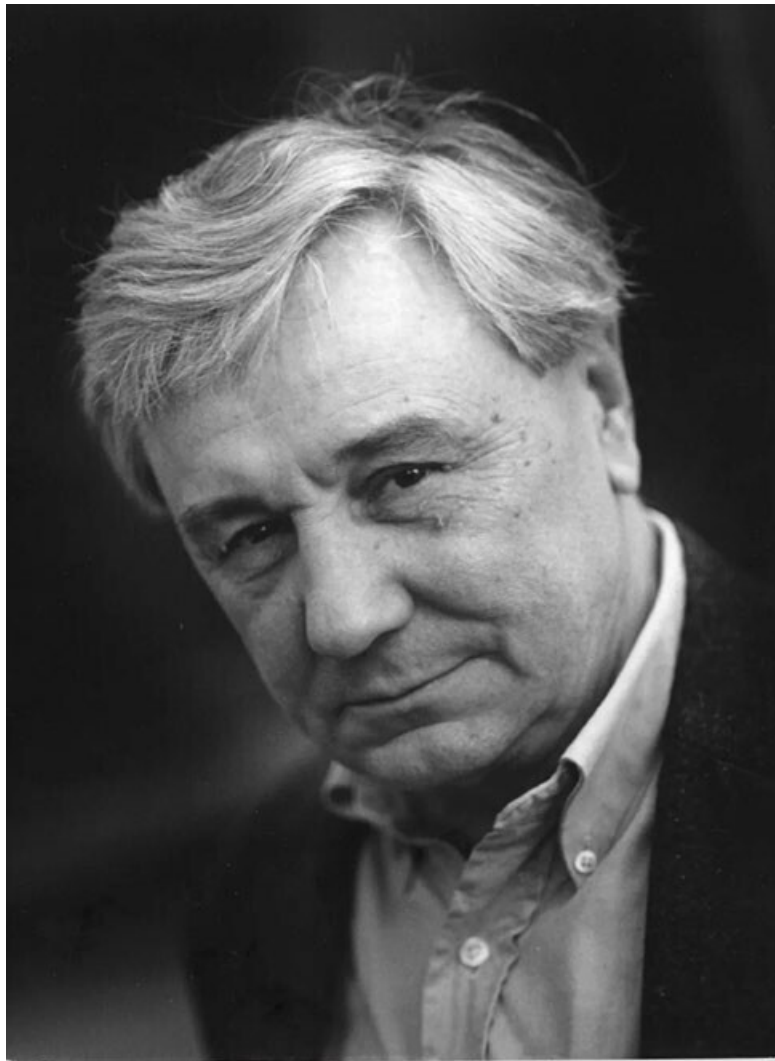
(по самому большому благу они переводились из других вузов на второй курс). Потом партком начал этническую чистку и преподавательских рядов. Вскоре после того, как я окончил вуз, изгнали Б. Митягина, его ближайших коллег А. Катка и А. Дынина. Одно это радикально сказалось на уровне факультета. Достаточно отметить, что из пяти филдсовских лауреатов-мехмятян четверо – евреи. А пятый, С. П. Новиков, – борец с антисемитизмом в советской математике.

Увы, таковой процветал. Думаю, корни его в зависти, в чувстве собственной неполноценности. Вспоминаю декларацию Гитлера: «Евреи отбирают рабочие места у немецких музыкантов». Работало безотказно. Антисемиты в высшем эшелоне математики делились на два класса. Идейные, как Л. Понтрягин, И. Шафаревич, и конъюнктурные, как И. Виноградов, М. Келдыш. Последние подыгрывали ЦК и КГБ в государственной антиссионистской кампании, резко усилившейся после сокрушительного поражения, нанесенного Израилем советскому оружию в 1966 году.

Пламенным борцом с антисемитизмом в советской математике, а также летописцем этих событий был и остаётся академик и первый советский филдсовский лауреат С. П. Новиков. Им двигала, по его собственным словам, «не только честность во всём (в жизни, науке, общественных отношениях), но и готовность за неё бороться против сил тьмы и дремучести, которые коллективный коммунистический интеллект постоянно натравливал против науки». Он

обличал «демонстративный, гнусный антисемитизм, насаждаемым Виноградовым» путём дискриминации евреев-математиков. Их лишали работы, валили их диссертации, не выпускали за рубеж. Даже филдсовских лауреатов не выпускали на математические конгрессы для получения медали.

Академик Сергей Петрович Новиков

Начиналась дискриминация со вступительных экзаменов на мехмат. Способы, которыми администрация мехмата преграждала путь еврейским абитуриентам, были изощрёнными. Еврейских детей заранее маркировали в экзаменационных ведомостях. Для отсева были придуманы специальные задачи, которые имели формальное решение в рамках школьной программы, но решить их за разумное время было невозможно, – так называемые гробы.

Еврейских абитуриентов на устных экзаменах объединяли в отдельные группы, и аудитории, в которых у них принимали экзамены, на сленге назывались «газовые камеры». И. Шафаревич, бывший антисемитом идейным, но возражавший против бытового антисемитизма, писал о процедуре дискриминационных экзаменов: «Нужно сказать, какими средствами эти проблемы решались ещё недавно – например, в математике. о них, конечно, нужно сказать – они были чудовищные. Во время экзаменов происходила борьба, война с подростками, почти детьми. Им задавали бессмысленные или двусмысленные вопросы, сбивающие с толку. Это разрушающе действовало на психологию, на психологию их и других подростков, которые видели, что поступающих для экзаменов делят на группы». Добавлю слова Б. С. Митягина: «Единственный еврей нашего выпуска, которого не уволили с мехмата, был Е. Голод, сотрудник Шафаревича». Я до сих

пор встречаю в Израиле и США людей, безуспешно пытавшихся поступать на мехмат в годы антисемитизма. Им так и не удалось избавиться от этой юношеской психотравмы (см. статью «Погромы в российской математике»)¹.

Дискриминация абитуриентов еврейского происхождения, безусловно, повредила репутации мехмата МГУ и советской математики.

Элиминация евреев была не единственным механизмом разрушения мехмата. В некоторый момент решили на всякий случай распространить репрессии на всех выпускников элитных московских школ, где концентрация евреев была весьма высокой. Осталась неизвестной причина расширения ограничений на неевреев. Пропитанность еврейским духом? Вероятнее, очевидная этническая дискриминация выпускников одного класса была слишком очевидной, скандальной. Её отмечали учителя (Сенлеров, Каневский). Так или иначе всё это снижало уровень студентов, калечило психику непоступивших, дискриминированных, негативно влияло на сознание всех свидетелей, включая поступивших.

Не менее разрушительным фактором стало внедрение на мехмат неподготовленных рабфаковцев. В СССР была практика приёма в университеты выпускников рабочих школ, идеологически закалённых, но, как правило, плохо образованных. В дореакционные годы таковых на мехмат не внед-

---

¹ URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=9699> (дата обращения: 04.04.2023).

ряли, так как они не смогли бы сдать ни одну сессию. В наше время стандарт годовых и полугодовых экзаменов был очень высок, преподаватели – справедливо строги и беспристрастны. Я упоминал, что на наш курс внедрили ребят из республик Средней Азии. Была советская установка давать привилегии представителям малых народов, включать их в советско-русский дискурс. Увы, все они вылетели с первого курса, не справившись с экзаменами по математике. Вьетнамцы, отобранные, полагаю, по-честному и обладавшие фантастической работоспособностью, удержались. с рабфаковцами стало в семидесятых по-иному: профессорам запретили ставить им двойки. Это были круглые троечники. Активно-агрессивные, требовавшие к себе внимания преподавателей. Последние вынуждены были ориентироваться, ведя занятия, на их низкий уровень. Хорошие студенты теряли интерес.

Москва Ква Ква

К Рембрандту входит в гости Рафаэль.
Он с Моцартом в Москве души не чает...
Осип Мандельштам. Полночь в Москве

У театрального киоска

Кроме счастья, дарованного мехматом в лучшие его годы, было счастье Москвы. Прежде всего, великий московский советский театр. Невзирая на потери, понесённые в годы большевистских репрессий, этот театр выжил и даже рас-

цвёл в позднесоветское время. Лучшие театры научились защищаться от советской цензуры эзоповыми приёмами; впрочем, немало было и театров верноподданнических, политизированных. Отличать хорошие спектакли от советской халтуры научились быстро. А вот с билетами была проблема. Цена их была невысока, от одного до трёх рублей, и никак не коррелирована с качеством спектакля, только с государственным статусом театра. Скажем, Таганка вдвое дешевле академического Малого театра. Зато, чтобы купить билеты на Таганку или в «Современник» – два театра, где все спектакли были модными и почти все первоклассными, – надо было занимать очередь в кассу театра вечером и дежурить всю ночь. В Москве была сотня театральных касс – стеклянных киосков, где продавали самые разнообразные билеты. Они были сплошь заклеены афишами и расписаниями, а также написанными рукой кассирши списками возвращённых или «завалывшихся» билетов. Изредка попадались жемчужины.

Мой основной способ проникновения в театр – стрелкнуть лишний билетик. Вообще-то, самые отчаянные зрители начинали спрашивать лишний билетик уже в метро, у выходящих из вагонов на станции «Таганская». Малоэффективно: даже если попадётся в толпе держатель лишнего билета, некомфортно ему продавать в толчее. Я стоял непосредственно на подходе к театру. Всмотривался в лица. Научился по выражению лица, настороженному взгляду определять

потенциальных обладателей заветной бумажки. Перепродажи спекулятивной тогда не было. Лишний билет образовывался, когда у кого-то срывались планы. Я устремлялся к такому человеку с решительной доброжелательностью и потом обычно оказывался сидящим рядом с ним в зрительном зале.

Памятник театральному зрителю в Калуге. В руках девушка держит табличку: «Нет лишнего билета?»

Скульптор Светлана Фарниева

А очередь за билетами в кассу Таганки люди занимали

с вечера накануне начала продажи. Активисты составляли список очередников. Утром все билеты распродавались в течение нескольких часов. Однако Героям Социалистического Труда и инвалидам войны можно было купить без очереди. Однажды мы попросили отца нашего друга, Александра Михайловича Ларина, прийти к 10 часам к таганской кассе, купить билеты себе и нам. Он был замечательным юристом и очень остроумным человеком.

На войне потерял руку. На подходе к кассе на него накинулись очередники-активисты: «Мы тут всю ночь простояли, а вы без очереди!» Александр Михайлович им ответил: «Полагаете, что участие в Великой Отечественной войне приравнивается к ночному стоянию в очереди?»

Таганка была для нас № 1. Удалось посмотреть практически всё. «Антимиры», «Добрый человек...», «Галилео» и «Гамлет» с Высоцким... Театр «Современник» в маленьком зданьице рядом с памятником Маяковскому... Оттепельные, противоречившие советскому политическому мифу

«Декабристы-Народовольцы-Большевики». Там же трогательнейшие «Традиционный сбор» и «Старшая сестра». Никогда не забуду «Дальше – тишина» с Раневской и Пляттом в Моссовета, «Цезарь и Клеопатра» в Вахтангова. Юмор, подтексты, могучие эмоции, величие духа – всё это дарили нам великие режиссёры, актёры, драматурги, и это осталось со мной на всю жизнь, как и страсть к театру.

Рядом с Библиотекой иностранной литературы находился кинотеатр «Иллюзион». Он располагался в высотке на Котельнической набережной. В этом здании происходит действие романа «Москва Ква Ква» Василия Аксёнова, у которого я позаимствовал название этой главки. В «Иллюзионе» показывали недублированные иностранные фильмы, старые в основном. На доступных сеансах удалось познакомиться с мировой киноклассикой.

Московские художественные музеи всегда были интереснейшими, хотя и идеологически отцензурированными. Классики из дореволюционных коллекций цензура не касалась, а произведения импрессионистов, уж не говоря о формалистах, абстракционистах и пр., – вредное искусство. Только реализм, желателен социалистический. Остальное – под запрет. Но в период советской оттепели, когда мы были студентами, советский авангард и импрессионисты стали возвращаться из запасников, и состоялась выдающаяся выставка импрессионистов, привезённая из Франции. Чтобы попасть на неё, надо было отстоять многочасовую очередь. Позже открылась выставка Шагала, тоже из Франции. Потом привезли из Лувра «Мону Лизу». Чтобы провести у картины да Винчи 30 секунд (далее специальные люди тебя выталкивали), надо было занимать очередь в шесть утра.

Очередь в Пушкинский музей к картине «Мона Лиза». 1974 г. Фото А. Огнев

Из альбома «Мона Лиза» в Москве. 1974 г.

Особым объектом внимания стали для меня московские рестораны. Было их немного, попасть – нелегко. Довольно дорогие, престижные. Обед на двоих, без вина, стоил пять рублей – столько средний советский трудящийся зарабатывал за один рабочий день. Ужин с вином – два дневных заработка. Может, меня родители немного избаловали редкими походами в ресторан; может, служили они контрастом убогой советской бытовой реальности, но тяготение было у ме-

ня непреодолимым. Не столько вкусная еда, сколько атмосфера – публика, улыбающиеся в надежде на чаевые швейцары, официанты. При этом последние безбожно обсчитывали, счёт я научился тщательно проверять. При гостиницах «Метрополь» и «Националь» существовали рестораны классической русской кухни. Были рестораны с претензией на этническую кухню по названиям столиц соцстран: «Будапешт», «Берлин», «София» и т. д. Высший эшелон— рестораны творческих союзов: архитекторов, композиторов, литераторов, журналистов. В такие простых людей не пускали, но, если сунуть рубль швейцару... Позволял я себе ресторан нечасто, раз-два в месяц. Мама меня поддерживала довольно щедро – 80 руб. ежемесячно почтовым переводом. На старших курсах я и сам стал подрабатывать репетиторством, получалось приглашать девушек. Изредка ходили с друзьями.

Запомнился «Пекин» (трепанги, sake!), где отмечали с Ф. Сурковым и Л. Местецким выход их учебной книжки для ЗМШ. Компанией сокурсников наведывались в ресторан гостиницы «Белград». Там появился первый в СССР шведский стол, сама идея которого ошеломляла, несмотря на убеждение предлагавшихся блюд. Мой любимый ресторан был

«Прага». Там на третьем этаже – божественный зал «Зимний сад». Там даже был знакомый официант, Романов. Он впервые представился, когда мы заказали созвучное с его фамилией молдавское вино романешты. Потом я обнаружил «Волгу» в здании Северного речного вокзала – впечатляла

она тем, что, когда ты заказывал рыбу, например сома, тебе её сперва приносили и демонстрировали живой. с этим речным вокзалом у меня связано ещё нечто сокровенное (идею подсказал отец): если в те годы ты хотел уединиться с девушкой, в гостиницу не пустили бы никак. Проверяли свидетельство о браке и прописку. А вот билеты в двухместную каюту на теплоходе в одно-двухдневный круиз – пожалуйста, без всяких паспортов и сравнительно недорого. О, незабываемая поездка Москва – Ярославль!

О, Москва! Прикипело к тебе моё сердце...

В одном из залов ресторана «Пекин». 1970-е гг.

Учителя

I am not a teacher, but an awakener...

(Я не учитель, я пробуждающий...)

Роберт Фрост

Писатель Джордж Оруэлл и его знаменитый роман-антиутопия

Моим первым учителем, определившим в большой степени мою личность, был Константин Фёдорович Блохин, частный преподаватель иностранных языков. Друзья порекомендовали его моей маме в мои двенадцать. Ему было неполных тридцать. К. Ф. учился в Москве, в замечательном пединституте иностранных языков. Потом работал некоторое время в Ростовском университете, но был уволен за мягкое диссидентство, выражавшееся в недружбе с комсомолом, отказе ходить на демонстрации и контактах с иностранцами. Репетиторствовал, детей учить любил. Несмотря на отсутствие академической работы, продолжал исследовать Гёте и Гюнтера Грасса. Был он человеком ярким и совсем не книжным червём. Пользовался успехом у женщин, мог прийти на урок с сильным запахом перегара, но всегда вовремя и подготовившись. Сразу возникло у меня к нему глубокое уважение и интеллектуальное притяжение, по-видимому, взаимное. Не подготовиться к его уроку было для меня невыносимо.

Сперва мы занимались немецким. Начали с немецкой книги сказок Андерсена, потом Гёте, Гейне, Ремарк и даже Библия на немецком и параллельно на русском. За Библию, прочитанную в юности, благодарен ему особо. Каждый урок включал и 20 минут разговора на свободные темы – жизнь, политика, история. Вскоре параллельно с немецким начали

английский. Он дал мне учебничек Hornby. Вскоре начали стихи учить: Бёрнс и Шекспир! В СССР издавались адаптированные (упрощённые) тоненькие английские книжки – Киплинг и пр. К. Ф. преподавал и французский, но до него у нас не дошло.

Многое почерпнул я у К. Ф., он повлиял на моё становление, пробудил интерес к иным культурам, научил нестандартно мыслить. Он свысока смотрел на моду, поветрия, на массовую культуру. о поп-музыке речи вообще не было, не очень интересовался даже модными литераторами. Классика, античность, философия. Его политические взгляды, оценка советского режима стали мне очень быстро понятны и близки: его анализ резонировал с моими юношескими сомнениями, чувством правды, критичностью.

К. Ф. был человеком цельным, интеллигентнейшим и одновременно мужественным и решительным. Вот отрывок из воспоминаний его сына Игоря Блохина:

Однажды мы с отцом возвращались жарким июльским днём из Ботанического сада и остановились на углу Братского и Станиславского около киоска по продаже воды.

Продавица вела дружескую беседу с огромным и толстым приятелем, который, очевидно, был настроен на долгий разговор. Мы подождали пару минут, но разговор продолжался, а жажда взяла своё, и отец попросил налить нам два стакана чистой воды.

Продавищица, не прекращая разговора с приятелем, взяла пару стаканов с остатками пены от предыдущего покупателя, покрутила несколько секунд в мойке, налила и поставила их перед нами. Я взял мой стакан и стал пить, а отец посмотрел на свой стакан, увидел, что он был в помаде и пене и попросил заменить стакан, отмыв его от этих следов.

Продавищица возмущённо посмотрела на отца, ведь он оторвал её от интересного разговора, а её приятель решил вступить за подругу, решив, что интеллигент в очках не может качать права. Этот огромный мужик использовал несколько непечатных выражений, содержание которых сводилось к тому, что нельзя отвлекать продавищицу от разговора с другом, а все прочие могут идти лесом, если перевести его мат на литературный язык.

Я допил свой стакан, поставил его на место и стал наблюдать за развитием ситуации, потому что знал отца как очень смелого и решительного человека, и оказался прав. Отец, державший в руке грязный гранёный стакан, из-за которого возник конфликт, зарычал: «Что ты сказал, негодяй?!» – размахнулся и с невероятной силой ударил хама в подбородок стаканом.

Удар был такой силы, что стакан разлетелся на мелкие кусочки, а хам пролетел по воздуху пару метров, упал на спину за киоском и жалобно запищал: «Братка, не убивай, не убивай меня». Кровь заливала его лицо, видимо, осколки стакана порезали подбородок. Отец замахнулся тяжёлым

кованым ботинком, но не стал добивать лежащего, а схватил меня за руку, и мы вскочили в трамвай, который в этот момент подошёл к остановке. Продавица воды в это время истошно кричала: «Убили, убили, милиция!»

И надо же такому случиться, в этот момент откуда-то возник милиционер, который запрыгнул за нами в трамвай и попытался выяснить причину конфликта. Это могло привести к задержанию для выяснения обстоятельств, но, взглянув на отца, милиционер изменился в лице и сказал:

«Извините, Константин Фёдорович, я вас не сразу узнал». Оказывается, мой отец, кроме университета, пединститута и мединститута, преподавал ещё и в каком-то юридическом учебном заведении, и милиционер был раньше его студентом.

«Этот человек нахамил мне в нецензурной форме в присутствии сына, – объяснил отец, – и его следовало наказать». «Ну и правильно», – ответил милиционер, и мы, выйдя на следующей остановке, направились домой.

Вернувшись после МГУ в Ростов, я попросил К. Ф. возобновить уроки. В основном занимались английским, читали авторов начала XX века, но всё больше интересные книги, философию и т. п. Он принёс замечательную «Историю западной философии» Бертрانا Рассела – эта книга в СССР была издана, но доступна только в спецбиблиотеках. Мы подробно обсуждали каждую главу, каждо-

го из философов. Мишеля Монтеня читали отдельно. Были и George Orwell (Джордж Оруэлл) «1984», «Animals Farm» («Скотный двор»); Aldous Huxley (Олдос Хаксли) «Brave new world» («О дивный новый мир») – карманного формата (paperbacks), вероятно привезённые ему знакомыми иностранцами. Это была основа современной политической философии. о великий Оруэлл, так точно описавший деяния и приёмы тоталитарных режимов, подтасовки истории! За прошедшие с издания его книги 80 лет не придумали почти ничего другого, и ещё: любовь и секс как протест против тоталитаризма.

К. Ф. познакомил меня с Леонидом Григорьяном, и через него я узнал самиздат, Мандельштама и поэтов Серебряного века. Общим другом у Константина Фёдоровича и Леонида был писатель Виталий Сёмин, чей замечательный роман «Нагрудный знак Ост» был опубликован в «Новом мире». Сёмина ненавидела суперконсервативная ростовская писательская организация. Зато исключать из Союза писателей Пастернака и Солженицына организация эта бежала впереди паровоза.

К. Ф. жил в коммуналке. Жилищный вопрос, когда стало легче с деньгами, он принялся решать по-своему. Обычно «влезали» в какой-либо кооператив. Строительные кооперативы тогда создавались при предприятиях. Чтобы «влезть», надо было либо временно устроиться на предприятие работать, либо дать взятку. Потом оплатить кооперативную квар-

тиру – цена её примерно равнялась средней зарплате советского трудящегося за семь лет (столько лет отработывал праотец Иаков ради брака с любимой). К. Ф., мысливший всегда нестандартно, купил участок земли и начал строить дом. В той стране купить землю в городе легально также было невозможно. Он нашёл полулегальный способ: купил половину участка у отставного полковника, которому земля полагалась бесплатно, и начал строительство на своей половинке. Впрочем, купить стройматериалы легально тоже было невозможно. Да и не нужно. Ворованные были дешевле.

Это была народная стройка. Все мы, его друзья, приходили кто и когда мог. Сперва копали лопатами землю под фундамент. Потом, помню, он попросил прийти в строго определённое время – и мы долго ждали, когда приедет самосвал с ворованным бетоном. Приехал, вывалил, и надо было быстро этот бетон лопатами разравнивать, перемещать в нужные секторы фундамента. Весело работалось, в охотку, не так, как когда-то на строительстве гостиницы «Россия».

Ещё не достроив дом, он уже въехал с семьёй, постепенно, по мере зарабатывания денег, достраивал, оборудовал. Все старались помочь, находили ему учеников для частных уроков. Была у него чудесная вторая жена (да и первая была очень славная, хотя и немножко сумасшедшая). Он был преданным отцом. с двумя сыновьями общался с детства по-немецки и по-английски, много занимался. Жизнь наладилась, и тут – мучительный рак.

Мой университетский профессор Борис Самуилович Митягин, когда в начале третьего курса я попросился к нему на специализацию, встретил меня улыбкой. Он был если не вундеркиндом, то вундерматематиком. Защитил докторскую в 27 лет (в среднем в СССР защищали таковую в пятьдесят). Окончил мехмат МГУ в 1958-м. Это был блестящий выпуск, первый, в который после смерти Сталина приняли евреев. Два филдсовских лауреата. По окончании, однако, ему пришлось уехать в родной Воронеж. Но вскоре после открытия Центрального экономико-математического института в 1967-м переехал на работу в Москву, даже получил от ЦЭМИ квартиру. В 1968 году стал по совместительству работать профессором МГУ. Мы с Е. Полищуком, С. Книфом и Л. Чернышёвым были его первыми дипломниками.

Борис Самуилович Митягин

Я записался в ученики к Б. С., потому что увидел название специализации – «математическая экономика». Будучи блестящим математиком в области функционального анализа, матэкономике он стал изучать только по переезде

в Москву, в ЦЭМИ, замечательный институт, директор которого пытался привить на советской почве западную экономическую теорию и получил карт-бланш принимать на работу лучших математиков безотносительно к национальности. Увы, недолго продержалось это «экономическое чудо» в условиях социалистической политэкономии и государственного антисемитизма. Б. С. и десяток блестящих советских математиков делали искренние усилия исследовать современную матэкономiku, с молодым энтузиазмом, пробуждённым Б. С., подключился к этим замечательным людям и я. Ходил на семинары, просиживал над журналами *Journal of Economic Theory*, *Econometrics* в Библиотеке иностранной литературы. Увы, ничего стоящего в этой области тогда мне сделать не удалось. Боюсь, и Б. С. тоже. Разрыв между экономической теорией и реальной советской экономикой непреодолим. Впрочем, полезнейшие знания по матэкономике в моей будущей работе оченьгодились. Сперва в преподавании, позже в бизнесе.

Отношение ко мне Б. С. было самым добрым. Вероятно, возникла глубокая взаимная симпатия. Учился у него не только математике, но и человеческой мудрости. Запомнил его максимы, например: «Даже если ты знаешь, что уходишь со своей работы, работай до последнего дня так, будто планируешь работать здесь всю жизнь». Или совет: «Если решил уезжать из СССР, лучше сделать это как можно быстрее...»

Митягины совсем не по-советски приглашали скромного

студента домой: дистанции между студентами и профессорами положено было быть значительной. Я подружился с его женой Софой, светской киевской дамой, корректировавшей мой разговорный южнорусский, беспощадно искоренявшей украинизмы, и дочерью Ксений. Ходили вместе на концерты. Приятельские отношения продлились за пределы учёбы в МГУ. Они были у меня на свадьбе. Б. С. приезжал потом в Ростов, бывал на наших конференциях, в моей ростовской квартире, где бабушка с восторгом потчевала его разносолами. Говаривал комплименты: «Легко Воровичу, нашему дорогому директору, развить это направление с такими ребятами, как Федя и Юра!» Да и в постсоветское время мы виделись в Москве и в Израиле.

Увы, в результате антисемитской кампании Б. С. вскоре после нашего выпуска был уволен с мехмата и принял решение уехать из страны. Ещё до отъезда он получил предложение профессорства в Университете Огайо (Ohio State University), где счастливо проработал много десятилетий. К матэкономике не возвращался. Выпустил ряд первоклассных работ по функциональному анализу, теории операторов, матфизике.

24 года посчастливилось проработать под руководством Иосифа Израилевича Воровича. Перед окончанием МГУ, осознав, что остаться в Москве не удастся, мы с Фёдором Сурковым решили взять курс на Ростовский университет (РГУ). В 1970 году двое робких пятикурсников мехмата

МГУ пришли к И. И. проситься на работу, и сразу почувствовали его тепло, мудрость, доброжелательность. Вышли окрылённые, уверенные в своём профессиональном будущем. Позже я узнал, что сам И. И. был в похожей ситуации, когда вместе с сокурсником Никитой Моисеевым приехал из Москвы проситься на работу в Ростовский университет. Тогда Москва не брала Воровича по пятому пункту, а Моисеева – по репрессированным родителям.

Иосиф Израилевич Ворович

Выдающиеся люди бывают яркими, броскими, оставляющими взрывной след в памяти и в истории. А есть незауряд-

ные люди, по-своему не менее значительные, которые олицетворяют совесть, мудрость и страдания своего времени. Порой они живут среди нас тихо и незаметно, подспудно заставляя окружающих относиться к себе с должным уважением. Рассказывают, что во время погромов в еврейских местечках изуверы обходили стороной дома цадиков, местных праведников, мудрецов. Бога побаивались? Знали, что грабить ничего? Ворович всегда напоминал мне цадика. Мудрость и доброта просто светились в его глазах... Этого человека невозможно было обмануть. По двум причинам – язык не поворачивался под этим грустным пронзительным взглядом, да и невозможно было обойти его мудрость и интуицию.

Иосиф Израилевич-Гиршевич Ворович родился в местечке Стародуб в беднейшей семье. Повезло с учителем математики, и в 1937 году И. И. поступил на мехмат МГУ. Оказался в одной комнате с другим будущим академиком, Н. Н. Моисеевым. Тот вспоминал об И. И.: «В глазах первокурсника запечатлелась вся мировая скорбь. <...> Но особенно запомнилось: большой чемодан или сак, перевязанный ремнями, под которые были засунуты брюки, в них маленький Иосик должен был ходить в холодную московскую зиму».

И. И. счастливо проучился в МГУ четыре года, а когда началась война, его вместе с другими юными математиками перевели доучиваться в Военно-воздушную академию (спасли, оттянули призыв: 95 % призванных в 1941-м погибли), потом на фронт. Участвовал в Параде Победы на Красной

площади. Пара лет работы в секретном конструкторском бюро (КБ) в Москве. Он вспоминал, что работали как сумасшедшие. Поставили раскладушки прямо в кабинетах, чтоб не тратить лишнего времени. Потом вынужденный переезд в Ростов. Никита Моисеев, вместе с которым они приехали работать в Ростовский университет, в своей книге «Как далеко до завтрашнего дня. Свободные размышления» вспоминал: «Неожиданно оказалась очень приятной и деловой атмосфера на нашем физико-математическом факультете. Там собралась весьма квалифицированная компания доцентов, подобранная ещё профессором Мордухай-Болтовским, приехавшим в 14-м году из Варшавы. Может быть, они и не были первоклассными учёными, но все были знающими, интеллигентными преподавателями вполне университетского уровня. Теперь я уже имею право сказать, что все доценты факультета были профессионалами высокого класса. Именно они определяли погоду на факультете, который тогда был заметным явлением на фоне других провинциальных университетов. и что было особенно приятно: преподаватели факультета были все какими-то очень беспартийными. Как это отличалось от того, с чем я сталкивался на моём родном механико-математическом факультете МГУ, где группа партийно-комсомольских деятелей присвоила себе право решать и судьбы отдельных людей, и факультета в целом!».

Ректором РГУ был Юрий Андреевич Жданов, сын сталинского соратника, бывший муж дочери Сталина Светла-

ны. В Ростов он попал в опалу, честно старался превратить Ростовский университет в передовое заведение, был одержим идеей единения университетской науки и учебного процесса по западному образцу. В годы перестройки обнаружилось отвратительное антисемитское письмо Жданова в ЦК о засилье евреев в советской физике. Мне было очевидно, что письмо это не им было написано, а подписано под страхом репрессий. В Ростове Жданов был скорее юдофилом, дал приют, возможность плодотворно работать многим профессорам-евреям.

Как раз в 1971 году Жданов добился открытия при РГУ Научно-исследовательского института механики и прикладной математики. Возглавил его Ворович, а мы стали первыми младшими научными сотрудниками. Я проработал под его началом четверть века. Когда И. И. скончался в 2001 году, директором института стал Ф. Сурков.

Несколько лет мы общались с И. И. ежедневно. В будни он приглашал нас на встречи в свой просторный кабинет в НИИМиПМ. А в выходные дни – домой, где у его ноги миролюбиво порывкивал симпатичный фокстерьер. Однако, когда разговор заканчивался, Иосиф Израилевич предупреждал: «Не вставайте» и брал терьера на поводок, так

как тот при виде уходящих из дому гостей свирепел, раздражался злобнейшим лаем...

Поражала широкая математическая эрудиция Воровича, в частности в области теории оптимального управления – это

были математические новации того времени. Эрудиция сочеталась с первоклассной интуицией в прикладных задачах и необычайной житейской мудростью. Знание жизни и понимание людей – ещё два столпа личности Воровича. Метким словом, сравнением мог охарактеризовать человека не в бровь, а в глаз. Кого с телёнком сравнил, кого с хорьком – приставало пожизненно.

И ещё было у него от Бога проникновенное чувство юмора. Оно поднимало над суетой, абсурдностью ситуаций, согревало душу. Но в глазах всегда светилась неизбывная грусть. Вековая еврейская грусть, говорили мы друг другу, и было откуда ей взяться. Посмотрел я как-то историю его родного Стародуба: череда притеснений, унижений, убийств, погромов начиная от резни Богдана Хмельницкого (1649) до Холокоста (1941). И советский государственный антисемитизм унижал жестоко.

Как и большинство из нас, он был конформистом. Советская среда порождала в самостоятельно мыслящих людях личностное раздвоение: думать и чувствовать одно, проявлять в действиях и словах иное, угодное системе, зачастую самоуничтожающее. Не забыть долгого унижительно-го разбирательства перенаправленной из райкома анонимки, утверждавшей, что в его институте «засилье евреев». Над ответом на эту гнусь мы с Воровичем сидели несколько дней. Пересчитали всех евреев в институте. Доказывали, что их не больше, чем «в среднем по Минвузу РСФСР». Партком пе-

репроверял, сурово сводил брови. Уже в недавние времена рассказал мне бывший сотрудник ростовского КГБ (8-й отдел Пятого управления, отдел по «сионизму»), что были у них сведения: Ворович с некоторых пор евреев в свой институт брал мало, зато устраивал их, рекомендовал на другие кафедры, в институты, и сознался, что подобные анонимки стряпал обычно сам КГБ!

Иосиф Израилевич был человеком не от мира сего, бесребреником, жившим научными идеями, интеллектуальностью, духовностью. Он мало уделял внимания комфорту и выгоде, с иронией относился к спеси и чванству... При этом чувствовалась всегда в этом человеке недюжинная мужская сила.

Его любовь к близким, забота о семье были безграничны. Помню возвращение из московской командировки. На ленте выдачи багажа в ростовском аэропорту выплывает его рюкзак, лежащий в луже крови: подтаяло замороженное мясо, за которым он отстоял очередь в магазине на Ленинском проспекте. Купить мясо в Ростове было тогда невозможно. И. И. был заслуженно награждён замечательной семьёй, нежной, любящей, – жена Любовь Семёновна, дочка Лена.

Сотрудники его глубоко уважали. Люди любили. В 2017 году в Ростове происходило интернет-голосование, жители решали, кто самый выдающийся ростовчанин, достойный того, чтоб установить звезду его имени на соответствующей аллее. Установили звезду академика Воровича – именно за его

имя проголосовало тогда большинство ростовчан.

Леонид Матвеевич Аринштейн был другом моих родителей. Дружба семей уходила в прошлое: его мать, Евгения Яковлевна, была подружкой бабушки – обе из еврейских купеческих семей. Отец, врач, директор Физioterапевтического института, был коллегой и товарищем моего деда. В возрасте 17 лет Л. М. призвали в армию, после пехотного училища младшим лейтенантом отправили на фронт, на передовую. Командовал пехотным взводом. Он говорил, что не помнит лозунгов «За Родину! За Сталина!», не помнит криков «Ура!». «Идти в атаку – это серьёзное, молчаливое дело. Если будешь кричать, невозможно сосредоточиться, бежать, видеть».

Леонид Матвеевич Аринштейн
Окончил войну в Кёнигсберге. Поступил на филологи-

ческий факультет Ленинградского университета, учился у лучших филологов страны. Мне запомнился рассказ, как он спас в годы антисемитской кампании – так называемой борьбы с космополитизмом – своего учителя академика В. М. Жирмунского: выкрал ночью из сейфа парткома заготовленные компрометирующие материалы и тем самым сорвал запланированный на следующий день «разоблачающий врага народа» совет. Л. М. стал замечательным литературоведом, его книжка о Пушкине выдержала пять изданий. Стал соавтором замечательной Лермонтовской энциклопедии (подарил мне экземпляр), знатоком английской литературы.

Пару раз в год он приезжал из Ленинграда в Ростов, привозил книжки. Остановливался у Евгении Яковлевны, и мы с мамой приходили к ним в гости. Годы спустя, когда я вернулся после университета в Ростов, он привёз самиздатскую книгу стихов Бродского. Я два дня переписывал их в тетрадку. Потом обсуждали, я расспрашивал его о том, что осталось непонятно, а он сдержанно и мудро комментировал. Так вошёл в мою жизнь второй великий поэт.

А я, в свою очередь, поставил на свой крупноформатный магнитофон

«Тембр» бобину Высоцкого, которого Л. М., как мне казалось, недооценивал. Это были не слышанные им «поздние» песни Высоцкого: «Кони», «Банька», «Час зачатия». Он вник моментально, анализировал их связь с фольклором, метафоричность, изменил мнение о Высоцком.

В 2000х, когда и он и я переехали в Москву, стали видеться чаще, ещё сердечней. Он признался мне, что был отцом моего одноклассника Саши Хохловкина. От Саши это скрывали (увы, нет в живых ни отца, ни сына).

Леонид Матвеевич работал в Фонде культуры, ездил в Европу, уговаривал русских эмигрантов первой волны передавать, недорого продавать московским музеям русские культурные ценности – картины, архивы. Его рассказы об этих встречах были интереснейшими, а миссии – успешными. Неимоверно удивляла и расстраивала его российская коррупция, выразившаяся в воровстве госсредств при закупке предметов искусства. Он договаривался с владельцами картины об одной цене, а потом узнавал, что российскому Минкульту картина обошлась в пять раз дороже. Фонд культуры выделял Л. М. билеты на московские кинофестивали, ходили вместе, обсуждали фильмы. До конца жизни он продолжал писать книги. Плохо видел, диктовал помощнице, при этом весь текст держал в голове. Память его была поразительна. Он мог, к примеру, в деталях, дословно вспомнить разговор с Жирмунским шестидесятилетней давности.

Юрий Георгиевич Калугин пришёл в мой скромный кабинет в 1986 году. Он был маститым режиссёром-кинодокументалистом, узнал о нашей модели и Государственной премии (расскажу ниже) и решил снять фильм «Азовское море». К оживлённому разговору присоединился Фёдор Сурков, и уже через час Юрий Георгиевич предложил нам стать

соавторами фильма, написать сценарий. Писать я всегда любил, но это было нечто совсем новое.

Юрий Георгиевич Калугин

Мы с Фёдором взялись за дело с энтузиазмом, показывали Ю. Г. главки о том, как мы себе представляли кинорассказ о море, его истории и проблемах, а он выискивал рациональные зёрна в наших фантазиях и объяснял, как это действитель-

тельно переложить на язык кино. Потом брал нас на съёмки, а главное, заставил самих играть в фильме, популярно разъясняя зрителю проблемы и научные факты. Потом мы участвовали в монтаже фильма. Монтажный стол – огромная вертикальная панель, на которой закреплялись здоровенные катушки с 32-миллиметровой плёнкой. Их вручную протягивали через проекционные окошки, гоняли тудасюда, резали, клеивали. Несколько месяцев интересной, захватывающей работы!

Потом сдавали фильм ростовским чиновникам от культуры и телевидения, потом призы на фестивалях получали. Вдохновлённые успехом, ещё один природоохранный фильм с Ю. Г. сделали. А началась уже пе рестройка. Ю. Г. был историком по образованию и снял несколько замечательных правдивых фильмов о Гражданской войне на Дону, о белоказаках, стал художественным руководителем студии. Много лет мы не виделись.

Встретились снова в 2011м, когда я начал проект восстановления памяти о жертвах ростовского Холокоста в Змиёвской балке. Каково было моё удивление, когда узнал, что Ю. Г. восемнадцатью годами раньше снял фильм о трагедии Змиёвской балки «Свободно от евреев». Фильм, о десятилетиями замалчивавшейся трагедии. Он стал активно участвовать в проекте и предложил сделать ещё один фильм. Я поддерживал его и скромный бюджет фильма всем, чем мог, и

получился замечательный фильм «Страдание памяти»².

Вот что говорил потом сам Ю. Г.:

Когда 12 августа 2012 года я поехал на Змиёвскую балку, я увидел колонну идущих людей. Мне трудно было их посчитать, но это была такая лента, которая извивалась далекодалеко. <...> На меня это произвело очень сильное впечатление по той причине, что, когда 20 лет назад я снимал фильм «Свободно от евреев», за весь день 12 августа 1992 года на Мемориал пришла одна женщина. Потом приехала группа евреев, которых я, по сути дела, заставил приехать. Была отслужена молитва, всё было сделано подоброму. Но то, что произошло через 20 лет, конечно, на меня произвело огромное впечатление. Притом я понимаю, что это была большая организация, что люди готовились, что была проделана большая подготовительная работа. Пройти более 2 километров колонне, в которой было много пожилых людей, это я называю Поступок с большой буквы.

И уже тогда у меня возникло ощущение того, что нужно делать новую картину. Но я очень боюсь этих вещей, когда приходится дважды входить в одну и ту же воду. Потому что в первой картине были собраны уникальные материалы и практически всё уже было высказано, и для того, чтобы делать вторую картину, нужен был какойто очень мощный

---

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DIMErCkhFis> (дата обращения: 04.04. 2023).

толчок. Хотя то, о чём я сказал, было большим толчком, и всё же мне этого было мало. Но, когда я в очередной раз убедился, что вечный огонь загорается только по большим событиям, когда узнал о том, что развернули судебные дела по поводу мемориальной доски, когда я узнал о том, что снова поднял голову антисемитизм, я понял, что эта тема вечна и я не могу остаться в стороне. Я очень часто вспоминаю выражение, которым толкали меня на различные работы. Это замечательные слова: если не я, то кто? Вот это чувство – если не я, то кто? – побудило меня взяться за эту тему снова. Трагедия Змиёвки вечна. Если мы нормальные люди, имеющие честь и совесть, то мы не имеем права забывать об этом никогда. Поэтому главное чувство, которое толкало меня в этой работе, это чувство боли. Боли за то, что много равнодушия, много безразличия и цинизма. и это грустно и больно. и вот поэтому мне и захотелось снова сделать такую картину, снова окунуться в эту беду. Это очень тяжело. Это тяжело психически, это тяжело физически, и это тяжело нравственно потому, что всё, о чем я в этой картине буду рассказывать, я всё должен пропустить через себя. и подругому её сделать невозможно .

Вот этой бесконечной искренности, безусловному следованию чувству долга учился я у Юрия Георгиевича. Увы, кинематографический та лант мне не дан.

Еврейский вопрос

Как крошка мускуса наполнит весь дом, так малейшее влияние юдаизма переполняет целую жизнь.

Осип Мандельштам. Шум времени

Демонстрация евреевотказников. 1973 г.

Как оказалось, кровь моя иудейская до капли, а вот еврейская идентификация была до поры едва заметна. В 70 лет я сдал ДНКтест в компании «23andme». Этнический диагноз был ожидаем: 99+% еврей ашкенази. К этому време-

ни я себя таковым и ощущал. Но еврейская самоидентификация пришла не сразу. В семье моей при ребёнке старались слово «еврей» произносить. Надосказать, что в стране государственного антисемитизма это слово вообще выговаривалось с трудом, звучало в советском контексте несколько унижительно. В разговорах между собой его частенько употребляли антисемиты, но в официальном лексиконе все старались избегать. Евреи в разговорах между собой частенько применяли идишское «айд». Появился бюрократический штамп: «лицо еврейской национальности». Чиновники употребляли его широко и презрительно.

Но некоторым людям он казался эвфемизмом – чтоб не употреблять грубое слово «еврей». Этот штамп укоренился настолько, что не так давно я услышал его от учительницы из Элисты, рассказывавшей, как её ученики приводят в порядок могилы жертв Холокоста. Учительнице казалось, что сказать «евреев» – неделикатно. Да и слово Холокост появилось в СССР только после перестройки. В СССР на воспоминания о Холокосте было наложено табу. Коммунистические руководители считали, что нельзя выделять еврейские жертвы из общесоветских. 8 февраля 1944 года советский премьер В. Молотов вычеркнул из сообщения Чрезвычайной госкомиссии о Бабьем Яре слово «евреи» и начертил собственноручно:

«мирные советские граждане». Так и пошло.

Одной из причин отсутствия упоминаний о еврействе в

нашей се мье был страх: невозможно забыть о преследовании деда по делу врачей, о паническом страхе выселения евреев в 1953м. Считалось, что страх перед погромами – часть еврейской ДНК. Была и ещё причина – осознанный разрыв с иудаизмом, религией и традицией. По этому пути пошли мои бабушки и деды, как и большинство российских евреев из буржуазных семей. Это был протест против консервативной ортодоксальной традиции, препятствовавшей светскому образованию детей, особенно девочек. Отношение большей части еврейской интеллигенции к традиции было высокомерно-соболезнующим. Вероятно, коллизия могла бы разрешиться смягчением российского раввинизма, развитием реформ мистских синагог (как произошло на Западе), но до этого в Российской империи дело не дошло. Зато антирелигиозность усиливалась советской пропагандой, а национальное чувство подавлялось концепцией коммунистического интернационализма, завладевшей душами советских людей.

Слово «еврей» произносили в нашем доме редко, но еврейским духом дом этот был пропитан. Жила в душах скорбь Холокоста. Однажды своей тайной поделилась мама – показала переписанное от руки стихотворение «Мы евреи» Маргариты Алигер, опубликованное в 1946 году и позже запрещённое советской цензурой:

Мы евреи – сколько в этом слове

Горечи и беспокойных лет.
Я не знаю, есть ли голос крови,
знаю только: есть у крови цвет...

Бабушка делилась горькой тайной гибели в Змиёвской балке её любимой сестры. Это не могло не запасть в сердце семилетнего ребёнка. На всю жизнь. Рассказывала бабушка и о страшных еврейских погромах 1905 года, когда им пришлось прятаться под кроватями у русских соседей. Дед употреблял в сердцах идишскую брань, вроде «кишентохес», хотя идиша никто из них не знал. Языковая традиция прервалась на моих прадедах. Отступление идиша и ускорение ассимиляции в Ростове и Таганроге были усугублены выводом этих городов из черты оседлости в конце XIX века. Связи моих прадедов с идишской родиной за чертой оседлости почти прервались. Бабушка рассказывала об отце, уединявшемся в своей комнате для изучения Талмуда. Позже я обнаружил, что в переписи 1897 года Абрам Лейб Ошеровский назвал в качестве профессии «учитель древнееврейского».

Каждый год в Песах старшая сестра бабушки Клара приносила из ростовской синагоги мацу. Это делалось украдкой. Выпекать мацу в Ростове запрещалось. Надо было заранее сдать в синагогу муку, потом её как будто отправляли в Кутаиси или Днепропетровск на переработку и на конец возвращали в Ростов. Седера не было, но всё же это была маца, полная сакральной тайны. Бабушка стряпала из неё пе-

ченья кнейдлахи, мацебрай, яичницу. Конкретно и прямо о своей национальности я узнал, заглянув украдкой в школьный учительский журнал, где на послед ней странице указывалась национальность каждого ученика.

Вот ещё примеры ростовской еврейской запуганности. Однажды в квартире наших друзей раздался звонок в дверь, и стоявший на пороге человек спросил: «Правда ли, что здесь живут потомки Иосифа Трумпельдора?» Трумпельдор – национальный герой Израиля, а его потомками интересовался краеведсионист Любарский. Хозяева испугались до смерти и прогнали пришельца. Но потом на улице его догнал Тэд Зальцман (кузен моего отца) и, извиняясь, сознался, что тёща действительно Ольга Трумпельдор. Или вот: кузен отца Лёва Березняк получил письмо из Парижа от родного отца, с которым был разлучён с детства, и немедленно сжёг письмо.

Лет в двенадцать я узнал местоположение синагоги и отправился туда, движимый таинственным любопытством. Ни вывески, ни знака на обветшалом здании, с трудом нашёл незапертую дверь. Внутри обнаружил небольшую комнату с круглым столом и разложенными на нём старинными книгами. Вокруг стола сидели старики и горячо спорили на не известном мне языке, тыкали пальцами в книги (толковали Тору!). Когда они заметили меня, я смутился и убежал. Значительно позже я узнал, что это скромное здание было «солдатской», кантонистской (кантонистами называли евреев, отслуживших 25 лет в царской армии и получивших пра-

во проживать вне черты) синагогой, а большую хоральную ростовскую синагогу коммунисты превратили в венерологический диспансер, и поныне он там. В реституции еврейской общине отказали.

The image is a cover of LIFE magazine. It features a photograph of a soldier in full combat gear, including a helmet and a rifle, in the foreground on the right. In the background, there is a large truck and other figures in a dusty, outdoor setting. The word "LIFE" is printed in large, white, bold letters inside a red rectangular box at the top center. Below the box, the title "MIDEAST UNHINGED— THE ISRAELI ONSLAUGHT" is written in bold, black, sans-serif font.

LIFE

***MIDEAST
UNHINGED—***
**THE ISRAELI
ONSLAUGHT**

Обложка журнала «Лайф», посвящённая арабоизраильской войне 1967 г.

Из дневника
КУЗНЕЦОВА В.В.

18 июня 1967 года
№ 622/ГС-но

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ
с послом Израиля в СССР К.КАЦЕМ
10 июня 1967 года

Принял Каца и вручил ему ноту следующего содержания:
"Только что получено сообщение о том, что израильские войска, игнорируя решение Совета Безопасности о прекращении военных действий, продолжают эти действия, осуществляют захват сирийской территории и движутся в направлении Дамаска.

Советское правительство предупреждает правительство Израиля, что оно несет всю тяжесть ответственности за вероломство, за вопиющее нарушение решения Совета Безопасности.

Если Израиль не прекратит немедленно военных действий, Советский Союз совместно с другими миролюбивыми государствами примет в отношении Израиля санкции со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Советское правительство заявляет, что ввиду продолжения агрессии со стороны Израиля против арабских государств и грубого нарушения им решений Совета Безопасности Правительство Союза ССР приняло решение о разрыве дипломатических отношений Советского Союза с Израилем".

Кац сказал, что немедленно передаст ноту своему правительству.

На беседе присутствовали заведующий ОБВ МИД СССР т.Щиборин А.Д., 2-й секретарь Бюро переводов т.Вавилов А.М.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

В. Кузнецов
(В.Кузнецов)

Запись беседы замминистра иностранных дел СССР с послом Израиля 10 июня 1967 г. АВП РФ

В книгах домашней библиотеки (Вальтер Скотт, Марк Твен), которые я жадно поглощал, выискивал еврейские отсылки. Первым основательным источником сведений о еврействе стали книги Лиона Фейхтвангера, идола нашей семьи. «Испанская баллада»! «Мудрый Иегуда и прекрасная Рахель. Еврейская финансовая мудрость. Погромы крестоносцев. Отвергнутое крещение. Народ Книги». Вот тут возникла волнующая гордость принадлежности к народу Книги.

Поворотной точкой, началом подъёма еврейского самосознания в СССР была Шестидневная война 1967 года. Советская пропаганда выходила из себя, поливая израильскую военщину, сообщая о победах арабского, то бишь советского, оружия. Но мы цену этой пропаганде знали. Источником объективной информации были «вражеские» радиостанции, прежде всего «Коль Израэль», и дальше – из уст в уста, с волнением, пришёптыванием. Мы с дедом по очереди прилипали ухом к огромному ламповому радиоприёмнику, сквозь вой и треск советских глушилок разбирали новости с полей сражений. Помню некоторые анекдоты: «Встречаются два еврея: “Наши передали, что наши сбили три наших самолёта!”». Слова путались, но сердца советских евреев были с Израилем. После блестящей победы говаривали: «Теперь и русские нас больше уважать будут».

Я уже был студентом МГУ. Мехмат в большинстве своём тихо ликовал. Партком и КГБ активизировали разъяснительную работу. с одним лектором я крепко поцапался, донесли в студком. А в октябре 1967го разнёсся по мехматскому еврейству слух: приходите на Горку, Симхас Тойра! Горкой называли крутую улочку Архипова перед Московской хоральной синагогой, а Симхас Тойра – идишское произношение радостного праздника дарования Торы. Положено в этот день плясать с Торой в синагоге и на улице.

Придя в этот тихий в обычные дни переулочек, мы обнаружили там молодое, весёлое и бурлящее людское море. Может быть, в последний раз столько народу здесь собиралось в сентябре 1948 года, когда пришла в день Рош ха-Шана на Горку Голда Меир, посол Израиля в Москве. Тот праздничный сбор евреев имел трагические последствия. Арест дружившей с Голдой жены В. Молотова, арест, а позже расстрел Еврейского антифашистского комитета – так проявилась сталинская паранойя, боязнь «еврейского заговора», и осознание того, что евреи теперь неизбежно будут связаны с Израилем.

Голда Меерсон (выделена кружком) при посещении Московской хоральной синагоги в праздник Рош ха-Шана. 4 октября 1948 г.

На оборотной стороне банкноты, выпущенной в 1984 г. В Израиле, запечатлена та встреча у Московской синагоги

В 1967 году застарелый еврейский страх присутствовал, как выяснилось, не напрасно. Шпики фотографировали, записывали, но оказались в тот год плохо подготовленными. Никто не ожидал такой вспышки еврейского энтузиазма. Триггером была, конечно же, Шестидневная война. В бу-

душие годы КГБ к этому дню готовился поосновательней. Оккупировали здание напротив синагоги, вели прицельную съёмку. Систем распознавания лиц тогда не было, и работа, которую приходилось проводить с комитетами комсомола многочисленных московских вузов, была грандиозной, и успеха достигала: выявляемых участников «сионистской сходки» прорабатывали, исключали. с 1969 года евреев перестали принимать в престижные московские вузы – МФТИ, МИФИ, МГУ.

Моя реальная встреча с государственным антисемитизмом произошла на пятом курсе перед распределением. Евреев не принимали уже и в аспирантуру. Механизм был прост: для поступления необходима характеристика парткома, и партком (кажется, его секретарём был тогда Садовничий) даже не должен был объяснять причину отказа в выдаче характеристики. Закрыт был нам путь и во все академические и важные государственные институты, уж не говоря о секретных. А в остальные не брали без московской прописки. Увы, некоторые друзья мои, чтоб остаться в Москве, заключали фиктивные браки, стоило это 5000 руб.

«Невесты» были порой алкоголичками, попадали потом в криминальные истории, менты привязывались к номинальным мужьям. Иные шли на брак по расчёту. Кое-кто пытался сокрыть свои еврейские корни. Со курсник мой Александр Привалов, ставший много лет спустя важным путинским пропагандистом, очень хотел распределиться в КГБ.

Выявили еврейскую маму, отвергли.

Советская система позволяла евреям заниматься наукой, защищать диссертации, публиковать статьи. Однако рамки государственного антисемитизма были жёстки, да и антисемитизм «инициативный» добавлял горя. Отдельные начальники антисемиты могли портить людям жизнь в своих учреждениях и на учёных советах. К примеру, ваковский совет по математике, через который проходили все диссертации, очень любил рубить еврейские. Антисемитизм же государственный вступал в силу, когда человек продвигался слишком высоко по карьерной лестнице. Существовал так называемый стеклянный потолок, ограничивавший карьеру еврея в науке, да и в реальной экономике, не говоря уже о партийных, советских органах. Например, еврей-профессор мог стать заведующим кафедрой, но никогда – ректором университета. Не забуду, как мой коллега, абсолютно свободный от антисемитизма, заметил, услышав мои притязания и обиды: «Так ведь ты еврей!» Стеклянный потолок был непреодолим. Одно из самых неприятных его проявлений состояло в том, что евреев, как правило, не выпускали за границу в командировки, якобы опасаясь, что они станут невозвращенцами. Получая приглашения на зарубежные конференции, я пытался было рыпаться, но суровый ответ был неизменен: «Обком партии не согласовал вашу командировку». За этим стоял КГБ.

Поздний СССР был страной государственного антисеми-

тизма. При крушении Союза большинство евреев поспешило его покинуть. Часть осталась. Немало было и таких, кто с энтузиазмом кинулся строить новую светлую Россию.

Немного истории. Евреи оказались на территории России несколько веков назад, как бы случайно, вследствие экспансии империи, присоединения частей Речи Посполитой (Балтия, Белоруссия, Украина) и Османской империи (Молдова). Долгие годы они были поражены в гражданских правах, угнетены экономически (существовал специальный налог на право быть евреем), социально (ограничения в профессии, обучении, месте жительства), постоянно подвергались погромам. Русское слово «погром» – одно из немногих вошедших в иностранные языки, и всё же жили, растили детей, находили своё маленькое счастье. Как сказал Иосиф Уткин в «Повести о рыжем Мотэле»:

И под каждой слабенькой крышей,
Как она ни слаба, —
Своё счастье,
Свои мыши,
Своя судьба...

В спорах с друзьями я иногда Россию защищаю, напоминая, что полтора века назад на территории Российской империи жили две трети евреев мира и что не раз в истории другие страны выгоняли или уничтожали своих евреев под-

чистую. Полтора века назад начался массовый исход евреев из России. Но немалое число оставалось. Обездоленные кидались в протесты, революцию, иные в искусство. Мои предки в те годы, наоборот, переместились из западных губерний вглубь России, в Новороссию, преуспели в бизнесе. Миллионы евреев влились в новую для них русскую культуру. Еврейский привой на древе русской культуры оказался сверхплодотворен. Культура России, богатая и без того, достигла мировых высот в живописи, музыке, поэзии. Вклад евреев в науку, экономику общеизвестен. Даже в политику устремлялись, иные пытались быть бóльшими патриотами, чем русские. Есть замечательное ироничное стихотворение Д. Пригова, написанное в восьмидесятые, сталкивающее еврейскую любовь к России с антисемитским дискурсом:

Когда безумные евреи
Россию Родиной зовут
И лучше русского умеют
Там, где их вовсе не зовут
А где зовут – и там умеют
А там где сами позовут –
Она встает во всей красе
Россия – Родина евреев

Кончина советского коммунизма открыла три новых пути для российских евреев: эмиграция в Израиль, другие благо-

получные страны; предпринимательство в новой рыночной среде; политическая борьба во благо будущей России. Евре-ев, вставших на последнюю стезю, я называю

«приговскими». А мне самому довелось испытать все три пути в обратной последовательности.

При этом с годами, и в советские, и в постсоветские годы, моя еврейская самоидентификация крепла. На значительное время воссоздание памяти жертв Холокоста стало важной частью жизни. Кончилось переезд дом в Израиль.

Снова Ростов

В Ростове, в Ростове
Жила у меня
На Малой Садовой
Большая родня...
Евгений Долматовский

Ростов. 1970е гг.

Я очень люблю этот город, в который вернулся в 1971м.
Однако после Москвы ощущалось-таки некоторое убеже-

ство ростовской реальности. Прежде всего в университете. Ещё студентом пришёл как-то за компанию с учившимися на мехмате РГУ школьными товарищами на лекцию по матанализу. Добросовестный доцент с сильным украинским акцентом излагал материал в терминах XIX века... Ужасал ростовский театр. Российская система и сейчас устроена так, что всё лучшее утекает в Москву. А уж в советское время между театром или литературным журналом московским и провинциальным лежала пропасть. Усугублялась она жестоким идеологическим гнѐтом. В то время как в московской и питерской высших бюрократиях можно было встретить культурных людей, в провинциальных горкомах и обкомах преобладали скверно образованные выдвиженцы из рабочих и колхозников. Эти люди вершили судьбами театральных режиссѐров, писателей, порой и университетских профессоров.

Характерная история произошла с Геной Тростянецким, моим другом, театральным режиссѐром от Бога. Он был одним из любимых учеников великого Георгия Товстоногова. Отучившись в Питере, Гена решил вернуться в Ростов: тут жила его мама. Он поставил дипломный спектакль «Стенька Разин» в академическом ростовском театре. Был успех, восторг труппы. Обсуждение с Геной спектакля после его окончания – одно из ярких художественных событий моей жизни. Потом он начал работать в здешнем молодѐжном театре. Труппа счастлива. Влиятельный директор театра стал

добиваться назначения Гены художественным руководителем. Увы, парторганы заблокировали. Окончательный крест на этой затее поставил отказ Гены стать информатором КГБ. Уехал в Ленинград.

Народ в Ростове заметно отличался от московского. Порой в лучшую сторону: предприимчивость, готовность нарушать затхлые советские экономические запреты слегка облегчали жизнь, были мне симпатичны. Цеховики, ювелиры, зубные техники были народными героями. Им удавалось коррумтировать хозяйственную партократию, и был Ростов всегда многонациональным: армяне, евреи, греки – позднесоветской партократии потруднее приходилось с ними управляться. Однако встретить интеллигентного, свободно мыслящего человека было нелегко. Каждая такая встреча – подарок.

Несколько легче было смириться с бедностью городского хозяйства – безводными фонтанами, разбитыми мостовыми, хронически разрытыми траншеями водопровода.

Помню, что заборы, ворота частных домов в Ростове были в те годы выкрашены характерной светлокоричневой краской, «сельмашевской». Она была уворована на гигантском заводе «Ростсельмаш», занимавшем 150 гектаров городской территории и выпускавшем вдвое больше зерноуборочных комбайнов, чем все остальные заводы мира, вместе взятые. Качество, правда, было не очень. Редкий комбайн мог проработать больше пары месяцев без основательного ремонта.

Трупами их были усеяны необъятные поля Советского Союза. Всего в советские годы завод произвел 2,5 млн этих гигантов! Можете представить себе, сколько уходило на них краски. Для борьбы с несунами дирекция завода нанимала сотни охранников, однако те сами превращались в крупных расхитителей краски. Всё новые заборы Ростова и окрестностей покрывались ею, да и сам я покрывал «сельмашевской» ворота гаража и забор дачи.

С годами всё хуже становилось в Ростове снабжение продуктами. Витрины ростовских гастрономов оскудели. Мясо стало редкостью. За ним выстраивались огромные очереди, невыносимые для меня. Если в середине шестидесятых, направляясь в Москву, я непременно прихватывал с собой копчёную колбасу, буженину и другие «дары» ростовского мясокомбината, дабы порадовать родственников и друзей, то в начале семи десятых вектор моих мясоперевозок сменился на обратный. Стал возить колбасу, а чаще сырое мясо в Ростов, где всё это исчезло из продажи. Говядину, свинину, птицу из обильной Ростовской области вывозили в столицу – благополучие москвичей было для советской власти приоритетным. Вскоре начались очереди за молоком, их я избежать не мог. Впрочем, на ростовском рынке всё попрежнему было доступно. Существенно дороже. С действительностью примиряло то, что имелась у нас своя компания. Мы были неразлучны с Фёдором и его семьёй. Вместе работали, варили на работе кофе, для чего использовали кипятильники и

самопальные электрокофейнички. А потом ещё вечером ходили друг к другу в гости с незатейливыми советскими алкогольными напитками, с нами вместе приехал в Ростов наш соученик Леопольд Эпштейн, не столько математик, сколько замечательный, выдающийся поэт. Мы ценили и любили его стихи. Каждые посиделки, завершавшиеся Лёниным чтением стихов, были светлыми пятнами в ростовской жизни (вот его нынешний сайт: <http://leopold.us/>).

В Ростове оставались и несколько наших одноклассников по мате матической школе. Мы дружили, тепло общались. Приходили в школу на традиционный ностальгический ежегодный сбор выпускников 4 февраля, потом – в кафе. Однако в какой-то момент администрация школы сменилась. Директором стал несколько дремучий и одновременно невротический человек, травмированный ветеран афганской войны. Он запретил школьный сбор, поломал традицию.

Светлым пятном были гастроли в Ростове Театра на Таганке в конце семидесятых. Около десятка спектаклей! Ажиотаж в городе начался задолго до приезда труппы. За месяц до начала продажи билетов мы с друзьями занялись «организацией очереди». Вывесили возле касс театра, в котором должны были проходить гастроли, объявление о начале записи в очередь. В назначенное время подтянулась пара сотен театралов. Советские люди привыкли к очередям, даже, можно сказать, полюбили, и техника была отработана. Мы начали делать списки, объявили, сколько билетов сможет ку-

пить один человек (как говорили в советских очередях, «в одни руки»). Каждому очереднику присваивался номер. Раз в неделю надо было приходиться на перекличку. Не пришёл – вылетел из очереди. Перед нами, организаторами, заискивали. Тысячи очередников были разбиты на сотни, в каждой назначался сотник. Этот мининачальник сам управлялся со своими подчинёнными. Похожая модель рабской самоорганизации работала, кажется, в лагерях и гетто. Главным для нас было то, что смогли посмотреть все блестящие спектакли. После каждого мы «по праву хозяев» встречали актёров у служебного выхода, провожали их до гостиницы, по пути обсуждая постановки. Приехал и Владимир Высоцкий. Но легально организовать его концерт оказалось невозможно, разве что квартирник. Друг моих родителей, начальник областной санэпидстанции Виталий Абрамович Бермант, впрочем, решился. Актёрский зал учреждения был забит людьми, я стоял у стенки в трёх метрах от великого исполнителя. Организатору этот концерт стоил работы и карьеры.

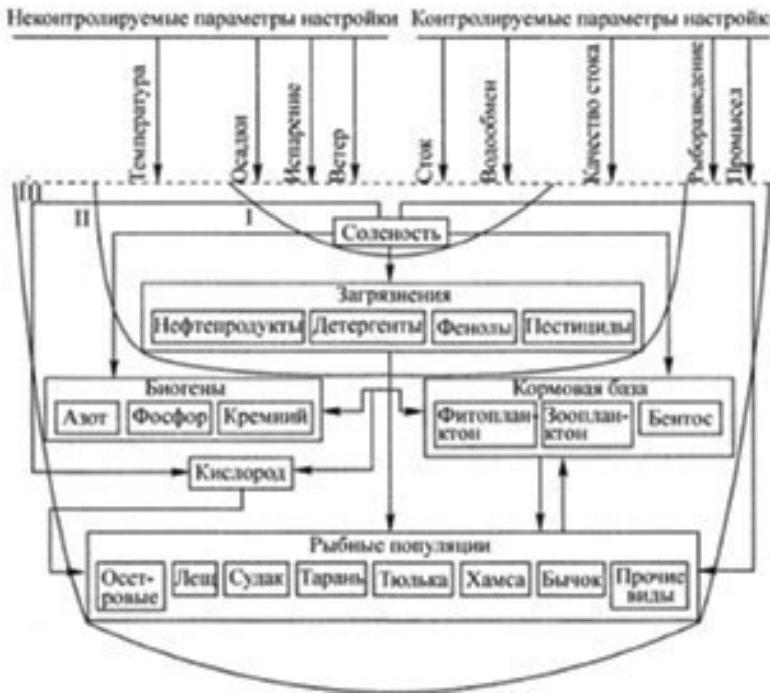
И ещё мы с коллегами были счастливы своей научной работой. Воровичу пришла в голову замечательная идея построить математическую модель Азовского моря. Его горячо поддержал Ю. Жданов. Легко получили финансирование, приступили к работе. В качестве нашего непосредственного начальника был приглашён из Новосибирска кандидат физико-математических наук Александр Борисович Горстко – вполне современный, интеллигентный человек, ученик ака-

демика Л. В. Канторовича. Стиль одежды его был самым демократичным – вязаный свитер, никаких галстуков! При этом был Горстко весьма практичен: попросил у Жданова квартиру в центре города, и работа над моделью закипела. Встретились некоторые трудности. Советская ЭВМ (этим забытым сегодня словом, как я уже говорил, называли в СССР компьютер) была огромной – занимала целый зал – и чрезвычайно неудобной: все программы и данные надо было носить на перфоленту. Если ошибался, нужно было заклеивать неправильные дырки на перфоленте заплатками или набивать всё сызнова. Но не в этом заключалась основная трудность. В отличие от математических моделей в физике, механике, химической кинетике, в экологии адекватных моделей не существовало. Нигде в мире. Математическая экология делала весьма скромные первые шаги в описании реальных экосистем.

Я с энтузиазмом погрузился в интересную и новомодную науку. Читал и читал статьи из западных журналов. Сами журналы были недоступны, но в СССР существовала полулегальная система получения копий нужных статей: их можно было заказывать по аннотациям. В специальной государственной конторе в Москве делали левые копии и присылали тебе по почте. Мои рабочие столы в институте и дома, равно как и прикроватная тумбочка, были этими копиями завалены. Так я постепенно переквалифицировался в математического эколога, полюбил биологию, впал в полный восторг от

теории эволюции. Из чтения и размышлений выросли модели и методы, приложимые к процессам в море. Фёдор Сурков, специализировавшийся в МГУ по теории вероятностей, сумел сделать интереснейший статистический анализ многолетних рядов данных по Азовскому морю, получить важные естественнонаучные выводы. При этом наши познания об Азовском море быстро росли, а любовь к объекту моделирования крепла. Тем временем финансирование по проекту «Азовское море» нарастало из года в год, и наша рабочая группа превратилась в отдел из 70 человек. Горстко хорошо умел взаимодействовать с советской научной бюрократией, попадать в струю, но учёным оказался никаким. Его сотрудничество с Канторовичем заключалось в написании научно-популярных книжек, его знания прикладной математики были поверхностны. К моим исследованиям по аналитическим экологическим моделям он относился безо всякой симпатии, недопонимал. Это не мешало нашим тёплым человеческим взаимоотношениям.

Кроме научной работы, была преподавательская (разрешалось совмещать на полставки), в основном на мехмате. В какой-то момент мне дали читать курс математической экономики на экономфаке РГУ. Я очень любил этот предмет. Но факультет замшелый – политэкономия социализма. Студентки пожаловались в деканат, что преподаю им чуждую теорию (рыночные модели Поля Самуэльсона). Была разборка, вызывали к замдекана.

Общая схема регулирования процессов в экосистеме Азовского моря
 (из проекта «Имитационная модель Азовского моря», 1984 г.)

Автомобиль

Автомобиль не роскошь, а средство передвижения!

Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой телёнок

Первый автомобиль дедушки Саши – «Москвич401»

Первый автомобиль достался мне от дедушки Саши после его смерти в 1972м – белые жигули. В СССР это было делом весьма необычным, одна машина приходилась тогда на

200 человек. Роскошь чистой воды. Афоризм из «Золотого телёнка» – ирония. В стране с 250-миллионным населением производили 300 тыс. легковых машин в год, и половина оставалась в собственности государства. Очередь на покупку многолетняя, рыночная цена автомобиля вдвое выше государственной, а ведь последняя равнялась двум средним годовым зарплатам. Повезло мне необычайно.

Ту самую дедушкину «Волгу» с оленем на радиаторе я начал учиться водить в 17 лет. Дедушкин шофёр оказался отличным учителем: повороты, дистанция, задний ход. В качестве практики вождения мы приезжали в казачью деревню к его отцу. Однажды там накатили самогона, и за руль.

По пыльной грунтовой дороге 120 км/час, за нами облако пыли. Руль держу крепко. Хорошая была наука. Водил уверенно, за всю жизнь только одна авария (тьфутьфу, как говорится), да и та по вине другого водителя. Правда, когда приехал в 1989 году в Швейцарию, выяснилось, что не умею парковаться. Опыта компактной уличной парковки не имел. В СССР расстояние между двумя припаркованными вдоль тротуара машинами было метров пятьдесят. А бензин стоил 10 копеек за литр. Рай для автомобилистов.

Дед очень берёт автомобиль. Зимой не ездил, чтоб не заржавел. В ноябре автомобиль смазывался и становился на деревянные колодки (чтоб отдыхали пружины-амортизаторы), выезжал в апреле. В 1971 году дед продал «Волгу» и купил новенькие жигули, чудо итальянской техники. То-

гда СССР заключил договор с «Фиатом» и начал выпускать модель

«Фиат124», брендированную как ВАЗ01. Помню своё ощущение, когда сел за руль: разница в комфорте по сравнению с «Волгой», думаю, была существеннее, чем у человека, сменившего фиат на мерседес.

«Жигули», ВАЗ2101. 1972 г.

Жизнь автовладельца была нелегкой. Ремонт превращался в пытку: дождавшись своей очереди в государственную автомастерскую, ты должен был непрерывно находиться возле ремонтируемой машины и зорко следить, чтоб слесаря

не стибрили, не подменили узлы твоего авто. Эту трудность я частично преодолел, найдя замечательного частного автослесаря Колю, ремонтировавшего мои жигули прямо на улице перед своим домом в Нахичевани (армянский район Ростова). Но другая была непреодолима. Состояла она в том, что к тебе постоянно обращались друзья, родственники с просьбой оказать хозяйственную помощь – перевезти стройматериалы, иные тяжёлые предметы. Могло обратиться и начальство с просьбой встретить важных гостей, и всё же автомобиль – роскошь, обеспечивавшая статус.

Абрау-Дюрсо

Абрау-Дюрсо. Фото В. Ребров

Прекрасная идея Горстко – начать организовывать научные конференции. Вообще, конференции стали настоящей отдушиной для советских учёных. Кроме традиционной функции научного обмена, рекреационно-развлекательная составляющая была не менее важной. Тем более государством оплачивалась вся поездка, отель, питание. Конференция приобретала особенную привлекательность, если проводилась в курортном месте. Первым мы выбрали Приэльбрусье (Кабардино-Балкария), один из немногих горнолыж-

ных курортов СССР. К подготовке конференции была привлечена даже моя мама, профессор Кабардино-Балкарского университета. Без содействия ректора университета Керефова, активно помогавшего нам по маминой просьбе, не смогли бы мы получить ни места в гостиницах, ни транспорт. Заседания чередовались с катанием на лыжах. Завершилось всё грандиозным банкетом. Аутсорсинг в те времена ещё не родился, всю логистику – вплоть до закупки алкогольных напитков на банкет и привоза досок и мела для докладчиков (ни слайдов, ни экранов тогда не было) – осуществили сами.

Следующую школу-конференцию делали летом на берегу любимого моего Чёрного моря, в ещё более привлекательном для советских граждан и экзотическом месте. Вначале в убогом летнем лагере Ростовского университета «Лиманчик» под Новороссийском. Потом мне при помощи родственников удалось найти замечательную «базу отдыха» Новороссийского морского пароходства. Она располагалась в приморском ущелье возле Абрау-Дюрсо и представляла собой кусочек западной цивилизации. Предназначалась она для отдыха моряков и капитанов дальнего плавания, людей весьма обеспеченных и знакомых, в отличие от большинства сограждан, с богатым заморским бытом. Средств у советского танкерного флота было достаточно, да и во вкусе руководителям, бывавшим в дальних странах, не откажешь. Нам удалось установить сердечные отношения с директором базы, а время проведения конференции мы выбрали в самом

конец северочерноморского сезона, в октябре, когда других отдыхающих уже нет. Это место так полюбилось нам и нашим гостям, что конференция стала ежегодной, традиционной, и традиции этой без малого 50 лет. Приезд на конференции в Абрау-Дюрсо стал напоминать паломничество. Лекторами-докладчиками на наших конференциях стали лучшие учёные страны, пионеры математической экономики и математической экологии: Н. Н. Моисеев, В. Л. Макаров, А. Г. Гранберг, Ю. М. Свирежев, И. А. Полежаев. Блестяще выступали Альберт Макарьевич Молчанов, выдающийся математик из обнинского биологического центра, и Аргента Антониновна Титлянова из Новосибирска. Каждый год мы с нетерпением ожидали их докладов и никогда не разочаровывались. Ох, нелегко было участникам конференции отказываться от отдыха на пляже в пользу заседаний! Заплывы в море мы умудрялись делать рано утром. А вечерами – роскошь общения: сами устраивали бар на веранде одного из домов с барменом-добровольцем Толей Новицким, и трепались. Романтика!

О, эти школы в Абрау-Дюрсо! Такая большая и счастливая часть моей жизни. В нынешнем году должна была быть пятидесятая! Увы, мир раскололся, их больше не будет.

Диссертация

Красноярск, Академгородок.

Снимок сделан в 1970 г. фотографом Института физики
Аллой Вороновой

Один из участников конференций в Абрау-Дюрсо проде-
кламировал собственные стихи:

Что хуже: быть жалким поэтом-мечтателем,

Или изгоем, сомненьями мучимым,
Чужого богатства безвестным старателем,
Или без степени – младшим научным?

Не защитив диссертацию, научный сотрудник оставался на низшей ступени советской иерархии. Стандартный путь – окончить аспирантуру. Но можно было идти и самостоятельным путём соискателя. Писать диссер под руководством титулованного человека, сдавать кандидатские экзамены и направляться в специальный диссертационный совет. Самое лёгкое для меня было диссертацию написать – математико-биологических идей и результатов хватало. Научным руководителем считался А. Горстко – и его и меня это вполне устраивало. По экзаменам я был большим специалистом. с советом оказалось хуже. Специальность новая, нестандартная. Подходящие советы были в МГУ и в Институте биофизики в Красноярске. В московский калашный ряд попасть оказалось невозможно, и я двинулся в Красноярск, благо два сотрудника этого института приезжали к нам на конференцию в Абрау-Дюрсо.

Научный руководитель моей диссертации Александр Борисович Горстко

Красноярск от Ростова удален на 4500 км. Полёт с посадками, очень недешёвый. Полетел туда в научную командировку.

О командировках сделаю специальное отступление. В те годы, чтоб поддержать советскую науку, нам разрешили заключать хозяйственные договоры. Заказчиком, плательщиком были для нас богатые заводы или ведомственные институты. Мы для них исследовали, например, как загрязняется Азовское море или как используется ими пресная вода и т. п. Потом они вставляли наши данные в свои отчёты перед вышестоящими инстанциями, а нам платили заметные деньги.

Однако на зарплату разрешалось использовать только малую часть. Остальное – на закупку материалов (не только пищевые и счётные машинки, но и палатки, рюкзаки, спальные мешки, даже байдарки закупали, якобы для экспедиций, на самом деле для наших турпоходов) и на командировки. Так что командировочных денег было вдоволь. В конце года их полагалось потратить. Помню, в один из декабрёй отправились с Ф. Сурковым и Л. Эпштейном во Владивосток, через всю Россию. Летели до Москвы, потом большим самолётом до Хабаровска, там большой самолёт перегружали в два маленьких и – во Владик, и билеты и гостиницу командировочные сполна покрывали, ещё

даже полагались суточные – на питание. Сознаюсь, злоупотребляли, как и тысячи советских инженеров и хозяйственников. Выписывали командировки на подставных лиц, потом «стреляли» билеты у других пассажиров, отчитывались за них в бухгалтерии и таким образом улучшали своё материальное положение. Моральных угрызений не было никаких, скорее гордость – обманывать советское государство легко и приятно.

Красноярск был большим промышленным городом на огромной реке Енисей. Индустрия выросла там во время войны: привозили поездами эвакуированные заводы, сбрасывали станки в чистом поле, а через месяц они уже выпускали пушки и снаряды в свежестроенных цехах. На работу привлекали жителей окрестных деревень, славных сибир-

ских крестьян. В послевоенные годы оборонка росла, крепла, ещё шибче засекречивалась. Трубы заводов прокоптили город, болезни лёгких у детей стали рутиной. Ситуация усугубилась тем, что для снабжения всего этого электричеством в 30 км вверх по течению от города на Енисее, одной из самых многоводных рек мира, построили гигантскую гидроэлектростанцию с высоченной стометровой плотиной и соответствующим глубоким водохранилищем. Воду на турбины пустили из самого нижнего слоя водохранилища – так проще. Не учли, что вода на глубине даже в самые лютые сибирские морозы имеет температуру +4 градуса. Прорвавшись сквозь турбины ГЭС, она долго не успевала замёрзнуть. Енисей в черте города Красноярска не был покрыт льдом, как положено нормальной сибирской реке. В самые морозы он течёт мощным открытым потоком, и от него поднимаются густейшие клубы пара, заполняющие весь многострадальный город. Пневмонии, плевриты, в особенности детские, от сочетания невероятной влажности, лютых сибирских зим и грязного воздуха стали привычны. Но все равно решили ГЭС не переделывать – русский человек всё стерпит.

В сравнительно благополучном районе Красноярска учредили академгородок, филиал новосибирского. Туда, в Институт биофизики, я и привёз свой диссер. Выступал на лабораторском семинаре, писал на доске, жестикулировал. Особого впечатления на красноярских ученых не произвёл: материал был сложноват, вероятно, по-еврейски запу-

тан. Судьба диссертации висела на волоске. Однако после семинара прошли в лабораторию и сели за стол поговорить и выпить технического спирта. Так было принято. Закуска самая скудная. Распределяя стаканы, завлаб по-деловому спросил меня: «Тебе разбавлять?» Я с достоинством ответил: «Спасибо, не разбавляю». – «Ну, тогда вот тебе второй стакан – запивать». – «Спасибо. Не запиваю», и затем продемонстрировал изумлённым сибирякам известный со школьных лет приём поглощения 96-процентного спирта: выпил разом и затаил дыхание на 40 секунд. Вдохнёшь сразу – обожжёшь слизистую. Эффект был глубок и мгновенен: зауважали. Диссертация как-то сразу выиграла в их глазах, и через несколько месяцев я её благополучно защитил.

С красноярцами сердечно подружился, стал там завсегдаем. Это был 1978-й. А в 1985-м я защитил в МГУ докторскую, и красноярцы попросили меня стать членом их диссертационного совета. Летал на каждое заседание. Интересно, что по моим следам в 1979 году Горстко привёз в Красноярск и вскоре защитил свою докторскую: дорога была проторена.

Госпремия

ДА ЗАРАВСТВУЕТ ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ!

ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Газета выходит с ноября 1917 года

№ 214 (23617)

Министерство внешней связи

Москва, 7 ноября 1963 года

Цена 3 коп.

ЛЕНИН

ПОД ЗНАМЕНАМИ МИРА И СОЗИДАНИЯ ВОЕННЫЙ ПАРАД И ДЕМОНСТРАЦИЯ ТРУДЯЩИХСЯ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Великий Октябрь 1917 года — это величайшее событие в истории нашей страны. Именно тогда народная воля победила империализм, и началось строительство социализма. В этот день мы вспоминаем подвиги героев, которые положили начало новой эре в истории человечества.

Сегодня, в 46-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, мы отмечаем этот день с особым торжеством. Мы гордимся достижениями нашей страны, которые являются результатом мудрого руководства Коммунистической партии и ее вождя — товарища Н. С. Хрущева.

В этот день мы вспоминаем о том, как в труднейших условиях мы победили империализм и построили социализм. Мы гордимся тем, что наша страна стала великой державой, способной защитить мир и социализм во всем мире.

Речь товарища А. Ф. Устинова

Прием в Кремлевском Дворце съездов Выступление товарища Н. А. Тихонова

Великий Октябрь 1917 года — это величайшее событие в истории нашей страны. Именно тогда народная воля победила империализм, и началось строительство социализма. В этот день мы вспоминаем подвиги героев, которые положили начало новой эре в истории человечества.

Сегодня, в 46-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, мы отмечаем этот день с особым торжеством. Мы гордимся достижениями нашей страны, которые являются результатом мудрого руководства Коммунистической партии и ее вождя — товарища Н. С. Хрущева.

В этот день мы вспоминаем о том, как в труднейших условиях мы победили империализм и построили социализм. Мы гордимся тем, что наша страна стала великой державой, способной защитить мир и социализм во всем мире.

Советские люди, братские народы стран социализма, все прогрессивное человечество отмечают торжественно 66-ю годовщину Великого Октября

Выступление А. Ф. Устинова в Салехарде

В присутствии Государственного премьера СССР 1963 года в области науки и техники

Великий Октябрь 1917 года — это величайшее событие в истории нашей страны. Именно тогда народная воля победила империализм, и началось строительство социализма. В этот день мы вспоминаем подвиги героев, которые положили начало новой эре в истории человечества.

В области науки и техники

Сегодня, в 46-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, мы отмечаем этот день с особым торжеством. Мы гордимся достижениями нашей страны, которые являются результатом мудрого руководства Коммунистической партии и ее вождя — товарища Н. С. Хрущева.

Выступление А. Ф. Устинова в Салехарде

В присутствии Государственных премия СССР 1963 года в области литературы, искусства и архитектуры

Великий Октябрь 1917 года — это величайшее событие в истории нашей страны. Именно тогда народная воля победила империализм, и началось строительство социализма. В этот день мы вспоминаем подвиги героев, которые положили начало новой эре в истории человечества.

Выступление А. Ф. Устинова в Салехарде

В присутствии Государственных премия СССР 1963 года за выдающиеся достижения в труд народными Инженерами социалистического строительства

Великий Октябрь 1917 года — это величайшее событие в истории нашей страны. Именно тогда народная воля победила империализм, и началось строительство социализма. В этот день мы вспоминаем подвиги героев, которые положили начало новой эре в истории человечества.

Тот самый номер газеты «Известия» (от 7 ноября 1983 г.) с объявлением о присуждении нашему коллективу Государственной премии

Модель Азовского моря нравилась советскому начальству. Экология входила в моду, как и математические методы. Как я уже говорил, советским бюрократам казалось, что с помощью ЭВМ и математических расчётов можно оптимизировать и экономику, и природу, не заморачиваясь всякими рыночными механизмами и западными технологиями. Мы были в струе. Воровичу в 1981 году пришла идея выдвинуться на Госпремию.

Государственная премия СССР (ранее называлась Сталинской) сулила почёт и деньги, была предметом вождения. Ежегодно учёным присуждалось два десятка госпремий – по одной в каждом разделе науки. Существовал специальный комитет по премиям, располагавшийся в старинном здании на 2-й Брестской улице, в центре Москвы. Туда я и привёз летом 1981-го наши документы. Как было тогда принято включили в состав претендентов максимальное число 10, включая начальников и председательницу профсоюза.

За штурм премии взялись основательно. Издали книжку, статей в научных журналах хватало. По приказу Воровича изготовили огромные двухметровые плакаты с рисунками и формулами. Сверху и снизу к плакатам были приделаны деревянные планки. Тяжёлые плакаты свернули в рулон, езд-

ли с ним по городам и весям, от Киева до Владивостока, Ворович делал доклады по модели. Но большинство докладов пришлось делать в московских институтах с длинными советскими названиями: Союзгипроводхоз, Союзгидропроект, Институт водных проблем АН СССР и т. п. Ворович выступал впечатляюще, низким левитановским голосом (при небольшом росте).

Кроме транспортировки плакатов, мне досталось ещё одно занятие – взаимодействие с клерками Комитета по премиям. Казалось бы, дело простое и неважное. Однако не совсем так. Члены Комитета, голосовавшие по премиям, были очень немолодыми академиками да замминистрами. И от скромных чиновниц аппарата Комитета, как оказалось, зависело немало: куда положить папочку-претендента, какими словами сопроводить. Особняк Комитета на 2-й Брестской посещал я многократно. Отвозил заявку, подвозил недостающие документы, новые отзывы. Уж не знаю, как строилась кадровая политика Комитета, но обратил внимание, что сотрудницы – в основном среднего возраста прекрасно одетые дамы – держались с таким многозначительным достоинством, будто от них далеко не только переключивание бумажек зависело. Чувствовалась их влияние, и можно было только гадать, каковы её каналы. Всегда прихватывали с собой – ездили частенько вдвоём с Фёдором – дары моря Азовского в виде рыбцов, осетрины, икорки. Реакция была постоянно положительной. Как и на мои увлекательные рассказы

об азовской природе, о необходимости её защитить или на искрометные шутки и ростовско-еврейские анекдоты, вызывавшие сдержанно-одобрительные смешки.

Ходить нам в здание на Брестской пришлось не год, не два, а три.

Получили премию в 1983-м. Официальное объявление о вручении госпремий выходило 7 ноября, в день главного советского праздника. Мы с Фёдором гостили в этот день у моей мамы в Нальчике. Конечно, узнали о присуждении за несколько дней до этого. Но сомнения, как и тщетные надежды, мучают всегда. с самого утра я побежал в киоск за газетой. «Известия» стоили три копейки. Развернул, не отходя от киоска, обнаружил наши фамилии. Потом у нас был счастливый завтрак с сырниками и сгущёнкой... Этот день – один из самых счастливых в жизни, сравнимый с днями рождения детей.

5. **Жданову Юрию Андреевичу**, члену-корреспонденту Академии наук СССР, ректору, руководителю работы, **Горстко Александру Борисовичу**, доктору физико-математических наук, заведующему кафедрой, сотрудникам Ростовского государственного университета имени М. А. Суслова, **Воровичу Иосифу Израйлевичу**, члену-корреспонденту Академии наук СССР, директору, **Суркову Федору Алексеевичу**, кандидату физико-математических наук, заместителю директора, **Домбровскому Юрию Анатольевичу**, кандидату физико-математических наук, заведующему отделом, сотрудникам Научно-исследовательского института механики и прикладной математики

Объявление в газете «Известия» с перечислением лауреатов Госпремии

«За создание имитационной модели экосистемы Азовского моря...»

Но было одно унижительное последствие. Вскоре после вручения премии меня пригласил секретарь парткома университета, человек уравновешенный и благожелательный. «Надо теперь в партию вступать...» Чувства мои смешались. Такое предложение считалось большой честью, открывало карьерные перспективы. «Научнику», чтоб попасть в КПСС, надо было, как правило, изрядно выслужиться, изолгаться. Как и большинство, я полагал, что советская власть продержится очень долго, владел навыком двоемыслия (о, великий Оруэлл!). Ненависть к коммунизму была во мне столь же глубока, как и желание выбраться за рубеж. Членство в КПСС многократно повышало шансы на получение выездной визы. Я даже спросил у секретаря, поможет ли это одобрению моих выездов на научные конференции, и после благодарил его за оказанную честь.

А вот дальнейшие мои унижения: надо было целый год ходить на собрания и курсы по промывке мозгов, проходить комиссию «старых большевиков», после чего в начале 1985 года я предстал перед бюро Кировского райкома КПСС. Идеологический секретарь райкома (позже узнал, что анти-семит) предложил мне рассказать об основных положениях

последней речи генсека Черненко. Я эту речь старательно читал накануне, но была она столь бессмысленной и бессвязной, что запомнилось плохо. Генсек уже лежал при смерти в Кремлёвской больнице (ЦКБ). Как потом сознавались кремлёвские идеологи, для написания речи генсека их запирали на цэковской даче и снабжали несколькими ящиками водки.

Моё изложение речи было признано райкомом неудовлетворительным. Отказали. О, как хотелось утереться и плюнуть. Но страх и амбиции возобладали. Ещё один год униженный, и снова я должен предстать перед бюро райкома. А я как раз заразился ветрянкой от сына Саши – лицо покрылось густой сыпью. Звоню университетскому секретарю, прошу отложить. Он на меня с криком: «Идти в любом состоянии!» Я предстал перед партийными бонзами с лицом, обильно покрытым пятнами зелёнки – так лечили тогда. Они поморщились и быстренько меня отпустили.

Воспользоваться плодами партийности, однако, не удалось. Уже появился Горбачёв, отменивший выездные визы. А ещё через год я присоединился к массовому выходу из КПСС.

Лауреаты Государственной премии
в Ростовском обкоме КПСС. Ноябрь 1983 г.

Советское благополучие

Я в Союзе, как в своей большой квартире...

Александр Розенбаум

Шумовой эффект премии был значителен. Событие уникальное для Ростова. Местные газеты, радио, телевидение

многократно нас приветствовали, журналисты интервьюировали. Я выступал в школах и клубах, однажды даже в День знаний – у памятника Ленину перед сотнями школьников. Выгодными для меня стали научно-популярные лекции от общества «Знание», такой советской госорганизации, призванной повышать образованность трудящихся. Платили неплохо – 15 руб. В час, и ходил я чёсом по заводам, институтам, провёл даже лекцию в ростовской тюрьме. Следующей карьерной целью стала докторская. Публикаций уже хватало, в лучших советских журналах, и две небольшие книжки. Материал готов. Но надо было составить увесистый том самой диссертации. Приступил к этому в январе 1985 года, немного писал, но больше действовал методом «рекле» – резал и склеивал свои статьи, потом отдавал машинистке (персональных компьютеров ещё не было). Работать начинал в пять утра – это моё самое продуктивное время. За три месяца справился, переплёл толстый том. На сей раз решил защищаться в Москве, в МГУ. Председатель докторского совета, завкафедрой биофизики А. Б. Рубин, отнёсся благосклонно. Но члены совета – народ непростой. Мне чрезвычайно помогла доцент кафедры Галя Резниченко. Да и Госпремия подыграла. В октябре единогласно защитился, а в декабре диссертацию утвердил ВАК. Скорость написания-защиты рекордная: люди десятилетиями вымучивали докторские. В свои 36 я стал самым молодым доктором наук в Ростовском университете. Вот несколько зарисовок из жизни маститого

советского учёного. Замечательные наши конференции продолжались, носился в командировки по всему Советскому Союзу – Средняя Азия, Тбилиси, Прибалтика... Особенно любил Ригу. Скромные кафе казались изысканнейше европейскими. Мог по кругу перемещаться из одного в другое на центральной площади вокруг Домского собора, заказывая в каждом кофе с рижским бальзамом и пирожное.

С подачи А. Горстко мы начали заниматься моделированием озера Байкал. Так что поездки на Байкал, мечта миллионов туристов, стали для нас заурядным делом, что не уменьшало восхищения поразительным этим озером, и гостеприимство сибиряков, как и советских коллег в других уголках необъятной страны, было беспредельным.

Озеро Байкал. Губа Аяя

Сотрудничали с Институтом биологии южных морей в Крыму, в Севастополе. Прилетаем туда с Ф. Сурковым, в

первый день делаем дела, общаемся с коллегами. На второй плывём с утра на катере в Никитский ботанический сад. Выйдя на берег, обнаруживаем виноторговлю: из двухтонной металлической цистерны (из таких в Москве торговали квасом) продают разливное красное вино. А рядом бабушка с зелёными оливками для закуси в бумажных кулёчках, свёрнутых из листов школьных тетрадок. Мы взяли по стаканчику, закусили оливками. Повторили. Ещё. В результате так и остались на весь день на скамеечке у причала. Еле успели вернуться назад последним катером.

Красивейшее озеро Севан в Армении. Начали сотрудничество с Институтом гидробиологии Севана Академии наук Армении. Там был замечательный директор, светлой памяти Рафаэл Овсепович Оганесян. Вспоминаю одну свою поездку в Ереван. Направился туда вместе с подругой. Рафик встретил в аэропорту, потчевал вкуснейшим домашним обедом, разместил в лучшей гостинице на центральной площади Еревана. Предоставил в наше распоряжение «Волгу» с водителем. Осмотрели за пару дней великие армянские достопримечательности: пещерный монастырь Гегард, античный храм Гарни, Эчмиадзин – резиденцию католикоса. Потом, конечно, сам Севан. На экспедиционном судне исследовали озеро, пили чистойшую воду из опускавшегося на стометровую глубину батометра. Севанскую форель ловили (сеткой, для исследовательских целей), потом грилили её прямо на корабле – и с коньячком...

Или вот Душанбе. Прибываем туда вместе с А. Горстко и Ф. Сурковым. Встречает местный академик. Лучшая гостиница. Сразу отправляемся на рынок, волочём изумительные дыни-торпеды и огромный изумрудный арбуз. Тут же в одном из люксов наедаемся до отвала, швыряя корки в просторное мусорное ведро. Вскоре академик к нам приходит со свежеприготовленным таджикским пловом и выдержанным коньяком. В плове – огромный кусок баранины, академик его ловко нарезает и сервирует нежные ломти с жёлто-розовым лоснящимся рисом. Потом, конечно, поездки в горные заповедники, где водились ещё снежные барсы, на высокогорную Нурекскую ГЭС с трёхсотметровой, самой высокой в мире, плотиной, втиснутой в красивейшее скалистое ущелье. Надо, впрочем, упомянуть, что полёт в Душанбе был не из лёгких.

В позднесоветское время из ростовского аэропорта «Аэрофлот» летал во все столицы союзных республик. с заблаговременно купленными билетами приезжаем в ростовский аэропорт, не спеша становимся в очередь на регистрацию. Когда доходит до нас, заявляют: места в самолете кончились. Как быть? Оказывается, рейс в этом году последний. Следующий в Душанбе через шесть месяцев! Узнаем, что отправляется самолёт в Ташкент – из ростовского далека нам кажется, что это рядом. Нас впускают в ташкентский самолёт. По прилёте узнаем, что до Душанбе 500 км и поезда через горы не ходят. Ближайший авиарейс – завтра, но биле-

тов нет и в помине, и тут я делаю восхитивший Фёдора жест: подхожу к окошку дежурного по аэропорту, объясняю нашу плачевную ситуацию и в ответ на то, что навряд ли будут свободные места на завтрашнем рейсе, сую ему десятирублевую купюру со словами, что очень рассчитываем на его помощь. Потом устраиваемся в паршивой гостиничке, идём на замечательный Алайский рынок, а утром приезжаем в аэропорт за час до вылета. Представьте наше радостное удивление, когда по аэропортовскому радио называют наши фамилии и приглашают пройти в кассу за билетами!

Или, к примеру, Соловки. Конференция начиналась в Архангельске. Затем день на теплоходе по Белому морю, прибытие на Соловецкие острова. Сказочной красоты монастырь, сказка Пушкина. Два дня экскурсий по Большому Соловецкому острову, история которого поразила меня. В истории этого маленького архипелага отразилась вся печальная многовековая история России. Стены монастыря были сложены из огромных булыжников в XVI веке, тогда же часть монастыря превращена в тюрьму для политзаключенных. В XVII веке, во время церковного раскола, монастырь, оставшийся в старой вере, штурмовали царские стрельцы. Все монахи были казнены. В 1854 году, во время бесславной Крымской войны, развязанной Россией, монастырь обстреливали британские суда. Вам показывают оставленные британскими ядрами выбоины в монастырских стенах. Ну а там и советская власть. В 1920 году монахов выгнали, архи-

мандрита сожгли заживо и учредили СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения, в котором сгноили немало столичных интеллектуалов. Академик Д. С. Лихачёв, однако, свой срок вытерпел, выжил. Во время Второй мировой в монастыре устроили школу юнг – вам покажут следы вандализма юных матросов.

Соловки. Фото А. Байдуков

Ну а участники нашей конференции устраивают в монастырской трапезной весёлую вечеринку, изобилующую архангельской водкой...

Конечно же, в жизни советского научного работника, да и

любого гражданина, было немало скверного и отвратительного. Надо было присутствовать на долгих собраниях, выслушивать часами неуклюжую, нелепую коммунистическую пропаганду. Мучительным было для меня и высидивание в начальственных приёмных – чтоб попасть даже к мелкому хозяйственному чиновнику, например получить разрешение на командировку, публикацию статьи или покупку оборудования, надо было добрый час ждать своей очереди в приёмной. Чиновничья власть была беспредельна, а практика скапливать просителей и унижать их долгим ожиданием – повсеместна. Но я приспособился. у меня были блокноты, в которые мелким почерком записывал любимые неподцензурные стихи – Мандельштам, Бродский, Цветаева... Сажу в приёмной под пристальным взором секретарш и в компании с другими страждущими или в душном зале собрания. Читать книжку или газету считалось неприличным. А вот чтение записей в блокноте отторжения не вызывало – вроде готовишься к ответственной встрече. Читаю великие стихи и воспаряю над советской ахинеей! Да и с мучительными очередями в магазинах удавалось совладать. Однажды надел медаль лауреата Госпремии и пошёл к директору торгового просить швейную машинку вне очереди. Аналогичное удалось с автомобилем: обком выписал внеочередные жигули. Дача, отрада души моей! Я приобрёл её в 1987 году, как только горбачёвская перестройка позволила достаточно заработать. Стандартная советская дача имела площадь участка шесть соток и стро-

гие ограничения на размер дома. А я решил размахнуться – купить в деревне дом бóльшего размера. Конечно же, для городского жителя это формально запрещалось советскими законами (надо было выписаться из города и стать членом колхоза). Но я рискнул. Продавец, очень пожилой армянин, переезжавший в город к сыну, написал мне дарственную, которую мы с небольшим трудом заверили в сельсовете. Я стал владельцем участка в треть гектара и добротного кирпичного дома, и было это в армянском селе Несветай, в 17 км от города. По дороге на свою новую дачу проезжал я посёлок Каменка, ставший частью Ростова, где до революции находилась дача прадеда Абрама Ошеровского.

Большинство подростовских сёл – казачьи станицы. Поселившиеся там дачники жаловались, что в зимнее время их дома часто грабили. Но есть под Ростовом армянский анклав, возникший ещё при Екатерине II, где жители спокойней, зажиточней, законопослушней. Сразу сложились добрые отношения с армянскими соседями, людьми, трудившимися в поте лица. Они все слегка работали в колхозе, но основной заработок был от молочных домашних коров. Держали по три-четыре коровы, бóльшую часть кормов воровали в колхозе, освоили нехитрую технологию производства сметаны, творога, сыра для продажи на рынке. Я любил во время вечерней дойки прийти к соседям со своей кружкой, и радушная хозяйка наполняла её молоком прямо из коровьего вымени.

В советские годы было требование, чтоб приусадебный участок был засажен сельскохозяйственными растениями (никаких газонов). Я нашёл изящное решение: посадил 30 грецких орехов, деревьев с большой кроной, подходящих ростовскому климату. Сажены продавал Ботанический сад Ростовского университета (я дружил с директором). Посадка оказалась делом нелёгким: требовалось вырыть кубометровую яму. Этой работой охотно занялись мои друзья. Каждое дерево получало имя одного из них. Через десяток лет деревья начали плодоносить, впрочем, не очень обильно (почва в армянском селе оказалась каменистой, не больно для орехов подходящей, в хорошей орех даёт несколько мешков урожая). Но когда мои гости, не знавшие этой агрономической особенности, спрашивали: «Куда деваешь гигантский урожай?» – я отвечал: «А как думаете, откуда деньги на ростовский “Билайн”?» (см. главу «Бизнес»).

К нелёгкой сельскохозяйственной работе я на несколько лет пристрастился. Копал, полол, поливал с вдохновением. Да и умственные мои работы – писание статей, монографий – на даче спорились. Моя мама провела на даче несколько счастливых лет, охотно занималась сбором, чисткой орехов. Мои жёны (сперва Ира, после Мэри) обожали дачу и сельхозтруд, и для детей это рай.

На фото вверху: дача в Подмоскowie, начало XX в. Предполагаю, похожим образом

выглядела дача Абрама Ошеровского в Каменке, под Ростовом в 1913 г.

На фото внизу: типичная советская дача. Современное фото. Дачные традиции в стране не смогли изменить ни революции, ни войны, ни перестройка. Слишком сильна для российского человека магия дачной жизни с её чистым воздухом, близостью к природе, грядкам, саду, с её душевностью и простотой общения с соседями

В те годы мне казалось, что как будто про меня песня ле-

нинградского барда А. Розенбаума:

Я не спрашиваю: «Где?» и «Как пройти?» —
Я в Союзе, как в своей большой квартире,
Знаю каждый уголок,
Стены, пол и потолок,
И кружится голова от этой шири.

Голова, правда, от советских просторов у меня не кружилась. Страстно мечтал, чтоб выпустили за границу. Ещё имелась скромная мечта стать членом-корреспондентом Академии наук. А вообще, казалось, что жизнь predetermined. Представить себе не мог, как много ещё предстоит неожиданных поворотов, достижений, сколько увижу стран.

Период моего советского самодовольства завершился вскоре. Ведь жить пришлось в век перемен. Больших перемен в той стране, где родился. Подгнивший чванливый Советский Союз, а вместе с ним мелочное советское благополучие рушились. Зато на смену им шли (как оказалось, ненадолго) Политика, Открытость миру, Бизнес.

Мне было 40 лет.

Политика

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании губителей...

Псалом Давида

Горбачев на Пленуме ЦК КПСС: «Товарищи, нам следует согласиться с тем, что выборы должны стать свободными». Карикатура из американского журнала. 1987 г.

Всё началось с того, что в 1987 году газета «Вечерний Ростов» попросила меня, как маститого учёного-эколога, «ав-

торитета», написать статью о строящемся в центральной части города, рядом с зоопарком, мусоросжигательном заводе. Изучив вопрос, написал весьма убедительно и хлёстко об опасности применения устаревшей низкотемпературной технологии к сжиганию несортированного мусора с возрастающей долей пластика, о диоксине, о печальном опыте таких заводов в Европе и в других городах СССР. Эффект статьи превзошёл все ожидания. В городе развернулось экологическое движение. Меня звали на спонтанные собрания обществу, сделали председателем некоего экологического совета. Народ в СССР был уже взбаламучен идеями перестройки, и экологический протест был фактическим выражением общего протеста против советской власти. Многие будущие российские политики начинали свой путь с экологических протестов. Ростовские протесты кончились тем, что на многолюдном митинге на площади в прилегающем к мусорозаводу жилом районе партийный босс объявил, что строительство прекращается. Простой народ меня приветствовал, но и несколько напугал – много было пьяных и свирепых, вспомнились пушкинские слова о бессмысленном и беспощадном русском бунте.

А тут дорогой мне Михаил Горбачёв затеял первые в этой стране с 1917 года свободные выборы. Энтузиазм народа был беспрецедентен. Общее собрание Ростовского университета выдвинуло меня кандидатом в народные депутаты СССР. Однако моя кандидатура совсем не нравилась горко-

му КПСС. у них уже были наготове двое рабочих, один поприличней, Балашов, зрелый городской человек, и другой, Шевлюга, подремучей и помоложе. По мнению горкома, выдвижение рабочих было выполнением воли Горбачёва о свободной конкуренции. Ведь на обычных советских выборах кандидат бывал всегда один. Узнав о моём наглом выдвижении, обком и горком озадачились и создали штаб по противостоянию. Решили на всякий случай выдвинуть ещё одного «интеллигента» – ректора мединститута, кандидата наук, выходца из сельской местности.

Михаил Горбачёв прибыл в Ростов. 1986 г.

Сделаю отступление касательно дихотомии «городской

человек – сельский человек» в моём восприятии советского чиновничества. В подавляющем числе знакомых мне случаев «сельские» оказывались много хуже: бессовестные, ограниченные, да и менее смекалистые. Мне жаловался когда-то одесский друг, что командовать городом многие десятилетия партия ставила не одессита, а человека из области – для Одессы контраст между горожанином и жителем области был особенно ярким. Сущность такой кадровой политики коммунистов – ставить чужака, выбирать по принципу лояльности к власти, а не интеллектуальных и нравственных достоинств. Менее образованным, менее культурным управлять легче. у сельских, как правило, ниже уровень образования, больше покорности. Может, это пережитки многовекового крепостничества; может, результат сталинской «селекции» – в городах во время террора уничтожили около 700 тыс. человек, а на селе раскулачили миллионы, причем весьма целенаправленно: самых успешных, трудолюбивых, самостоятельных. А потом ещё 40 лет колхозного крепостничества. Конечно же, были среди моих знакомых немногочисленные талантливые люди, приехавшие из села, выучившиеся. Но таких коммунисты не выбирали. И, разумеется, встречались исключения, кадровые промашки, как Михаил Сергеевич Горбачёв с его безупречно сельским происхождением. В последнем случае кадровая ошибка стоила компартии потери власти над страной. Вернусь к предвыборной кампании. Я воодушевился: ненависть к заскорузлому советско-

му режиму и надежда построить свободное общество, рыночную экономику владели мною. К моему штабу прибились энтузиасты, вдохновлённые перестройкой, в основном научные работники. Замечу, что позже некоторые стали-таки профессионалами в сфере политики: один через пять лет – депутатом Думы РФ (и поныне!), а семейная пара моих доверенных лиц основала коммерческое PR-агентство по сопровождению выборов (при Путине оно потеряло смысл, и чета уехала в Болгарию). Журналисты в Ростове были запуганные, зависимые (увы, таковы они и ныне). Никто не решился помогать мне открыто, а некоторые «добрые» знакомые подключились к пропагандистским радиои телепередачам, меня «мочившим». Противники же были довольно профессиональны – весь пропагандистский партийный аппарат. Руководила враждебной агитацией идеологический секретарь горкома Ромашова, а мониторил процесс начальник областных коммунистов Иванченко. Все СМИ были в их руках.

Меня спасало то, что по горбачёвскому закону 1988 года мне полагалась четверть агитационного теле- и радиовремени, газетного пространства. Да и некоторые главредакторы, телевизионщики, тайно симпатизируя, старались помочь. На скромные средства, собранные на мой банковский счёт, удалось отпечатать несколько тиражей нехитрых листовок, текст которых я придумывал сам, а мои соратники расклеивали их по городу.

ТОВАРИЩИ!
ГОЛОСУЙТЕ ЗА ДОМБРОВСКОГО
ЮРИЯ АНАТОЛЬЕВИЧА!

Молодой, смелый, энергичный человек, специалист в экологии и управлении экономикой, доктор физико-математических наук, председатель общественного экологического центра, он будет бороться за главное для нас – за решение экономических и политических проблем нашей страны, улучшение нашей среды обитания – воздуха, воды, земли.

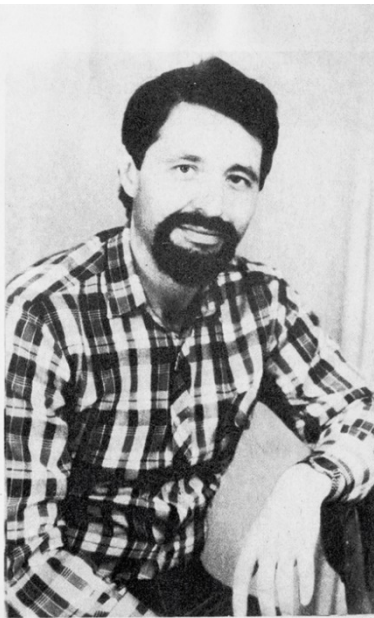
Голосуя за Ю.А.ДОМБРОВСКОГО, вы голосуете за:

- развертывание процесса демократизации и движение к правовому государству, где власть подчинена закону и выражает волю народа;
- эффективную экономику, позволяющую насытить рынок товарами и продовольствием;
- чистую среду обитания человека и защиту его достоинства от произвола.

Голосуя за ДОМБРОВСКОГО, вы голосуете против варварского отношения к природе, засилья и произвола бюрократизма.

Коллектив одноклассников
(1964-1966гг. школа №5 города Ростова-на-Дону)
и однокурсников
(1966-1971гг. Московский государственный
университет им. М.В.Ломоносова)

03. 04. 2010

Предвыборная листовка была довольно проста, а борода – черна. К моему дню рождения в 2010 г. друзья шуткой дополнили листовку 1989 г.

Каждый день я ездил или бегал на три-четыре митинга, тогда это называлось «встречи с трудовыми коллективами». Познакомился с десятками ростовских заводов и фабрик, жилых кварталов, рабочих слободок, в том числе трущобных. Был такой райончик, прозванный в народе «Говнярка», состоявший из незаконно построенных после войны доми-

шек, слепленных из глины и досок. Без воды и канализации. Мусор оттуда не вывозился. Но я находил общий язык с народом. Ругал власть, пояснял, как следует жить, пытался шутить. Разговор всегда был живой. Частенько люди потом приглашали меня попить чаю в свои убогие домики или общежития-малосемейки.

**ДОМБРОВСКИЙ ЮРИИ АНАТОЛЬЕВИЧ,
ПРОФЕССОР РГУ,**

доктор физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР, председатель Ростовского общественного экологического центра, сформировавшегося в борьбе за чистоту окружающей среды.

Он имеет твердые жизненные принципы, основанные на совести, социальной справедливости и разуме.

Он умеет мужественно отстаивать эти принципы на любых уровнях, противостоять нажиму, посулам и лести.

Он борется за демократизацию общества, за улучшение экологических и экономических условий жизни.

Его программа:

Чистое небо

Здоровая экономика

Свободный человек

Он знает как воплотить ее в жизнь в Верховном Совете СССР!

Ещё были дебаты кандидатов. Я чувствовал себя уверенно, мне было что сказать людям, а конкуренты больше мямлили. Однако на первых же дебатах я столкнулся с неожиданной агрессией со стороны медицинского ректора. Он копался в моём прошлом, задавал каверзные вопросы, пытался меня скомпрометировать. Легко было понять, что информацией снабжали его органы, имевшие доступ к конфиденциальной информации, например к сведениям о моих профессорских доходах, и ещё я подрабатывал популярными лекциями, книгами, сценариями фильмов. В годы социализма высокие доходы и вообще богатство считались явными признаками вороватости (для многих таковыми остаются и поныне). Конкурент озвучивал размер моих заработков за конкретные месяцы в расчёте вызвать гнев народных масс. Или вот ещё пример вопросика:

«Домбровский, почему вы сменили фамилию? в вашем свидетельстве о рождении была указана другая фамилия!»

Тут всплыла история, о которой я не знал. При рождении я был зарегистрирован на фамилию отца. Когда мне было четыре года, а в стране разгорелась антисемитская кампания, затронувшая моего деда, родители решили поменять мне фамилию с отцовской, Ципельзон, на материнскую, Домбровский, и подали соответствующее заявление в ЗАГС. Полагали, что с нейтральной фамилией Домбровский мне будет легче в учёбе и карьере, ведь Ципельзон уж очень по-

еврейски звучит. Так и вышло. Помогало.

Вернусь к выборам. В тот день квартира моя превратилась в штаб по приёму информации с пунктов голосования и борьбе с подтасовками. Наши представители находились на всех избирательных участках, пытались вбросы предотвратить или хотя бы задокументировать на случай подачи протеста, потом сообщали результаты подсчёта. Но в результате протест решили не подавать. Результаты первого тура вполне удовлетворили: Домбровский – 46 %, Шевлюга – 25 %, Балашов – 24 %, ректор – 6 %.

Второй тур. Несмотря на усталость, энтузиазма у меня только прибавилось. Но и у моего противника – тоже. А совокупным противником были ростовские власти-коммунисты, истеблишмент, очень боявшийся власть потерять. Через полтора года это всё равно случилось, уже без меня, благодаря их же дурацкому путчу и порядочности Горбачёва. Но тогда власть их в Ростове ещё была полной.

Ресурсы были несравнимы. Я ездил на митинги в своих скромных жигулях, один или с одним-двумя сотоварищами. А конкурент Шевлюга ездил в казённом автобусе, с бригадой, плакатами, громкоговорителями и музыкой. Это было несколько неуклюже. Но ещё больше усилий ростовских властей было направлено на обливание меня грязью, на чёрный PR. По квартирам избирателей ходили «агитаторы» райкома, снабжённые спецшпаргалками, одна из которых сразу ко мне попала от тайно сочувствовавших. Указывалось: Дом-

бровский – ловкий еврей, его месячный доход – 1500 руб., неразборчив в половых связях, имеет внебрачных детей и т. п. К моей бывшей подруге домой пришёл председатель избирательной комиссии Низельский и полчаса уговаривал её дать на меня компромат, желательно в прессе. Не тут-то было. Для убедительности добавили физическое воздействие: камни в окна, например. Однажды, когда мне предстояло идти на митинг, заколотили дверь квартиры досками – не учли, правда, что бабушкина квартира имела чёрный ход.

Ну и завершение: десятки протоколов о подтасовках при голосовании, составленных моими доверенными лицами, представителями. Избиркомом официально был объявлен мой проигрыш во втором туре: 48 против 52. Опротестовывать не стал, бесполезно. Многие годы я хранил папки с уличающими протоколами, грязными листовками и гнусными райкомовскими шпаргалками. Прошло время, и стало ясно: какое счастье, что не ввязался в российскую политику!

Здание Ростовского обкома КПСС

Прошло с тех пор лет десять, и вот однажды я, уже заметный ростовский бизнесмен, встречаю в VIP-зале аэропорта товарища Иванченко, бывшего секретаря обкома КПСС, всё ещё остававшегося на плаву лидера ростовских коммунистов. Но сменились времена – теперь власть коммунистов гнобила. Он в разговоре жаловался на массированные фальсификации на выборах, достигшие тогда большого масштаба и изощрённости. Пришлось ему напомнить, кто породил эту грязь, посеял ветер... Незавидна судьба моих товарищей, оставшихся в политике. Они сперва преуспели: кто стал де-

путатом, кто владельцем консультационного агентства. Но к настоящему моменту либо политику бросили, либо унизились до полного отказа от прежних ценностей, сервильности и лакейства. Были и трагические случаи.

В 1988 году врач Дина Яковлевна Немцова собирала подписи против строительства в Горьком атомной станции теплоснабжения. Её сын, талантливый молодой физик, опубликовал в газете «Горьковский рабочий» хлёсткую статью «Почему я против АСТ» (похоже?). Он, как и я тогда, разделял иллюзорную веру в построение свободной демократической России, но, не в пример мне, был человеком ярким, высоким, харизматичным. Он стал депутатом, потом губернатором, потом вице-премьером. Потом протестовал против присоединения Крыма. 27 февраля 2015 года он был убит шестью выстрелами из пистолета в голову и спину в ста метрах от Кремля. Камеры слежения, которыми утыкано прикремлёвское пространство, оказались случайно неисправными. На следующий день кремлёвский руководитель направил соболезнование Дине Яковлевне. По какой-то причине в правительственной телеграмме была указана её девичья фамилия, которую сменила полвека назад: «Дине Яковлевне Эйдман». Ошибка всё перепроверяющей кремлёвской канцелярии исключена. Одни узрели в этом чёрный юмор, другие – зловещий намёк. Не ходите, дети, в российскую политику. Особенно дети еврейские.

Борис Немцов. Лубянка 2012.12.15. Фото Сергей Нехлюдов

Свободный мир

От молодых ещё воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.
О. Манделштам

Лозанна, пятый по величине город Швейцарии, а впечатляет приезжих гораздо более, чем многие раскрученные столицы...

Он открылся мне внезапно. В день, когда Горбачёв отме-

нил «выездные визы»; вернее, сперва на год сделал их пустой формальностью, устранив КГБ от контроля. Помню, в одном из выступлений Михаил Сергеевич сказал: «Как же получилось, товарищи, что у нас лучшие математики, физики уезжают за рубеж? Видно, что-то не в порядке в нашей системе». Эти его простые, искренние слова поразили. Ведь в СССР эмигрантов если и упоминали, то ругали самыми грязными словами: «предатели Родины», «отщепенцы». Я понял, что могу пересечь границу. Железный занавес пал.

Самая первая моя поездка была в Бильбао – город-побратим Ростова. Пригласила местная Торговая палата. Испанско-баскским предпринимателям подумалось, что СССР – прекрасное место для инвестиций, такое же, каким стала Испания после ухода Франко. Меня им порекомендовали для чтения лекций как политически грамотного и научно продвинутого. Я серьёзно готовился к лекциям о перестроечной России на английском. Но в последний момент узнал, что буду говорить по-русски, с синхронным переводом. Переводчиком оказалась интеллигентнейшая московская испанка – из испанских детей, привезённых в СССР во время испанской Гражданской войны в 1939-м. и с московскими испанцами мне общаться было поинтересней, чем с баскскими бизнесменами. Бывшие москвичи приглашали в гости, потчевали меня авокадо, которое я до того считал чем-то вроде ананаса. Некоторые из них оставались коммунистам, но радикальные советские перемены были им интересны и ми-

лы. А испанские предприниматели так и остались ни с чем. Приехали потом в Ростов, готовы были инвестировать в отели, но всесильный ещё тогда Иванченко отринул их от социалистической собственности, выгоднейшую для города приватизацию запретил.

Эмигрировать я был не готов, но на научную конференцию ещё как стремился! Приглашение в горбачёвское время превратилось из пустой бумажки в ключик, открывавший границу, – не согласовывая ничего с обкомом и КГБ, можно было обратиться в западное посольство за визой. Первый выезд был на экологический конгресс в Рим. Мало того что выпустили, так ещё разрешили командировку в Рим выписать! Денег командировочных было хоть отбавляй, летел «Аэрофлотом» в салоне первого класса. Мой американский друг и коллега Лев Гинзбург летел тем же рейсом экономклассом – поразился. Был ещё один секрет: Лев покупал билеты за доллары, а я за рубли. По советскому курсу 64 копейки за доллар. По такому же курсу нам меняли наличные доллары, но, увы, немного – 40 долларов, советский лимит.

С Львом Гинзбургом

Это было моё первое настоящее, незабываемое соприкосновение с Западным миром. Уж не говорю о блестящих докладчиках конгресса, интересе к моим скромным тезисам – атмосфера поразила. Первое, что бросилось в глаза, когда вошёл в зал регистрации, была озадачившая надпись над столом: Signing up for Soccer (в советских школах учили, что футбол переводится исключительно как football). Не знал я этого американского слова и нравов экологов-футболистов! Но ещё больше был поражён, когда при регистрации мне

вручили конверт с 400 долларами! Бедному советскому учёному. Я-то был не прост: по совету опытных туристов привёз с собой на продажу командирские часы со звездой и фотоаппарат. Но за оба контрабандных предмета выручил около 35 долларов у застрявших в Риме соотечественников – ростовчан, ждавших очереди на эмиграцию в США. Дождались в конце концов и преуспели на новой родине, но в долгие месяцы ожидания в Риме, вернее под ним, прозябали в бедности. Ростовская подруга устроила мне экскурсию по злачным римским местам. Первым был бакалейный магазинчик, где мы купили по чашке эспresso. Я такого ароматного и крепкого не пивал – не было в СССР ни свежееобжаренной арабики, ни кофемашин. Потом рынок с пучками рукколы, почище наших петрушечных, и вещевой рынок, где я купил нейлоновые спортивные костюмы для всей семьи, включая родителей. Это казалось пределом шика и удобства.

Должен тут представить двух своих друзей и коллег – Льва Гинзбурга и Роже Ардити.

Лев ленинградец, ныне стонибруковец (профессор замечательного университета Stony Brook), человек огромного научного таланта и неиссякаемой энергии. Мы познакомились на конференциях по математической биологии, моментально подружились. В 1975 году Лев с женой Таней и дочерью Машей эмигрировал в США. В те годы нелёгкий путь эмигранта пролегал через Италию, где большинство граждан переживали тяжёлые времена в ожидании американской ви-

зы. Лев, однако, благодаря энергии и таланту прорвался в итальянскую Академию наук, несколько месяцев читал лекции в Италии, а приехав в США, стал вскоре профессором University of Stony Brook. А позже ещё основал компанию Applied Biomathematics. В 1986-м Лев прилетел в горбачёвскую Москву. Мы с Фёдором Сурковым приехали к нему в гостиницу «Академическая» и проговорили без перерыва восемь часов. Он взахлёб рассказывал об Америке, а мы только время от времени перебивали вопросами и восхищёнными комментариями. Лев познакомил меня, сперва заочно, со швейцарским профессором Роже Ардити (Roger Arditi). Вскоре, в 1986 году, Роже приехал в Ростов (по пути в Японию). у него, как и у многих западных интеллектуалов, тогда был живой интерес к России. Мы устроили для гостя семинар, увлечённо говорили о математической экологии и жизни, ездили на моих жигулях по заповедникам Ростовской области, подружились. Роже родился в Александрии в знатной еврейской семье. Прадеды его были раввины, родители – предприниматели. В 1956 году после Суэцкого кризиса и погромов они эмигрировали в Женеву. Позже я познакомился с его замечательными родителями и братом, даже играл с ними в бридж (и это умение пригодилось мне в жизни). Эрудиция Роже широка немислимо. Долгое время я ловил себя вот на чём: когда у меня возникал какой-то вопрос из любой отрасли знаний, от истории до физики, я мысленно обращался с этим вопросом к Роже, даже если он был дале-

ко. Позже я стал переадресовывать вопросы Google.

В 1990 году Роже пригласил меня в Университет Лозанны в качестве *visiting professor* на три месяца со скромной оплатой. Потом контракт продлили уже на полтора года, с позицией *invited professor* и невообразимой для меня зарплатой 9000 франков в месяц, настоящей зарплатой швейцарского профессора. О, какой это был опыт, какой прорыв! Лекции я с горем пополам читал на английском, но сделал и опубликовал со швейцарскими коллегами несколько статей в хороших журналах, в том числе в *American Naturalist*. На персональном компьютере научился работать. В Университете Лозанны в 1989-м уже были у всех сотрудников компьютеры Mac, связанные в сеть и подключенные к Usenet, предшественнику Интернета. Печатал я борзо, был опыт пишмашинки, но помню, как Роже пришёл в ужас, обнаружив, как разбросаны по компьютеру мои файлы, научил меня культуре работы. Материалы для лекций, графики, формулы, рисунки я печатал с компьютера на прозрачных листах, которые засовывал потом в проектор.

Уезжая после первого срока из Швейцарии, я нарушил строгие иммиграционные правила – не знал, что надо было сообщить об отъезде в полицию, и выдачу новой полуторагодовой визы мне задержали. А тут в СССР грянул отвратительный путч 1991-го. Конечно, я испугался, что опять железный занавес опустится, умолял Роже ускорить. Как известно, обошлось. Снова я поехал в Лозанну в сентябре 1991

года. В октябре с радостью узнал о ликвидации КГБ СССР, а в декабре, с некоторой тревогой, – самого СССР. Думал, куда возвращаться. Но хватило ума и выдержки новым правителям – всё мягко преобразовалось.

Августовский путч. Баррикада на Горбатом мосту около Дома правительства РСФСР.

Фото И. Фторов

Научную работу я в Лозанне продолжал. Но, пожалуй, важнее науки оказался западный культурный опыт. А ведь нелегко мне было с совковыми привычками. Идём, к примеру, с Роже по кампусу, а на дорожке валяется ярко-жёлтая

пластиковая зажигалка. Мне она кажется предметом большой красоты и ценности – в СССР они железные, уродливые. Я поднимаю её с земли. Роже смущённо объясняет, что она одноразовая. Даже цветные полиэтиленовые пакеты, что давали в западных супермаркетах при покупке, казались советским людям предметами роскоши. Помню, когда спросил у подруги, что привезти ей из Швейцарии, сказала – пакеты. В СССР прозрачные полиэтиленовые пакеты без ручек хозяйки мыли и высушивали на бельевых верёвках, закрепив прищепкой.

Пойти на обед с другими профессорами в университетский ресторан было для меня мукой: 10 франков платить! Я переводил по рыночному курсу – 50 руб. Столько стоил банкет на 10 человек в ресторане «Прага» в Москве. Я норовил обедать бутербродами собственного производства. (И таки умудрился сберечь из профессорской зарплаты несколько десятков тысяч долларов, которые потом вложил в свой бизнес!) Роже предложил привезти и отдать в седьмой класс лозаннской школы моего сына Сашу, с которым он познакомился, подружился во время поездки в Россию. Сашин французский был неплох. Он жил тогда в Москве со своей мамой Мариной, учился во французской школе, и эта идея реализовалась. Жизнь наша с Сашей в Лозанне была скромна и трогательна. Это было в начале моей лозаннской эпопеи. Ютились в маленькой комнатке общежития, с собой привезли продуктов, много советских сухих супов в бумажных па-

кетах. Помню, как однажды я случайно опрокинул кастрюльку с супом, варившимся на нашей электроплитке, и мы с Сашей вытирали пол, сокрушаясь о пропавшем продукте.

В комнате был маленький телевизор. В основном я смотрел CNN, гениальный круглосуточный новостной канал Тэда Тёрнера (потом CNN купила крупная корпорация) с самой живой, актуальной всемирной информацией. Шла операция «Буря в пустыне». Американские танки и пехотинцы, освобождавшие Кувейт от иракского вторжения, заполняли экран, и вдруг в новостях второго плана я увидел родной Ростов! Оказалось, репортаж об отвратительном серийной убийце Чикатило (в следующий раз я увидел на своём любимом CNN родной город через 30 лет, когда туда вошли войска «Вагнера»). А от рекламных заставок я испытывал тогда умиление, даже эстетическое удовольствие: парящие в воздухе предметы нижнего белья, жидкости для мытья посуды, туалетное мыло...

После повышения моего статуса Роже снял для меня комфортабельную трёхкомнатную квартиру. Я, конечно, переживал: аренда квартиры съедала существенную часть зарплаты, но отказаться было неловко. Потом Роже удружил мне с мебелью – уезжавшая из Лозанны семья очень недорого продала полный комплект мебели такого качества, какого в СССР я не видывал. Я также купил двенадцатилетнюю подержанную Volvo 245, казавшуюся мне чудом современной техники.

Настало лето, каникулы. Тринадцатилетний Саша решил найти летнюю работу. Дал объявление в газету, ходил по магазинам и кафе, спрашивая о вакансиях. Увы, о работе удалось договориться только с фермером. Созвонились, и я отвёз ребёнка на молочную ферму, познакомился с доброжелательным хозяином. Через несколько дней приехал проводить сына. Застал его в огромном хлеву. Полсотни коров стояли бок к боку. Их хвосты были зафиксированы на потолке. Вдоль коровьих задов тянулся длинный деревянный жёлоб, и Саша огромной лопатой, вроде тех, которыми убирают снег, силился убрать горки коровьего навоза. Но навоз много тяжелее снега, и запах его далеко не так свеж. Саша выбивался из сил, при этом пытался приветливо мне улыбаться. Другой его обязанностью было раздавать коровам корм. Он насыпал его из тачки в жёлоб, расположенный спереди, под коровьими мордами. Прочие технологии фермы были восхитительны, машинная многорожковая дойка заполняла двухтонные канистры, за которыми дважды в день приезжал грузовик молокозавода. Я посетовал, да фермер и сам понял, что труд непосилен для тринадцатилетнего подростка. На следующий день Саша был переброшен на сбор табака – весёлую коллективную работу, требовавшую лишь ловкости рук: трактор тащил сидевших на возвышенных сиденьях детей над табачными грядками. А потом настал срок съезжать из арендованной квартиры. Саша дал в газету объявление о продаже полного комплекта первоклассной мебели. Увы, от-

кликов не было. Кончилось тем, что в свалочный день мы с огромным трудом вытащили мебель на тротуар перед домом.

Роже и его жена Жаси (Ясу) были гостеприимнейшими хозяевами.

Для нас было счастьем бывать в их доме в Женеве, а позже в Париже. у них я впервые увидел компакт-диски, славною коллекцию классической музыки. Спектр нашего общения был широк: от учения Фрейда до технологии хранения кофейных зёрен и приготовления кофе. Жаси была психотерапевтом, в квартире имелась комната с психотерапевтической кушеткой. Может быть, её пламенное увлечение психоанализом повлияло на профессиональный выбор Саши. Приехал в Лозанну и младший сын Марик с мамой Ириной. Увы, их путь в Швейцарию оказался мучителен. Я оформил визовые приглашения, но швейцарское посольство долго не выдавало визу. Как только её проставили, я попросил отца забрать их паспорта в посольстве. Но когда они приехали в Шереметьево, оказалось, что в паспортах отсутствует выездная виза. Она была формальностью, но по правилам из посольства паспорта должны были поступить в КГБ и лишь потом в ОВИР и к их обладателям. Волокита, задержка, пропавшие авиабилеты.

Приезжал в гости в Лозанну и мой кузен Валерик Дунаевский, с которым не виделись со времени его эмиграции в США в 1978 году (при отъезде считали, что никогда не увидимся). Славно общались, он много рассказывал о США, пу-

тешествовали по Швейцарии. Поехали в Париж, подошли к Эйфелевой башне, записали наш диалог на его видеокамеру. Обсуждали, какими разными путями мы добрались до Парижа, вспоминали давние разговоры о том, что никогда в жизни его не увидим.

Недюжинный вклад в мою вестернизацию внесла жена Мэри. Давала уроки открытости, уважения к инакомыслию, доброжелательности; ей всегда удавалось установить дружеские отношения с нашими соседями, что так трудно даётся людям российского менталитета, и дочь Эмили, при рождении которой в больнице Св. Франциска (Хартфорд, Коннектикут) я присутствовал.

Было это позже, когда мои карьера и судьба делали ещё один крутой поворот. Начинался бизнес.

Париж. Здесь, у Эйфелевой башни, мы записали диалог с моим кузенком на видеокамеру

Бизнес

К нам не плывёт золотая рыбка.
Маркс в производстве не вяжет лыка.
Иосиф Бродский

Новые времена... Москва, Арбатская площадь. Фото В. Ахломов

Из каталога персональной выставки Виктора Ахломова 2008 года.

В Уголовном кодексе СССР была статья 153, гласившая: «Частно-предпринимательская деятельность наказывается лишением свободы на срок до 5 лет с конфискацией имущества». Отдельная статья была по спекуляции – 2 года. Когда я перепродавал через комиссионный магазин немецкие туфли или купленный у московского дилера японский магнитофон, теоретически рисковал угодить в тюрьму. Но рискованное зарабатывание денег было мне сладко; в юности тяга к риску удовлетворялась и развивалась также игрой в карты, на ипподроме. Но от игорной зависимости я свободен, старался всегда риск рационально рассчитывать.

Когда Горбачёв открыл новые возможности, разрешил производственные кооперативы, тяга моя к предпринимательству обрела перспективы. Михаил Сергеевич и учёным разрешил «научно-технические творческие коллективы», один из которых я немедленно создал. Это означало, что те научно-исследовательские договоры, которые мы заключали раньше под эгидой университета, можно было теперь выполнять своим коллективом и делить деньги после уплаты налога. Потребность в научных исследованиях, впрочем, резко пошла на спад.

Следующий этап: стал ездить на своей Volvo в Сочи, покупать у тамошних барыг спортивные костюмы для перепродажи в Ростове. Однажды увлёк в такую поездку будущую жену Мэри, которая была тогда в Ростове в командировке от неправительственной организации (NGO), занимавшейся

образовательными обменахми СССР – США. Поездочка была адская, в какой-то момент моя старенькая привезённая из Швейцарии Volvo заглохла, мучительный ремонт... Мэри вспоминает, что, когда спросила меня, зачем университетский профессор занимается столь неприглядным делом, я ответил: «Стыдно быть бедным».

Вскоре через Игоря Блохина, сына моего учителя иностранных языков Константина Фёдоровича, эмигрировавшего в Швецию, я познакомился со шведским купцом Стигом. Он предложил мне перепродавать в России лежалые шведские товары. К примеру, он скупал остатки в разорившемся гётеборгском универмаге – одежду, пластиковые безделушки, хозтовары – и присылал их фурой в Ростов. Хотя курс рубля был чрезвычайно низким, товарный голод был таков, что дело окупалось. Мне пришла идея посылать ему обратно в Швецию ростовский хрусталь, производство которого освоил кирпичный завод. Ещё я вложил в это дело 10 тыс. долларов, заработанных швейцарским профессорством. Заметную часть расходов составляли взятки таможене, санэпидстанции и другим контролёрам.

Вскоре получил полезный и горький урок, прививку от излишней доверчивости. Двое моих приятелей-математиков тоже включились в постсоветский торговый бизнес, и мы старались друг другу помочь. Они по-дружески, доверительно обратились ко мне с просьбой взять для них кредит в Сбербанке на мою фирму. Объясняли тем, что их фирма

уже израсходовала допустимый лимит кредитов. Конечно же, клялись, что дело совершенно формальное и безопасное. Кредитные деньги я легко получил и тут же перевёл их на счёт, который друзья указали. Через пару месяцев мне позвонили из службы безопасности Сбербанка с требованием возврата кредита. Выяснилось, что товарищи мои занимались следующим распространённым тогда «бизнесом»: войдя в сговор с одним из сбербанковских руководителей, получали кредиты на подставные фирмы, обналичивали их, делились с кредитором, а он, позже, эти кредиты списывал как безнадёжные. Немало трудов и нервов стоило мне улаживание скандала.

Ярок был и следующий эпизод 1993 года. Стиг прислал в Ростов целую фуру бывших в употреблении ботинок шведской армии. Ботинки были отменные, разной степени изношенности, высокие, с крепкими шнурками свиной кожи. Я арендовал подвал жилого дома, куда свалил товар. Посадил на входе кассира. Клиенты заходили на этот стихийный склад, вытаскивали приглянувшуюся пару из кучи, примеряли, на выходе платили около пяти долларов. В основном народ брал отменную обувь для работы на даче, в огороде. Но затем я заметил, что приходят молодые люди, разглядевшие в ботинках стиль *paramilitary* – камуфляжная форма тоже вошла тогда в моду. Я сразу изменил тактику продаж. Нанял женщину, которая почистила, рассортировала ботинки, и стал их отдавать в обувной комиссионный магазин уже по 15

долларов... о моём бизнесе узнали коллеги по университету, некоторые подвергли меня презрению и осмеянию: профессор торгует поношенными ботинками! Для сравнения: университетская профессорская зарплата составляла тогда 25 долларов в месяц – на уровне прожиточного минимума.

Следующий бизнес был много серьёзней, он оказался счастливым и определил мою судьбу на два десятилетия. Через Фёдора Суркова и его брата Костю я был знаком с московским физиком Вадимом Иванченко. А он в 1992 году начал сотрудничать со шведской компанией Millicom International, задумавшей развивать в России сотовую связь и открывшей представительство в Москве. До этого у Millicom было несколько успешных проектов в Африке и Латинской Америке. Вадим представил меня главе представительства Веронике Бломстед, решили, что я буду представителем в Ростове, постараюсь получить лицензию и построить здесь сотовую сеть. Сразу скажу, что через пару лет всё удалось. Путь, однако, был тернистым, мучительно тернистым. Позже я познакомился с владельцем компании, выдающимся шведским предпринимателем Яном Стенбеком (Jan Stenbeck). Ян был пионером бизнеса телекоммуникаций и новых медиа в Швеции. Он основал первый частный телеканал, частную сотовую компанию Tele2, бросившую вызов национальному монополисту Telia. Был настоящим провидцем, визионером. Он поразил меня тем, что в начале девяностых говорил: «Настанет время, и в России каждый человек будет ходить с мо-

бильным телефоном!» Я ему тогда не поверил, но своим энтузиазмом (подкреплённым солидным капиталом и доверием банков) он увлекал всех. Ещё в 1990 году Ян учредил компанию Millicom, развивавшую сотовую связь на растущих рынках Азии и Латинской Америки. В 1992-м он стал учредителем компании «Московская сотовая связь».

Ян Стенбек

С Дмитрием Борисовичем Зиминым. 2021 г.

Однако по порядку. В начале 1994 года мы учредили с Millicom совместное предприятие в Ростове, его участником я сделал солидный оборонный институт «Градиент», обладавший самым высоким зданием в центре Ростова. Удалось получить на совместное предприятие в Министерстве связи РФ лицензию, радиочастоты. Лицензия была на американский стандарт связи AMPS, который казался чиновникам неперспективным. Пионером российского AMPS был Дмитрий Борисович Зимин, создавший московский «Билайн» («Вымпелком»). Он первым получил такую AMPS-овскую лицензию на Москву, установил антенну базовой станции американского стандарта на здании МИД – вот времена были! А нам за ним было куда легче. Millicom выделила инвестиции – несколько миллионов долларов, заказали проект, оборудование.

Но в Ростове мы столкнулись с жесточайшим сопротивлением. Первым, казалось – непреодолимым, барьером стал начальник местного государственного телеком-монополиста «Электросвязь» Екатериновский. Он отказывался подключить нашу будущую сеть к сети общего пользования. Таким образом, наши абоненты могли бы говорить только друг с другом, внутри нашей сети. Это была бы катастрофа. Екатериновский был прожжённым советским начальником, весьма небедным, крепко выпивал, неплохо встроился в новые экономические условия, имел побочные бизнесы. К тому же

он договорился о совместном предприятии с нашим конкурентом – американской компанией US West, получившей лицензию более перспективного стандарта GSM. Что только я не предпринимал! Конечно же, предлагал Екатериновскому взятку, долю в нашем предприятии (он, по счастью, не согласился, а то стал бы миллионером). Стал с ним выпивать. В огромных дозах, исключительно водку. После одного из возлияний домой меня принесли на руках. Но и это не помогало. Тогда я решил действовать легально: обратился с жалобой в местный антимонопольный комитет. В девяностые российское антимонопольное ведомство было удивительно принципиальным и перестроечно-прогрессивным, да ещё и влиятельным. Кадровый состав от Москвы до самых до окраин – выходцы из либеральных постперестроечных партий «Яблоко», «Правое дело». Инерции этой хватило до начала двухтысячных. Потом их, конечно, скрутили. Но в хорошие времена помогали мне не раз. Руководитель ростовского антимонопольного Павел Субботин вник в дело, определил вопиющие нарушения монополиста, назначил заседание. На нём уловки «Электросвязи» были разбиты наголову, последовало предписание – подключить.

Тут ещё препятствие – замгубернатора Алексей Хомяков, курировавший телекоммуникации. Упёрся рогом, написал даже в Минсвязи, чтоб лицензию отобрали и передали другой компании, которую сколотил отставной генерал, главный конструктор, шарлатан, уверявший, что разработал оте-

чественную систему сотовой связи. В действительности хотели лицензию эту сами получить и перепродать. Ценность её стала понятной: сети AMPS с брендом «Билайн» уже активно набирали абонентов в Москве, Самаре, Омске. Удалось отбить атаку с помощью обходного манёвра через более влиятельного замгубернатора. На решающем заседании у губернатора Чуба меня поддержал бывший мэр города Юрий Погребщиков.

Отдельно расскажу о коллеге, друге, бизнес-партнёре Грише Мерзоне. Я познакомился с ним во время адской выборной кампании в 1989-м, когда он был инженером секретного завода и председателем жилищного кооператива, в котором я проводил предвыборный митинг. Этот кооперативный дом был построен в небывало короткий для Ростова шестимесячный срок. А подоплёка такая. Когда Гришу избрали председателем кооператива, он проанализировал, почему стройки жилья шли так медленно. Оказалось – дефицит стройматериалов. Из-за нехватки строители подолгу простаивали, пока бригадир мыкался со снабженцами. Гриша обнаружил, что в Ростове был один-единственный бригадир Герой Социалистического Труда, и умолил его взяться за строительство их дома. Герою снабженцы отказать не смели. А когда мы в 1994 году оказались в одном самолёте, летевшим из Ростова в Москву, Гриша уже был молодым, успешным компьютерным предпринимателем. Мне удалось сагитировать его оставить прежний бизнес и стать моим заместителем в толь-

ко формируемой сотовой компании. В течение последующих 15 лет мы были неразлучными партнёрами, прошли огонь и воду... Гришина неиссякаемая энергия, работоспособность, недюжинная изобретательность сделали возможным наш общий успех.

Григорий Мерзон

В феврале 1995 года крупнейший мировой производитель Ericsson (Швеция) уже изготовил всё оборудование для нашей сети. Нанимают самолёт для доставки, а ко мне приходит офицер ФСБ и сообщает, что на здании «Градиента» нам антенны и станцию ставить не разрешат – секретный объект. А (нейтральные) шведы наверняка внедрят в своё оборудование жучки, разведывают наши тайны. «Градиент» сидит в безденежье и разрухе. В туалеты войти невозможно от зловония. Директор, с которым мы подписали договор о совместном предприятии, в отчаянии, противостоять ФСБ бессилён. Всё переигрываем, вместо «Градиента» включаем в совместное предприятие химический завод ЭМПИС, уже приватизированный, меняем проект. Несколько месяцев бесконечно интенсивного труда с утра до ночи, огромная помощь команды Ericsson, которую поставщик оборудования прислал для монтажа и запуска оборудования, и в конце 1995 года запускаем сеть сотовой связи в Ростове! Было всего две базовые станции, но удачно выбранный гибкий стандарт DAMPS позволял обеспечивать цифровую связь вблизи антенн и похуже качеством, аналоговую на периферии. Почти весь Ростов был покрыт. Мы в эфире! Никогда не забуду этого сладостного ощущения – еду по Ворошиловскому и звоню, как ни в чём не, бывало, маме, или другу, или даже отцу в Москву. Душа ликует. Потом разыгрывал близ-

ких: подойду к двери и одновременно звоню по телефону и в квартирный звонок... Прошло ещё три мучительных месяца, и нам разрешили коммерческую эксплуатацию, продажу телефонов. Трудно переоценить революцию, которую совершила сотовая связь в России. Я позже вернусь к истории нашей компании, но в конце книги можно ознакомиться с текстом моей статьи, опубликованной много позже, в марте 2010 года, через 15 лет после запуска ростовской сети, в «Российской газете». Оставил текст без всякой правки.

С Михаилом Фридманом. 2017 г.

Большой бизнес

Труд – это цель бытия и форма.

Деньги – как бы его платформа.

Нечто помимо путей прокорма.

Иосиф Бродский

С Д. Б. Зиминым и В. В. Мельниковым, основателем «Глория Джинс», в кабинете Зимины. 2018 г.

А 1996 год был одним из самых счастливых в моей жизни. У меня и всей нашей команды – море энтузиазма. Работать продолжали как сумасшедшие, по 12–14 часов в сутки. Прелесть высокотехнологичного бизнеса в том, что заниматься одновременно приходится и техникой, проектированием развития, и маркетингом, рекламой, психологией клиентов. Тут ещё и конкуренция: почти одновременно в Ростове запустилась сотовая сеть GSM с могучими учредителями: «Электросвязь», госмонополия и американская US West. Несмотря на то, что их стандарт был более продвинутым, массовым и что «Электросвязь» продолжала чинить нам мелкие препятствия, мы захватили 60 % рынка Ростовской области, пятой по населению в России.

Да и всё ростовское начальство, включая губернатора, пользовалось нашими телефонами. Однако надо ещё было их научить, как ими пользоваться. Кнопочный сотовый телефон был диковинкой. При покупке в нашем магазине продавец инструктировал абонента, какие кнопки и когда нажимать. Но для больших начальников процедура была иной: меня просили приехать, лично вручить боссу телефон и научить им пользоваться. Вот один из эпизодов передачи телефона генерал-лейтенанту ФСБ в 1996-м. Въезжаю в ворота здания ФСБ, а в это время мой сотрудник уже сидит в

кабинете генерала. Они друзья, оба бывшие важные комсомольские работники. В момент, когда меня впускают в ворота, к генералу входит помощник и информирует его: «Въезжает Домбровский. Женат на американской шпионке». Таковой числилась моя жена Мэри... Компании сотовой связи AMPS появились во всех регионах. Мы создали российскую «Ассоциацию 800», замечательно общались, помогали друг другу. Лидером был московский «Билайн-Вымпелком», основанный Д. Б. Зиминым. В 1996 году я имел счастье познакомиться с Дмитрием Борисовичем, с годами знакомство с этим замечательным человеком переросло в дружбу, которой очень счастлив. Много позже, когда Зимин уже оставил бизнес и занимался благотворительностью, наша дружба продолжилась. Встречались в его кабинете в здании «Билайн» на Маяковке, на его даче, в его арбатской и моей квартирах, обедали в ресторанах в районе Арбата. Последняя наша встреча была на Кипре, куда перебрался Зимин, в ноябре 2021-го. Там проходила церемония объявления победителей учреждённой им премии «Просветитель». Это был его гениальный проект, возродивший издание научно-популярной литературы в России, я не пропускал этих церемоний, когда они проходили в Москве. Церемония, как всегда, была красивой, захватывающей, а вот настроение Дмитрия Борисовича было ниже плинтуса. Был удручён действиями российской власти, предрекал худшее, да и здоровье было скверным. Через два месяца Зимины не стало. Не увидел, как

начали сбываться его пророчества.

А тогда, в 1996-м, мы подписали соглашение о совместном использовании торгового знака «Билайн», принадлежавшего «Вымпелкому». Так что наша ростовская компания стала зваться в народе «ростовским “Билайном”». Бренд «Билайн» использовали в своих регионах все члены «Ассоциации 800», совместными усилиями мы поддерживали, рекламировали «Билайн», и он стал самым популярным сотовым брендом России. Работали креативно. Успешно сотрудничали с молодым талантливым режиссёром ростовского телевидения Кириллом Серебренниковым. Как-то он предложил прорекламировать «Билайн» в снимавшемся сериале «Ростов-папа». В самые критические моменты героиня восклицала: «Где же мой “Билайн”?!» – и звонок по сотовому телефону спасал ей честь и жизнь. Слова «продакт-плейсмент» мы тогда не знали. Кирилл, видимо, видел подобное в западных фильмах. А сериал, как и другие фильмы и спектакли Кирилла, оказался весьма удачным. Его крутили по центральным каналам, рекламный эффект был поразительным. Зимин спрашивал меня, как это удалось и каких, как ему представлялось, огромных денег стоило.

1997-й был годом большого успеха. По его итогам ростовские газеты решили присвоить мне звание «Предприниматель года». За два дня до торжественной церемонии на меня напали бандиты. Это произошло во время ранней утренней пробежки в моём родном Городском саду (Парке име-

ни Горького). Они избивали меня, пытались посадить в свою машину, похитить. Тут на шум и крики к месту похищения сбежались гулявшие с собаками люди, отлично меня знавшие, тоже подняли крик, и на наше счастье, проезжал мимо милиционер, не знавший, что на самом деле похищение было заказано его коллегами. Он остановился, достал милицейский жезл. Бандиты бросили меня, умчались прочь. Эпизод вполне рядовой для российского бизнеса девяностых, целью подобных похищений было отобрать бизнес, и достигни они успеха – прощай моё детище, мой ростовский «Билайн».

Вот реальная предыстория нападения.

Годом ранее мой приятель, полухудожник и полу- (как потом выяснилось) бандит, познакомил меня с двухзвёздным генералом милиции, который взялся защищать компанию («крыша»). Защищать было от чего. Например, частью первой волны наших абонентов были откровенные ростовские бандиты, поражённые могуществом мобильной связи. Однако в какой-то момент мои милицейские «защитники» потребовали, чтоб я принял на работу рекомендуемого ими финансового директора. Я понял, что они хотят управлять финансовыми потоками компании, и отказал. Первой жертвой ментобандитов стал Гриша Мерзон. Когда поздно вечером он шёл от парковки к дому, напали, зверски избили. Следующей жертвой кампании запугивания стала моя жена Мэри. Позвонили в дверь, на вопрос: «Кто?» – ответили: «Телеграмма», здоровенный детина ударил Мэри, дер-

жавшую на руках шестимесячную, Эмили, деревянной дубинкой по голове. Моё похищение было следующим звеном их плана. Не удалось. Я решил действовать, как тогда было принято, гласно. Сообщил о нападении в газеты, на следующий день пошёл на церемонию «Предприниматель года» и со следами побоев дал интервью телевидению. Попал на центральные телеканалы, которые были тогда охочи на подобные скандалы. На следующий день звонили американские друзья, увидевшие меня, избитого, по российскому каналу. Заявил о нападении в милицию. Городская милиция открыла дело, но действовала странным образом: вызывали на допрос моих сотрудников и просили дать на меня компромат, о чём сотрудники мне немедленно сообщали. А милиция областная вызвала меня на опознание, и я без труда опознал на фотографиях лица нападавших. В конце концов пришли к компромиссу: бандит пообещал, что меня оставят в покое, а я написал заявление о закрытии дела. Так и вышло. У компании Millicom были сотовые сети в 14 регионах РФ, а в Москве – российская штаб-квартира, располагавшаяся в фешенебельном, как мне казалось, офисе. В 1999 году глава «Милликом-Россия» неожиданно уволился, и у меня возникла мысль, что моя кандидатура лучшая на замену. Но как реализовать? Через кого действовать? Как заходить? Таковы были советские и российские правила игры – находить влиятельных посредников. Поделился сомнениями с Мэри. Она сразу сказала: пиши прямое откровенное пись-

мо, и я написал в европейскую штаб-квартиру письмо, убедительно объяснявшее, почему я самый лучший кандидат на руководство российскими операциями. Сработало. В октябре 1999-го мы переехали в Москву, дорогой моему сердцу город. Сняли на Петровке, неподалёку от Большого театра, просторную квартиру, которую щедро оплачивал «Милликом». (Интересная деталь: я позже познакомился с владельцем моей и ещё нескольких квартир в этом престижном доме. Он оказался отставным советским адмиралом. Однажды выпили, он разоткровенничался, сознался, что деньги на покупку квартир получил путём сдачи корейцам на металлолом одного из советских крейсеров.) Эмили зачислили в расположенный рядом, на Петровке, детсад Большого, он был уныл и старомоден. Но сам театр! Новый 2000-й, миллениальный, год мы встречали на Петровке всей семьёй: Саша с Ритой и маленькой Анечкой, Марик, Эмили.

Новый год 2000. Петровка

Растопили камин. После полуночи вышли в город, пробрались на Красную площадь. Толпа ликовала, под ногами звенели, перекатываясь, бутылки от шампанского.

Мне было комфортно. На работу в Гнездниковский переулок ходил пешком, пересекая Тверскую. Однажды Тверская оказалась заполнена сгоревшими автомобилями – выяснилось, что это дело рук футбольных фанатов, фрустрированных проигрышем российской команды японцам. Позже не раз становился свидетелем немотивированной жёсткости футбольных фанов, однажды они чуть не напали на нас с Мэри в самолёте, когда услышали, что разговариваем на английском. Было это во время скандала в Британии с «Но-

вичком». Но 9 июня 2002 года я пересёк Тверскую без труда и через три минуты оказался в своём роскошном кабинете.

Каждые две недели летал в командировки в Ростов, где успешнейше руководил бизнесом Гриша Мерзон. Конечно же, каждый раз виделся с мамой, иногда даже удавалось побывать на даче, мама её очень любила. Часто летал в Питер, Нижний, Кемерово. В Омск, где бизнес возглавлял мой друг Гена Фридман, такой близкий по духу человек, в Челябинск, где в свободное от дел время нам устраивали экзотическую охоту, в Иркутск, где мы с Мэри погружались в воды Байкала (+7 °С). Счастьем было, что часто виделись с Сашей. Он работал тогда в неимоверной психиатрической больнице в Бескудникове и запросто приезжал, чтобы вместе со мной пообедать в ресторане вблизи моего офиса, – мы оба ценили эту возможность так запросто встретиться за приятным обедом. Каждые две-три недели – театры. Они всегда были хороши в Москве, даже нынче.

Я успешно управлял бизнесом, но рост его с каждым месяцем замедлялся – следствие устаревающего стандарта сотовой связи, на который у нас были лицензии. Европейский стандарт GSM, безусловно, наступал, даже в США начался уход от стандарта AMPS. Лицензии GSM нужны были нам как воздух. Дать их мог только один человек, могущественный министр связи Леонид Рейман. Он был членом питерской команды, назначенным на должность в первые дни президентства Путина. Рынок считал, что он аффилирован

с компанией «Мегафон», немедленно получившей частоты GSM по всей России. В Москве все частоты GSM 900 были уже распроданы, и министр отобрал часть из них у крупнейших компаний «Билайн» и МТС. Возник скандал, о котором расскажу позже. Задача состояла в спасении бизнеса наших компаний в 14 регионах

РФ – о Москве я и не мечтал, – без GSM они были обречены на умирание. Я начал трудную политическую работу. Помогло то, что по переезде в Москву меня избрали президентом «Ассоциации 800», объединявшей всех операторов AMPS, не только России, но и СНГ.

«Ассоциация 800». Ю. А. Домбровский, Д. Б. Зимин, Г. Ш. Фридман. 2005 г.

Тут сделаю небольшое радиотехническое отступление. 800 – это 800 мегагерц, диапазон частот радиоволн, выделяемых государством компании связи американского стандарта AMPS. Основной диапазон для GSM был 900 мегагерц. По мере исчерпания диапазона 900 GSM стали осваивать диапазон 1800 мегагерц. Он был более дорогим – высокие частоты менее дальнобойные, базовые станции надо ставить вдвое чаще. Но есть и преимущество: в 1800 можно обеспечить намного больше одновременных звонков, передать во много раз больше информации, обеспечить более высокую скорость Интернета. Впрочем, в 2002 году эти преимущества многим казались несущественными, и вот ещё: радиочастоты для телекоммуникаций – это как земля для строителей. Чем их у вас больше, тем больше абонентов вы можете «поселить» в своей сети связи. В странах с рыночной экономикой правительство продаёт радиочастоты на аукционе, собирает миллиарды долларов. В России их выделяют практически бесплатно – почва для злоупотреблений, политических игр, коррупции.

Итак, я начал борьбу за частоты GSM для своей компании. Союзником была Федеральная антимонопольная служба (ФАС), стоявшая тогда на защите бизнес-конкуренции, интересов абонентов. На рынке доминировала «большая тройка»: МТС, «Билайн», «Мегафон». Добавление ещё од-

ного конкурента привело бы к существенному снижению цен сотовой связи. На одном из антимонопольных заседаний я познакомился с депутатом Госдумы, председателем Союза потребителей РФ Петром Борисовичем Шелищем. Сразу возникла взаимная симпатия. Мы начали как соратники и очень скоро стали настоящими друзьями. Петя уже много лет был депутатом от Центрального округа Петербурга, плотно работал с ФАС по охране прав потребителей. Поддержка ФАС была обеспечена. Однако этого было недостаточно. Решение принимал министр связи.

С Петром Борисовичем Шелищем. 2011 г.

Я активно налаживал связи с одноимённым министерством. Большой удачей была встреча с замминистра В. В. Тимофеевым. Он вник в положение компаний AMPS, оказавшихся в технологическом тупике, и дал идею попытаться договориться с министерством на обмен частот 800 на частоты 1800, которые были тогда недефицитны, пригодны для GSM и представлялись значительно менее ценными, чем частоты 900. Российский опыт был тогда негативным: «Билайн» получил частоты 1800 в Москве, вышел на рынок в 1999 году с недостаточным количеством базовых станций и потерпел фиаско со слабой сетью. Однако шведские эксперты сочли, что быстрый технологический прогресс позволит в ближайшее время создавать в этих частотах полноценные сети.

С «идеей-1800» я стал обхаживать чиновников министерства, советников министра. с некоторыми удалось наладить доверительные товарищеские отношения. Что-что, а это я умел. У меня, как правило, легко получалось понимать интересы и чаяния бизнес-партнёров, находить интересные, близкие им темы, выстраивать доверительные отношения. Кажется, это называется эмоциональным интеллектом. Помогало и то, что Millicom располагал достойным бюджетом на деловые ресторанные трапезы.

Одновременно я организовал кампанию в деловой прессе (одна из статей приведена в конце книги), пропагандирующую необходимость создания четвёртого оператора GSM,

который усилил бы конкуренцию, сделав связь более доступной, – в конечном счёте так и случилось! Но потребовалось ещё несколько лет борьбы, преодоления бюрократических препон и только потом – строительства сетей 1800. А тогда работал и пряник, и кнут в виде давления прессы и ФАС на Министерство связи.

Всеми правдами и неправдами министра удалось уговорить, тем более правительство тогда было сторонником конкуренции. Но он поставил условие: должен быть подписан совместный протокол разрешения конфликта между Минсвязью, ФАС и нашей ассоциацией. Тут упёрлась ФАС: что ещё за специальный протокол? С помощью П. Шелища и их удалось уломать. Минсвязи начало понемногу выдавать нам лицензии GSM 1800.

Одновременно разыгрывалась ещё одна драма. «Вымпелком» (московский «Билайн») получил лицензии GSM на всю Россию и закономерно потребовал, чтоб мы прекратили использовать бренд «Билайн» в регионах, он был нужен теперь им самим. Нам срочно требовался новый бренд, и Гриша Мерзон предложил взять европейский бренд Tele2. Это был бренд одноимённой шведской компании, принадлежавшей тому же владельцу, Яну Стенбеку, что и Millicom. Отличие было в том, что Tele2 работала на европейском рынке, в стандарте GSM, а Millicom – на развивающихся рынках. Этот бренд нам использовать позволили, но возникло ещё такое совпадение: в связи с получением лицензий GSM и с

тем, что Россия тогда успешно интегрировалась в европейский рынок, шведы решили передать российский бизнес от Millicom европейской Tele2, и тут началась новая жизнь!

Стокгольм. Ежегодный приём Tele2. 2006 г.

Вице-президент Tele2 Йонни Сведберг (Jonny Svedberg) основательно погрузился в российский бизнес наших компаний, в российскую действительность. Мы с ним объездили все регионы. Было это нелегко. Операции охватывали территорию от Краснодара до Иркутска, а рейсов между областными центрами не было. Только через Москву. Но однажды Йонни получил в распоряжение private jet, личный самолет

Яна Стенбека. Это было незабываемое турне по городам и весям. Маленькие провинциальные аэропорты – некоторые из них регулярные рейсы тогда вообще не обслуживали – были поражены роскошью шведского самолёта Cessna. Машина к трапу. Пол-России облетели за шесть дней.

Умения инженеров российских компаний, строивших и эксплуатировавших сети сотовой связи AMPS, сложились с опытом шведских инженеров. Строительство новых сетей шло недюжинными темпами. Одновременно команда маркетологов разрабатывала рекламные кампании и продуктовые линейки. Мы выходили на рынок GSM. Из Швеции прислали энергичного молодого исполнительного директора Карла-Магнуса Стенберга, который знал этот бизнес лучше меня. А тут ещё случилось неожиданное: министр связи предложил мне возглавить создаваемую им компанию сотовой связи «Скайлинк». Не мог я отказаться от этого предложения, хотя очень любил прежнюю работу. В Tele2 очень уговаривали не уходить. Кончилось тем, что я с разрешения министра остался там на полставки председателем совета.

С президентом Tele2 Донной Корднер. 2009 г.

Работа была адской. с утра я приезжал в Tele2, а в двенадцать уже мчался в «Скайлинк». Спасало то, что в промежутке удавалось заскочить в спортклуб, поплавать полчаса. Я очень старался, но со «Скайлинком» вышла незадача. Во-первых, это был совместный проект двух крупнейших бизнес-групп, конфликтовавших между собой (совладельцем была «Система» В. Евтушенкова); во-вторых, стандарт 450 мегагерц, частоты для которого были выделены «Скайлинку», не пошёл в мире. Российским создателям компании

казалось, что в этой низкой частоте можно легко покрыть сетью обширные пространства страны, но технологическая эволюция шла в направлении к высоким частотам с более высокой скоростью данных. Это был стратегический промах. Через полгода я расстался со своей высокооплачиваемой позицией в «Скайлинке» и вернулся в Tele2. Интересно, что через 10 лет Tele2 купила то, что оставалось от «Скайлинки».

Так случилось, что вскоре после моего ухода всемогущий министр Рейман потерял власть. Первопричиной был конфликт, возникший после

«частотного скандала» 2000 года, когда министр пытался отобрать частоты 900 у «Вымпелкома» и МТС в пользу «Мегафона» («Соник Дуо»). Наезд был основательный. Зимин вспоминал, что боялся тогда вернуться в Россию из загранкомандировки. МТС сробел, а совладельцы «Вымпелкома», «Альфа-Групп», начали тогда ответную агрессивную кампанию против министра в международных судах. В 2008 году Цюрихский арбитраж вынес вердикт о причастности министра к частному бизнесу «Мегафона», а времена ещё были такие, что даже самый высокий российский покровитель не стал защищать своего питерского сотоварища. Рейман был снят, однако без катастрофических последствий. Он остался советником президента и руководителем нескольких созданных им небольших компаний связи.

В 2009-м я славно отпраздновал 60-летие. Заместитель Зимина В. Фронтов сделал мне протекцию в Центральный

дом учёных, роскошный неоклассический особняк с множеством уютных гостиных. Богатейшего интерьера ресторан едва вместил сотню гостей – коллег, друзей, в том числе Д. Зими́на, П. Шели́ца, Г. Фри́дмана, семью, отца, детей.

60-летие. Дом учёных. Слева направо: Фёдор Сурков,

Ирина Кемарская, Леонид Местецкий

Более 16 лет моей жизни было связано с этими двумя шведскими компаниями с общим хозяином – Millicom и Tele2. Это было большой удачей, многому у них учился. Корпоративная культура Tele2 включала изумительные правила. «Если требуют интересы дела, обращайся к высшему начальству через голову непосредственного»; «Сэкономь на службе, потрать дома»; «Празднуй победы»; «Тщательно обсуждайте решение, но после того, как оно принято, действуйте незамедлительно», и самое мне симпатичное:

«Без чванства». Когда Йонни Сведберг говорил: «Мы будем продавать сотовую связь дешевле всех конкурентов», я не верил. Как это: шведы будут продавать свой продукт дешевле русских?! Но бизнес был организован так эффективно, что слоган «Tele2 всегда дешевле» реализовался, заставил рынок поверить, покориться. Но главное, за что я благодарен шведской компании, – она всегда выполняла свои обязательства, писанные и неписанные. В честном сотрудничестве с ней я не только смог дать чудо сотовой связи миллионам россиян, но и материальное благополучие – своей семье.

Был светлый период в новейшей российской истории, когда политику делали искренние, открытые миру люди – Горбачёв и Ельцин, Гайдар и Немцов. у них любовь к стране доминировала над корыстолюбием и заботой о собственной шкуре. А предпринимателям, таким как Д. Б. Зимин, удавалось преуспеть в честном бизнесе, не воруя и не прогибаясь

унизительно под власть. Это было Window of Opportunities, окно возможностей. Я воспользовался им. Расставшись с Tele2, я ещё три года оставался президентом ассоциации, старался помочь сотовой индустрии в период ужесточавшегося законодательства, произвола чиновников и силовиков. Ухудшение условий для бизнеса и огосударствление наблюдалось во всех отраслях, замедляло развитие экономики. С грустью наблюдал за судьбой родной Tele2 – им прекратили выделять радиочастоты и вынудили шведов продать компанию группе российских инвесторов во главе с Ю. Ковальчуком. После этого частоты немедленно и щедро выделили, но, о чудо, компания из самой прибыльной на российском рынке превратилась в убыточную. Мои бывшие коллеги с досадой рассказывали, как нарушаются выстроенные шведами тендерные процедуры, как многомиллионные закупки в обход конкурсов осуществляются по прямому указанию акционеров. Кончилось тем, что компания была огосударствлена, приближённые к власти частные инвесторы сбыли её «Ростелекому».

Ещё пытался в эти годы помочь крупным иностранным телекомам зайти на российский рынок. К тому времени американские компании уже давно поняли: без взяток – невозможно, а это грозило уголовной ответственностью в соответствии с законодательством США. Даже те, кто инвестировал в девяностые (Qualcomm, US-West, MST), спешно покинули Россию. Некоторые европейцы ещё держались. Но продол-

жали прощупывать почву Япония и Корея. Пара лет моего сотрудничества с гигантом Korea Telecom убедила в том, что ловить им в Москве нечего. Взаимодействовал я со многими интересными людьми, например с Константином Малофеевым и его могущественной группой Marshall Capital. Я познакомился с ним, ещё когда был в «Скайлинке». Влияние Marshall Capital на государственный телеком-сектор и связи с правительством постоянно укреплялись. Сменивший Реймана министр И. Щёголев находился в дружеских отношениях с группой – без её одобрения, как я убедился, ни одна сделка государственного холдинга «Связьинвест» не обходилась. Мне довелось неформально общаться с руководителями Marshall Capital. Люди были православные, проводившие немало времени в афонском монастыре, управлявшемся РПЦ. Мне было приятно узнать об их благорасположенности к Израилю. Особенно симпатичен им был религиозный характер государства, финансирование религиозных школ и синагог – считали, что это достойная модель смычки государства и религии для православной России. В 2012 году, однако, разгорелся конфликт Малофеева с банком ВТБ, фактический контроль над «Ростелекомом» был передан Ю. Ковальчуку, при этом мощная финансовая поддержка «Ростелекомом» православных фондов сохранилась.

В 2014 году западные державы обвинили Малофеева в поставке оружия в зону боевых действий на Донбассе через церкви РПЦ, наложили на него и на бывшего министра Щё-

голева санкции. Православные фундаменталисты утверждают, что афонские монастыри основаны русскими в IX веке и что большинство монахов поддерживают РФ. Не удивлюсь, если в один прекрасный день Греция получит претензию на них.

Один из моих новых бизнес-проектов оказался, однако, удачным. Это была компания «Русские башни». Башни сотовой связи – громоздкие и дорогие объекты. В России каждый сотовый оператор связи строил отдельную башню для своих антенн. Конкуренция была поначалу столь острой, что соперников на башню не пускали, старались затруднить им выход в новые зоны. Сплошь и рядом можно было наблюдать, как три конкурирующие башни располагаются рядышком. Однако на развитых рынках это выглядит иначе, башнями выгоднее делиться, а в XXI веке стала преобладать иная модель: башни стали строить специализированные башенные компании и сдавать потом на них места для антенн сразу нескольким операторам. В США строительство башен стало большим самостоятельным бизнесом, выгодным, но очень капиталоемким. Сотовые компании даже продали свои башни специализированным компаниям. С идеей этого бизнеса я и пришел в 2007 году к знакомым западным инвесторам. Они загорелись, стали собирать капитал, займы, дали мне долю в создаваемой компании «Русские башни». Идея заменить строительство собственных башен внешней арендой была встречена менеджментом сотовых компаний с непри-

язнью. Не только из-за консервативности, но и потому, что огромные, малопрозрачные затраты на башни – частый источник коррупции, откатов, страшной беды русского бизнеса. Пришлось через голову менеджмента убеждать акционеров компаний в выгодности такой модели. Проект выстрелил, в декабре 2021 года, за два месяца до начала войны, официально называемой в России СВО, и санкций, мы закрыли сделку по продаже этой прибыльной, перспективной компании.

После ухода из Tele2 свободного времени стало у меня больше. Смог заняться тем, что было по душе, чего душа требовала.

Память о Холокосте

Я —

каждый здесь расстрелянный старик.

Я —

каждый здесь расстрелянный ребенок.

Евгений Евтушенко.

Бабий Яр

Монумент в Змиёвской балке

Эта память жила в нашей семье. Под Ростовом был огром-

ный овраг – Змиёвская балка, место массовых расстрелов евреев во время нацистской оккупации. Я был ребёнком, но помню, как бабушка шёпотом говорила мне, когда мы проезжали мимо: «Тут лежит Вера». Её погибшая в Холокосте сестра. Говорила шёпотом, потому что боялись тогда говорить об этом громко. Но слова эти и бабушкина эмоция запали в детское сердце, засели в глубине души, предопределили мои будущие действия. Есть у детей удивительное свойство безошибочно отличать правду от лжи, чувствовать истинную значимость слов и событий, следовать призыву совести (кстати, думаю, врождённый иммунитет детей ко лжи стал одной из основных причин краха СССР: комсомольско-пионерская пропаганда провалилась, потому что дети, прежде всего дети советской элиты, протестовали против её лживости). Память о Холокосте была табуирована в СССР. Да и еврейская тема была под спудом. Антисемитская пропаганда пустила в российском народе глубокие корни. А сталинские послевоенные антиеврейские репрессии, уверенность большинства населения, что, если б не его смерть, все евреи были бы выселены в резервацию, дополнили картину. В нашей семье, прошедшей через кошмар дела врачей, слово «еврей» старались при детях не произносить. Никто не осмелился даже составить список имён погибших. В постсоветской России евреи постепенно смелели, поднимали голову. В какой-то момент я ощутил, что хочу и могу сделать что-то, чтоб люди узнали больше о страшной ростовской траге-

дии августа 1942-го. Видно, это зрело во мне с детства. Каково же было моё удивление, когда выяснил, что Евгений Вениаминович Мовшович, зять подруги моей бабушки, человек, известный мне с детства, уже несколько лет занимается сбором имён евреев, погибших в Змиёвской балке. Он был геологом, доктором наук, но за несколько лет стал профессиональным изыскателем, перелопатил ростовские архивы, включая бывший партархив, который был тогда доступен. Архив КГБ, открывшийся в 1991-м, был уже снова засекречен. Архивов немецких мы не нашли до сих пор. Полагаю, что нацисты в 1942 году таких списков и не составляли, ими уже владел страх, что преступление будет раскрыто. Задача их была – уничтожить всех евреев Ростова. По разным советским архивным документам военного времени, число уничтоженных евреев составляет от 15 до 27 тыс. (детально о трагедии – в нашей с Е. В. Мовшовичем статье в конце этой книги).

В 2009 году я пришёл к замечательному человеку – ростовскому раввину Хаиму Данзингеру (Chaim Danzinger) поделиться идеей проекта. При еврейской общине мы создали маленькую группу активистов, занявшуюся сбором имён, воссозданием памяти о жертвах ростовского Холокоста. Основная работа легла на плечи Мовшовича и архивиста синагоги Владимира Николаевича Ракши. А ещё через год я пришёл в Российский еврейский конгресс, президент которого, Юрий Каннер, сделал проекты памяти жертв Холоко-

ста центральными в работе РЕК. Потом пошёл в московский центр «Холокост» – и здесь приём самый сердечный. Немедленно начали сотрудничество с профессором Ильёй Альтманом, директором центра. А с Аллой Ефремовной Гербер, сопредседателем фонда «Холокост», просто сразу стали друзьями.

Мемориальная доска, установленная решением мэра в 2004 г.

ЗДЕСЬ, В ЗМИЕВСКОЙ БАЛКЕ, В АВГУСТЕ 1942 ГОДА
ГИТЛЕРОВСКИМИ ОККУПАНТАМИ БЫЛИ УНИЧТОЖЕНЫ БОЛЕЕ
27 ТЫСЯЧ МИРНЫХ ГРАЖДАН РОСТОВА-НА-ДОНУ
И СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ.
СРЕДИ УБИТЫХ - ПРЕДСТАВИТЕЛИ МНОГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ.
ЗМИЕВСКАЯ БАЛКА - КРУПНЕЙШЕЕ НА ТЕРРИТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ МЕСТО МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ
ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ -
ЯВЛЯЕТСЯ ИСТОРИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКОМ
РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ.
МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС "ПАМЯТИ ЖЕРТВ ФАШИЗМА"
В ЗМИЕВСКОЙ БАЛКЕ
СООРУЖЕН В 1975 ГОДУ ПО ПРОЕКТУ
РАЗРАБОТАННОМУ ТВОРЧЕСКИМ КОЛЛЕКТИВОМ В СОСТАВЕ:
АРХИТЕКТОРЫ: Р. И. МУРАДЬЯН, Н. Н. НЕРСЕСЬЯНЦ,
СКУЛЬПТОРЫ: Н. В. АВЕДИКОВ, Е. Ф. ЛАПКО, Б. К. ЛАПКО.
РЕСТАВРИРОВАН В 2009 ГОДУ.

Мемориальная доска, установленная ростовской администрацией в 2011 г. вместо прежней

В августе 2012 года предстояло 70-летие ростовской трагедии. Мы все вместе разработали план подготовки: международная научно-историческая конференция, приглашение дипломатов, зарубежных гостей, митинг, Марш живых, торжественный вечер... в октябре 2011 года мы с Альтманом выехали в Ростов для подготовки юбилейных меропри-

ятий. Повстречались с руководителями городской и областной администраций, научного центра, провели пресс-конференцию, вернулись удовлетворёнными, и тут – неожиданный удар. В ноябре ростовская администрация без всякого обсуждения и даже предупреждения сняла с мемориала Змиёвской балки скромную мемориальную доску, говорящую о Холокосте (была установлена решением мэра), и повесила на её месте новую, огромную, помпезно-золотую, где по старой советской традиции слово «евреи» заменено на «мирные граждане... многих национальностей».

Скандал возник мирового масштаба. РЕК, ФЕОР (Федерация еврейских общин России) и центр «Холокост» обратились с протестом к правительству, Совет по правам человека при Президенте горячо поддержал, центральные газеты, телевидение возмущались удалением упоминания евреев с места их казни. Даже ВВС и CNN упомянули ростовский скандал. Интересно, что ничего не помогало. Черносотенные казачьи организации торжествовали. Администрация молчала, прятала голову в песок. Секрет оказался прост. Сочувствующий высокий чиновник администрации тайно показал мне секретный циркуляр, подписанный замсекретаря Совета безопасности РФ. В нём сообщалось, что еврейские организации, направляемые Израилем, хотят превратить Змиёвскую балку в место паломничества типа Умани. Предписывалось администрациям препятствовать.

Ещё один мелкий отвратительный эпизод в этом проти-

востоянии. Руководитель некой ростовской еврейской организации выступил с заявлением в поддержку доски с «мирными гражданами». Расскажу об этом эпизоде подробнее, потому что он раскрывает характерный приём подавления властями гражданского общества. Зарегистрировать в РФ некоммерческую организацию было очень просто. Согласно принятому в ельцинские времена либеральному закону, достаточно заявления четырёх человек. Так вот, в Ростове некто Луковский так и сделал: зарегистрировал «альтернативную» еврейскую религиозную общину и чуть что по велению органов выступал против действий общины реальной. Например, воспользовавшись Законом о реституции имущества религиозных организаций (подписан президентом Медведевым в 2010 году), община обратилась к властям с требованием возврата Ростовской хоральной синагоги, превращённой большевиками в кожно-венерологический диспансер. Но тут же Луковский подаёт требование альтернативное. Результат – власти получают основание отказать, и диспансер по сей день занимает величественное здание в мавританском стиле.

Однако тогда возмущение общественности и в Ростове, и в Москве оказалось столь велико, что Луковский отозвал своё заявление о мемориальной доске.

С самого начала 2012 года мы активизировали подготовку мероприятий к 70-летию ростовской трагедии. Недоброжелатели активно вредили (отказывались предоставлять неко-

торые залы, местная пресса, в отличие от московской, не принимала материалы), но остановить нас не смогли. Были приглашены несколько послов, зарубежные делегации, в том числе главный раввин Израиля Исраэль Меир Лау, чью жизнь во время Холокоста спас ростовчанин Фёдор Михайличенко. Встречи Лау с семьёй спасителя, его интервью стали яркими событиями 70-летия, как и совместная поминальная служба раввинов в синагоге и на месте казни. В ростовской филармонии прошёл трогательный вечер, со слезами на глазах выступал Лау, литургические молитвы и скорбные еврейские песни исполняла московская Хасидская капелла. Центральным событием стал Марш живых, когда тысячи людей прошли по дороге смерти от пункта сбора евреев до места гибели.

Марш живых. Дорога смерти. Август 2012 г.

Однако золотистая доска все ещё висела на мемориале. Лишь полтора года спустя, после нескольких визитов главного раввина Берла Лазара в президентскую администрацию, её удалось заменить на «компромиссную», с упоминанием евреев.

«Компромиссная» мемориальная доска

Тема памяти Холокоста оставалась центральной для РЕК в течение многих лет. Меня избрали председателем попечительского совета мемориального проекта. На территории РФ расположено более 500 мест массового расстрела евреев нацистами. Нашей задачей было сохранение памяти о каждом, восстановление имён жертв Холокоста, создание памятников на местах расстрелов. За восемь лет удалось установить 93 достойных монумента. Один из благотворителей РЕК, владелец камнетёсной фабрики в Петрозаводске, щедро жертвовал материалы, местные краеведы помогли найти имена жертв. РЕК обращался к местным администрации

ям – реакция бывала очень разной: от искренней поддержки до холодного отказа. Партнёром проекта стало объединение российских христиан-евангелистов.

Мне приходилось бывать на церемониях открытия памятников. Вот Монастырщина, райцентр Смоленской области. В сентябре 1941 года нацисты загнали 1200 евреев, включая детей и стариков, в гетто, а в декабре расстреляли всех. Нынче в посёлке проживает только один еврей.

Открытие мемориала жертв Холокоста в Монастырщине

Монастырщина. Мемориальные доски. Тысяча имён жертв Холокоста

На церемонии много детей, они впервые узнают, что жили в их селе тысячи евреев со своими детками и что в один день их всех почему-то расстреляли. Только за то, что они были евреями. Смятение, сочувствие, всхлипывания. Наши призывы: это не должно повториться! нет геноциду нигде и никогда! нет человеконенавистничеству! уважение к невинно павшим! – уже никому не кажутся пустыми словами. Очень надеюсь, что дети эти будут хоть немного добрее, милосерд-

нее. Пожилые люди подходят к доскам, на которых высечена тысяча имён, стараются припомнить соседей, о которых рассказывали родители...

Марш живых. Дорога смерти. 2017 г.

Сотрудничество с фондом «Холокост» подарило мне чудесную дружбу с Аллой Ефремовной Гербер, человеком огромного таланта, неукротимой энергии. Была она депутатом Государственной думы первых созывов, телевизионной звездой оставалась вплоть до событий февраля 2022-го. Миллионы русских людей узнали от неё, что такое Холокост, получили незабываемый урок гуманизма, милосердия. Ко-

гда ростовская администрация пыталась запретить нам проводить Марш живых в Змиёвской балке, Алла Ефремовна пробились на приём к заместителю руководителя президентской администрации С. Кириенко (они были когда-то соратниками, депутатами Думы от гайдаровской партии), и он дал прямое указание в Ростов – разрешить марш.

Алла Гербер и Мэри

С Аллой Гербер и Александром Асмоловым на праздновании 90-летия Аллы в Геликон-опере

Еще Алла всегда поражала меня тем, как сила её духа способна преодолеть все хвори и усталости: вот днём она лежит в бессилии, боли, а вечером встаёт, полна энергии, выступает перед тысячной аудиторией, становится душой компании полуночников. Триумфом Аллы было её 90-летие, сама вела вечер в Геликон-опере – весь вечер на сцене!

Другие берега

Сказал: «Уеду в край чужой, найду другое море
И город новый отыщу, прекраснее, чем мой...»
Константинос Кавафис

Стена плача в Иерусалиме

В 2014 году я приняла решение переехать в Израиль, получить израильское гражданство. Дела в Москве в основном закончились. Политическая обстановка становилась для меня всё более невыносимой. Эмилия оканчивала московскую Американскую школу и уже была принята в Haverford College. Надо сказать, что дети мои покинули Россию ещё

раньше меня. Надя уехала со своей мамой Раей в США в 1989 году. Она училась в Москве во французской школе и восклицала перед отъездом: «Как я могу уехать?! Я ведь председатель совета дружины!» (высшая пионерская должность в школе). Пришлось ей школу оканчивать уже в США. Потом успешнейшая учёба в Rutgers University Medical School. Нынче она профессор, руководит программой пересадки печени в одной из крупнейших больниц Нью-Йорка. Её дочери – Мишель и Флора.

Надя, Рита, Саша, Эмили, Марк. Тоскана. 2018 г.
Рита со своей мамой Беллой, профессором психологии,

приехала в Израиль в 1992 году. Окончила школу, потом Еврейский университет в Иерусалиме и Бар-Иланский в Тель-Авиве по психологии. Сейчас руководит в Иерусалиме психиатрическим реабилитационным центром. Её сыновья – Томер и Уриэль.

Саша окончил в Москве Первый мед. Во время учёбы решил, что надо стать врачом американским. Несколько лет, параллельно с учёбой в меде, сдавал американские медицинские экзамены. Приехал в США в 2002 году. Сейчас он Endowment Professor, руководит большой лабораторией в Институте психиатрии Питсбургского университета. Его дочери – Аня и Катерина, сын – Лёня.

Марк с отличием окончил биофак МГУ и поступил в аспирантуру (PhD) в США в 2015 году, выиграв в конкурсе престижную стипендию Jefferson Fellowship. Сейчас он постдок в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе, автор десятка первоклассных статей, в том числе в журнале Nature. Его дочь – Амелия. Эмили поступила в Haverford College в 2015 году, получила степень по истории искусства. А в 2022 году была принята в престижную программу по прикладному искусству Университета Делавэр (Lois F. McNeil Fellowship, Winterthur Program in American Material Culture). Когда я пишу эти строки, Эмили находится в студенческой командировке в Лондоне, изучает музеи прикладного искусства Великобритании.

До переезда я много раз бывал в Израиле, люблю эту стра-

ну, восхищаюсь её достижениями, сионистское чувство при-
суще мне со студенческих лет. Узнав о предстоящем моём
переезде, друг Гена Фридман немедленно прислал мне DHL
ключи от своей великолепной квартиры в Нетании. Так я по-
пал в приморскую Нетанию, провёл в ней много счастливых
лет.

С Геней Фридманом. 2017 г.

Правила получения израильского паспорта – даркона –
менялись на протяжении последнего десятилетия неодно-
кратно, зависели от уровня либерализма Кнессета, состав

которого, в свою очередь, тоже менялся многократно. При этом, в соответствии с Законом о возвращении, гражданство репатрианты, я в том числе, получали немедленно по прибытии, в аэропорту. А вот получение полноценного загранпаспорта в 2014 году требовало непрерывного пребывания в стране в течение 12 месяцев либо (второй вариант) – 20 месяцев из первых 24. у меня оставались ещё некоторые дела в Москве, и я выбрал второй вариант.

Я люблю израильский климат и к жаре приучен ростовским детством, но первое своё израильское лето пережил с некоторым трудом. Потом привык. Очень понравилась Нетания, и через несколько месяцев злоупотребления Гениным гостеприимством купили квартиру в приморском доме. Удачно купили, без посредников, на израильском интернет-сайте, помогла дочь Рита. Мэри настояла, чтоб квартира была с тремя спальнями – на случай, если много детей придут в гости! Пригодилось.

Несколько минут ходьбы до отменного песчаного пляжа. Ещё несколько минут – и оказываешься на диком песчаном берегу, без лежаков, тентов и орущих в динамики спасателей. Прогулки, а ещё более – утренние пробежки по кромке моря стали доступной роскошью. Ещё – в пятистах метрах от нашего дома находится заповедник чёрных эндемичных ирисов. Каждый февраль возле него сонмище туристских автобусов – ирисы расцветают. А в апреле расцветают целые поля красных анемонов.

Вид с нашего балкона

С женой Мэри среди красных анемонов пустыни Негев

Рядом с домом весьма представительная синагога. Отдаю дань уважения, хожу туда по большим праздникам. Я в жизни делал скромные попытки обрести веру. Но не дал Всевышний. При всём почтении к еврейской религии и уважении к христианству остался агностиком.

Начиная с 2012 года РЕК взялся помогать молодому Ариэльскому университету (АУ), расположенному в Самарии, области, присоединённой к Израилю в 1967 году, вблизи

палестинских территорий. Университету приходится туго: в отличие от старых израильских университетов он не получает европейских грантов, мировое сообщество не признаёт эти земли за Израилем. Зато в нём много русскоязычных профессоров, прибывших в Израиль в последние десятилетия. Я встретился с ректором университета, мудрым профессором Михаилом Зиниградом, специалистом по материаловедению из Свердловска, чтоб обсудить сотрудничество, и как раз в это время ко мне с вопросом обратился Д. Б. Зимин, он хотел помогать израильской науке. Я рассказал ему об Ариэле, и мы сразу приняли решение помогать. Этот разговор был в 2014 году. А в мае 2015-го основанный Зиминим в Москве фонд «Династия», внесший огромный вклад в популяризацию науки в России, был признан «иностранным агентом» и закрыт.

Дурные предчувствия были у Дмитрия Борисовича за пару лет до этого. Мы встречались довольно часто, посещали вместе книжные ярмарки, которые он обожал, или заходили в «Дом книги» на Новом Арбате, а потом обедали в итальянском ресторанчике, где в советское время был пивбар «Жигули». Каждый разговор он начинал с сетований о надвигающемся зловещем повороте в судьбе России. Мне, честно говоря, казалось, что он несколько преувеличивает опасность. Увы, предчувствие катастрофы его не обманывало. Повторю только, что решение помогать израильской науке он принял ещё до зловещих событий.

В ноябре 2015 года мы приехали с Дмитрием Борисовичем в АУ на открытие «Института Зимина. Новые материалы». На церемонии присутствовали министры Израиля, депутаты Кнессета. с Зиминым приехали москвичи: В. Клюгвант, Е. Альбац. Последняя, впрочем, до последнего момента отговаривала Зимина от помощи «университету на арабских землях». Сотрудничество продлилось много лет. Михаил Зиниград проводил ежегодные отчёты о достижениях института. Работа продолжилась и при новом ректоре АУ Альберте Пинхасове.

Борис Зимин, Юрий Домбровский, Михаил Зиниград, Дмитрий Зимин, Альберт Пинхасов, Вадим Клюгвант. Ариельский университет. 2016 г.

Это была моя вторая поездка с Зиминим в Израиль. Первая была в 2012-м, вскоре после открытия монумента «Победы Красной армии» в Нетании. Зимин пожертвовал на этот величественный монумент немало денег и был приглашён на открытие в составе российской правительственной делегации. Открывали президенты двух стран. Зимин не счёл для себя возможным быть там тогда. Позвонил мне и предложил поехать в Израиль на месяц позже. Так и сделали. Тщательно монумент осмотрели, а потом проехали всю страну в сопровождении замечательного гида, знатока Израиля Игоря Торика. Так крепла любовь к этой стране.

Я научился понимать и принимать израильтян, старюсь вникнуть в их культуру. Они очень открыты, порой, на взгляд россиян, шумны и бесцеремонны. Тем, кого это раздражает, я говорю: вы попали в чужой монастырь, и не вам их учить, вы к ним приехали, а не они к вам, они за несколько десятилетий построили в пустыне цветущую страну, а мы свою (бывшую) – просп-ли!

Недавно встретил исследование, как люди разных культур относятся к офисам open space – без перегородок, когда все сотрудники, включая начальство, сидят в одном зале. Израильтяне – номер один. Они это обожают, рады слышать деловые и частные разговоры коллег, встречаются, советуют, критикуют. Другое исследование – о прямоте изложения позиций, отношений. Японцы – самые деликатные, слабо намекающие, завуалированные. Израильтяне – самые прямые,

режут, как говорится, правду-матку с трибуны. Увы, они не самые дружелюбные, порой колкие и дерзкие. Но если надо помочь человеку, они чемпионы. Проколот ли ты шину автомобиля, не справляешься с тяжёлой ношей – бегут помогать наперегонки. Дружелюбие соседей, доходящее до бесцеремонности. Помню, как первый раз поразила Мэри, когда утром соседка в пижаме позвонила в дверь, держит чашку кофе и просит: «Халяв!» – это значит «молоко». Потом приходят малые дети с мокрыми ногами: «Дайте нам носки». Помощь старикам, малым детям – приоритеты. Мама напутствует пятилетку: «Иди к бабушке, но, когда будешь переходить дорогу, попроси кого-нибудь взрослого подержать тебя за руку».

Мэри и я очень старались выучить иврит. Продвижение скромно. Но как счастлив я бываю, если разберу цитату из Торы! Лаконичная красота, точность, непереводаемость. К примеру, завершение благодарственной молитвы «нам хватило бы и этого» – одно слово «дайену». Мы полюбили еврейские праздники. Много тысяч лет в дни весеннего месяца нисана евреи празднуют Песах, праздник свободы, Исхода из рабства египетского. Даже в моей столь далёкой от традиций семьи в этот день появлялась маца – пресный хлеб. «Исход евреев из Египта был так быстр, что тесто не успело закваситься...» Пасхальный Седер, долгая застольная церемония с выпиванием четырёх бокалов вина и чтением Агады. Как пробивались мы через её текст на русском, английском,

иврите: «Чем отличается эта ночь от всех других ночей? – Ма ништана лайла азе микол алайлот?» – «Рабами были мы у фараона в земле египетской, и Г-сподь Б-г наш вывел нас оттуда рукою крепкой и мышцею простёртой». А на праздник кущей, Суккот, мы установили на своём балконе сукку – символический пустынный шалаш, и пригласили, как положено, друзей.

Дорогие друзья-израильтяне из Москвы, Саратова, Черновиц, Ташкента. Сукка – на балконе. 2019 г.

Мои дорогие израильские родственники. Кузина моего отца Александра Захаровна (по-семейному – Алла) Ципель-

зон. Ей нынче 94, и память её удивительно свежа и точна. Это с её слов я включил в воспоминания несколько эпизодов истории нашей семьи. Мои кузины Анна Дортман и Анна Мирзабалаева балуют меня своим гостеприимством.

Новые времена открытого мира, новые технологии позволили мне обнаружить и новых родственников. Началось с того, что мы с Мэри сдали ДНК-тест компании 23andMe. Несложная и недорогая услуга: по почте присылают пробирку, плюёшь и отправляешь обратно. Заполняешь ещё вопросник, указываешь свои данные и где жили твои предки. Компания определяет твою этническую композицию (в моём случае сюрпризов не было – на 99% еврей-ашкенази) и даёт тебе список потенциальных родственников, людей, чья ДНК близка к твоей (разумеется, из числа тех, кто сдавал такой тест раньше). Я отыскал тех из них, кто указали, что предки жили в Ростове, написал им письма. Таким образом я обнаружил, живущих в США внуков и правнуков брата моей бабушки Миши Ошеровского. Они сменили фамилию сперва на Ошер, а потом на Ошей. Мы знали, что в 1920-м Миша и его жена эмигрировали во Францию. Дальше след терялся. Переписываться с заграничными родственниками советские люди до смерти боялись. Выяснилось, что в 1941-м Миша с семьёй эмигрировал из Франции в США (я позже нашёл эту запись на открытом сайте Эмиграционной службы США). Семья поселилась в Калифорнии, где потомки живут и сейчас. Обнаружился и дальний, но весьма приятный родствен-

ник в Израиле.

Израиль щедр и на друзей. В основном вновь приобретённых, но и тех, кого я знал многие годы в Союзе. В Израиле живут 16 моих однокурсников по мехмату МГУ, мы встречаемся. Семья Абрама Чиквашвили была нам очень близка. Абрам Менашевич был аспирантом выдающегося терапевта М. С. Вовси (кузена С. М. Михоэlsa), который в 1952 году был арестован по делу врачей. о защите в Москве диссертации, которую Абрам Чиквашвили уже представил к защите, не могло быть и речи, и он приехал в Ростов, куда дело врачей ещё не докатилось, к моему деду. Успешно защитился, безмерно был благодарен, и общение переросло в дружбу между семьями. Помню, как с шикарным набором шоколадных конфет, старым грузинским коньяком приехал к нам из Кутаиси его отец Менаше Яковлевич. Большим человеком он был в Кутаиси – начальником отдела рабочего снабжения автозавода. А потом я студентом приехал в их кутаисский дом, в субботний вечер, и был расстроен «холодным» приёмом: холодная была еда и свет не включали – тогда впервые мне объяснили, что такое шаббат. Потом дочери Абрама Менашевича Лора и Ирина поступили в Ростовский мед. Жили какое-то время у нас. Этих двух девочек, покинувших СССР при первой возможности, я отыскал в Израиле – успешные врачи, счастливые семьи.

С мэром Иерусалима Моше Лионом. 2020 г.

Волнительна была встреча с Виктором Изаксоном. Я помнил его как замечательного ростовского математика, он когда-то помогал мне готовиться к поступлению в МГУ. Знал, что он эмигрировал в конце восьмидесятых. Каково же было моё удивление, когда я услышал имя Виктора из уст бывшего сотрудника отдела по борьбе с сионизмом ростовского КГБ. В КГБ СССР было Пятое управление, боровшееся с диссидентами, а в его составе – 8-й отдел: «выявление и пресечение акций идеологической диверсии подрывных сионистских центров». В народе его справедливо называли антисе-

митским. Сотрудник, я уже упоминал его раньше, интеллектуальный и совестливый человек, ещё работая в КГБ, проникся тайной симпатией к иудаизму, а после распада СССР стал искренним другом ростовской еврейской общины. с его слов я узнал, что в начале восьмидесятых я сам был в разработке у КГБ, начало которой положил донос, что в ростовских еврейских компаниях я рассказываю о еврейских традициях, истории. и вправду, любил я эту тему. Этого оказалось достаточно, чтоб начать расследование. Сотрудники ростовского 8-го отдела томились без работы. Ростовские евреи были в массе своей весьма законопослушны и запуганны, в догорбачёвское время даже не решались эмигрировать. Этому сотруднику было поручено собирать обо мне информацию. В результате он пришёл к начальнику и сообщил, что «факты о связи Домбровского с сионистскими организациями отсутствуют». «Тогда начальник сказал мне: “Пиши анонимку”». Был такой приём у КГБ – самим состряпать анонимку и после её же использовать как сигнал для расследования. Но я был спасён. Отдел перебросили на очевидную сионистскую диверсию: «Виктор Изаксон открыл улыпан на дому!» Это означало, что со своими товарищами он начал изучать иврит. За это могли в лагерь посадить, как Ю. Эдельштейна, будущего председателя Кнессета. Виктора тогда таскали на допросы, но вскоре ему удалось эмигрировать. Было нам с ним что вспомнить.

Свое 70-летие я праздновал дважды – в Нетании и в

Москве (снова в Доме учёных). На обоих мероприятиях было одинаковое количество гостей – по 70.

70-летие. Нетания

Бат мицва моей внучки Мишель. 2016 г.

Много замечательных мероприятий организовывал РЕК, как в России, так и в Израиле. Больше всего я благодарен за организацию предпасхальных походов по пустыне. Каждый год, начиная с 2008-го, два десятка российско-еврейских бизнесменов собирались в Иерусалиме за пять дней до наступления Песаха. Выезжали в пустыню Неgev или Арава и оттуда пять дней шли в сторону столицы. Этим мы пытались следовать древней традиции – тысячелетия евреи совершали пеший переход, чтоб отпраздновать Песах в Иерусалимском храме. Ночевали в палатке, впрочем, довольно удобной, и хорошие повара нас сопровождали. В последнее утро похода пекли на костре мацу, по всем правилам мололи

зерно, делали тесто, раскатывали и пекли на металлических листах – и всё это за 18 минут, пока тесто не успеет закваситься, как те соплеменники, что бежали из Египта 3300 лет назад. Несколько раз с нами в походе бывал раввин, пытавшийся растолковать нам азы Танаха. А самым замечательным в этих походах было наше интенсивное и непринужденное общение. Весенняя пустыня зеленеет низкой травкой, покрывается своим скромным недолгим многоцветьем, и в многочасовой нелёгкой ходьбе по пустынным скалам возникает неспешный разговор, неизмеримо откровенное общение. о жизни, о бизнесе, о еврейской традиции, почему-то многое о детстве вспоминается. Увы, сейчас наша традиция прервалась.

Поход в пустыне Негев (я третий справа во втором ряду).
2014 г.

За два года мир переменялся. Да так сильно, как ещё при моей жизни не бывало. Тревожно за судьбу мира, как никогда раньше. Народ Израиля сплотился в экзистенциальной борьбе. И не думал, что случится при моей жизни такая перемена в судьбе России. Увы... О, болит сердце за две мои родины. И какие ещё перемены предстоят в судьбе мира, в моей?..

Камо грядеши, Г-споди? Quo vadis?

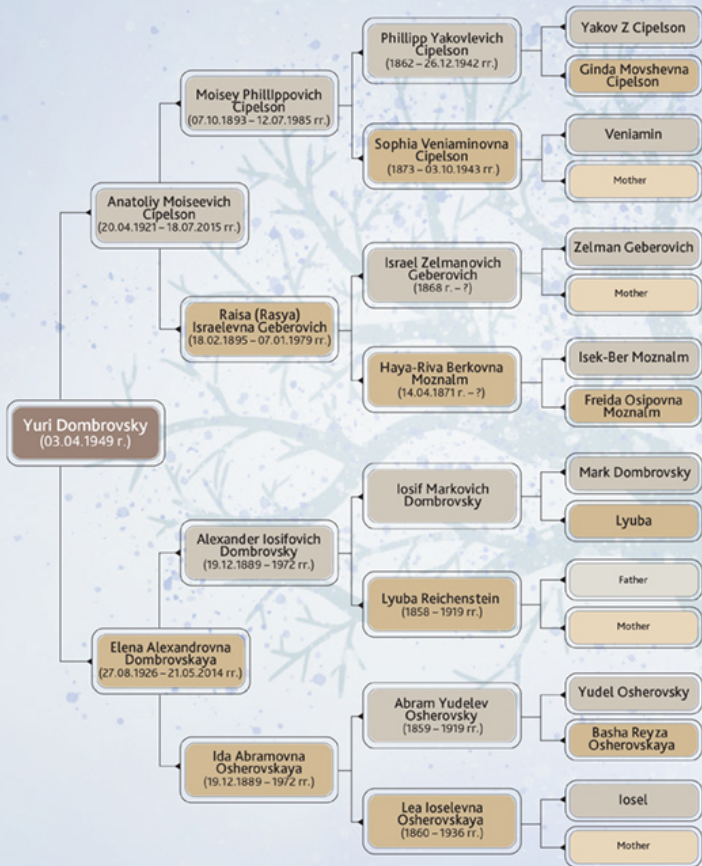
Но закончить хочу благодарностью. Только вот вопрос:

кого благодарить за счастливую жизнь? Хорошо людям верующим, они точно знают Кого. А безнадежному агностику? В советских детских садах детей учили лозунгу: «Спасибо родной Коммунистической партии за наше счастливое детство!» (Опять же Оруэлл!) Так кого же благодарить мне за много счастливых лет, радостных событий, завершившихся успехом начинаний? Судьбу? Тоже не подходит, тем более человеку, знакомому с теорией вероятностей. Иногда мне везло, но по большей части добивался поставленной цели с огромным трудом, и тем слаще был успех.

Подойду к этому вопросу по-научному, математико-биологически. Всем, начиная с собственной жизни и генома и включая личность, культуру, обязан я своим прямым предкам. Рукописи не горят. Особенно цифровые.

Люди смертны, а гены бессмертны. Теоретически.

Генофонд. Воздаю благодарность им. Вот они:

Дважды освобождённый город

Наблюдательный пункт советских войск на подступах к Ростову. Зима 1941 г.

Несмотря на стойкую оборону советских войск, гитлеровцам удалось прорваться к Ростову. 21 ноября 1941 года город оказался в руках врага. Первая оккупация города продлилась недолго: всего восемь дней. Но и за этот короткий срок гитлеровские палачи смогли отметить себя небывалыми зверства-

ми, расправляясь не только с попавшими в плен красноармейцами, но и с мирными жителями. Вторая оккупация Ростова-на-Дону, начавшаяся 24 июля 1942 года, продлилась семь месяцев. От рук оккупантов пострадало огромное количество советских людей. Самым известным зверством, совершённым оккупантами в Ростове-на-Дону, стало убийство в Змиевской балке свыше 27 тысяч советских граждан. Основную часть погибших составили ростовские евреи и члены их семей.

Немецкие солдаты на рынке в городе Сигот в ночь 18.09.45
За штур, купили хлеба и не зная что этот хлеб отправлен
министерству купили его и в результате этого за один
день 19 января 1945 года отправилось 33 человек немецких
министров в целях покупки отправлено работам завода, радатор
- Койкиев купивший хлеб, Нахизивант - 4 мешка по 44, а
то 17 мешков Нахизивант до 31 в одно время отправлено Сигот
созд. 13 тов. Не идентичные случаи когда немцами куплен
хлеб на рынке так же отправлено.

Нимеи хлеба городов потонуло так, как
Немецкие власти абсолютно не выдают ни одного
грамма хлеба за немцевскими работам
Работников на немецких предприятиях которые купили
по 300 гр. хлеба только на себя да и то, часть
тешеным людям.

3. Эти люди в немецком образе неслись
нагруднички в безудачно пыжились над еврейскими населенны
Еврейскому тешеным города Бунд это мурашка,
пешница или редости абсолютно почему было полагает на
Умму кто купил встречный солдат или коммунист
беспомято убивали и за частью растрепывали на месте.
В последние месяцы августа 1945 года драматично
собрали на Красе около 8,000 человек и всех растрепывали, мушкет,
пешниц и детей.

4. В начале февраля 1945 года немцы убивали своих
неустойчивости на оружие, в особенности беспощадно
наши угнетенной государственное имущество, частично
эвакуировать заводские сооружения и квалифицированно
работу сию в труд в связи только а здание заводов
будуван. Так были эвакуированы оборудованы
заводов и предприятий, "Репроодоминский завод, завод, Аксаи"
"Арарская Дилетроская, Россливани" Заводы, "Красно Знамя"
"Варошилова" а здание всех этих заводов будут, и много
другие учреждения. Краса Ростова "Кружок Советского
и "Красная планка" "Максима Горького" Эти все заводы
так же будут.

Всех квалифицированных рабочих заводов
под угрозой оружия и расстрела эти заводы уехали
с собой а уничтожились от поезда поехали в тюрьму
а в концлагерях и расстреливали.

5. Эти драматичные события, людоеды а
иногда с ними и тучи, преданием родных до хрипоты в
пожне, Кипаи и в поездах и на улицах города и в том же
Красна Силах дабы не существовать а вместо ее людей
маленькие детище выдают и расстреливают все население
этим они хотели показать свои бедности и людоедство.
Но основательно дали на территории Ростовских тешены

Акт «О бесчинствах и зверствах, чинимых немецкими оккупантами за период пребывания в гор. Ростове над мирными гражданами». 16 февраля 1943 г. (РГАСПИ)

Немецкие генерал-полковники Эвальд фон Клейст и Рихард Руофф совещаются во время боев за Ростов. Июль 1942 г.

Немецкий пулеметный расчет ведёт огонь на улице Ростова-на-Дону. Июль 1942 г.

Румынские солдаты на перроне железнодорожного вокзала в Ростове-на-Дону. Лето 1942 г.

Разрушенные дома на углу Буденновского проспекта и

Садовой улицы в освобожденном Ростове-на-Дону. Февраль 1942 г.

Памятник Воинам-освободителям города Ростова-на-Дону погибшим от немецко-фашистских захватчиков в 1941-1943 гг.

Фронтовые письма

Признаюсь, я читаю ваши письма друзьям с чувством большой гордости, родные мои!

Фронтовые письма моего отца. Пожелтевшие от времени треугольники, открытки со штемпелями полевой почты... в пропахших порохом строках – дыхание войны, будни военного врача, нежность солдатского сердца, вера в Победу...

1942 г.

Адресо 09-42

Как будто, что ворони, а
 чре в дорге. Еду перо бинду
 в дурмане, куда понамен
 стирани вранчи понамен
 Прожду там около трое
 месиде. Висе со мни в
 Кузнече судт оне две воскреши
 Сама прани и жора Понд
 Сило нас Славича цуни,
 по стариче понае, даьше нас
 4. дна в самодурни понае!
 Это осто удоби: Касачерине
 Силни с марганци и поди как
 шиди, вилмо медично, поди
 Тонка медича, с тинани донкан
 шорди в вил донке сити оне
 дна в вил донке сити оне
 дна в вил донке сити оне

Кузнеч 15.01.42

Видя чре и че рини на
 виле оне.
 Работи стирани вранчи
 Работи оне много по жо мни
 Собрание не чиде.
 Тонка се обарини в донки
 Вилри понае. В донки
 оне тини. Вилри оне
 тини, вилри оне тини
 оне вилри, вилри оне вилри
 оне вилри, вилри оне вилри
 Тини в донки, вилри оне
 стирани на вилри, вилри оне
 вилри, вилри оне вилри
 вилри, вилри оне вилри
 вилри, вилри оне вилри

Н. К. Сивин С С С Р

Форма 119.

Уведомление о вручении почтового отправления

Куда: Ашхабад

Адрес: Мавзин понае
До воскреши

Коку: Уинельзосу М.Ф.

Заполните адресную сторону на свое имя

Н. К. Сивин С С С Р

Форма 119.

Уведомление о вручении почтового отправления

Куда: Ашхабад

Адрес: Мавзин понае
До воскреши

Коку: Уинельзосу М.Ф.

1. Кузнече Пензенская до воскреши

Заполните адресную сторону на свое имя Уинельзосу

Ртицево, 09.01.1942 г.

Кузнеч, 15.01.1942 г.

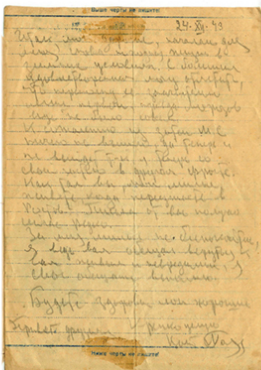

1943 г.

17.11.1943 г.

24.12.1943 г.

27.12.1943 г.

Статьи

ВОЗЗВАНИЕ К ЕВРЕЙСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ ГОРОДА РОСТОВА

В виду особой важности, со 2 августа 1942 года организован в гор. Ростове еврейский **СОВЕТ СТАРЕЙШИИ** под председательством **д-ра ЛУРЬЕ** (Малый проспект, № 1) и его заместителя **ЛАПИНЕРА** (Почтовый переулок, № 66), которым по приказу Немеш

Поляци каждый еврей должен беспрекословно подчиняться.

Согласно распоряжения Германского Командования, все еврейское население г. Ростова в возрасте от 14 лет и старше подлежит личной регистрации путевки с соответствующими документами (паспортами или метрическими свидетельствами) в нижеуказанные пункты по месту своего жительства.

РЕГИСТРАЦИИ ПОДЛЕЖАТ СЛЕДУЮЩИЕ ГРАЖДАНЕ:

1. Лица с отметкой в паспорте о принадлежности к еврейской национальности.

2. Лица, хотя бы имеющие в паспорте обозначение о принадлежности к другой национальности, но по своему происхождению принадлежащие к еврейской национальности.

3. Лица, когда-либо принадлежавшие к евреям по вероисповеданию (крещеные).

4. Лица смешанных браков (муж еврей, жена не еврейка — подлежит регистрации муж и наоборот).

5. Дети чисто еврейских семейств в возрасте до 14 лет регистрируются своими родителями или опекунами.

Совет еврейских Старейшин г. Ростова вызывает все еврейское население к беспрекословному и точнейшему выполнению всех распоряжений Германского Командования.

Совет еврейских Старейшин, со своей стороны, глубоко уверен в том, что еврейское население, учтя всю серьезность положения, окажет Совету Старейшин всякое содействие в проведении всех мероприятий, предложенных Германским Командованием.

Совет еврейских Старейшин призывает все еврейское население, что состоит в составе Совета Старейшин, к исполнению всех обязанностей, возложенных на него Германским Командованием, и что Совет Старейшин несет ответственность перед Германским Командованием за поведение еврейского населения.

Перепись еврейского населения будет проводиться под руководством и наблюдением членов Совета Старейшин порайонно в нижеследующих пунктах:

п.п.	Наименование района	Адреса пунктов	Ответственный член Совета
1	Кировский район	Пушкинская 137-139	ШЕРШЕВСКИЙ
2	Андреевский район	Социалистическая, 90 (школа 42)	РУМАНОВ ГОЛЬДФОРБ
3	Ленинский и Ж.-дор. район	Энгельса, 60	КИРШМАН и УГОЛЬНИКОВ
4	Октябрьский район	Просвещенная ул., № 23-73	МАКАРОВСКИЙ и РОЗИНСКИЙ
5	Пролетарский и Сталинский районы	ул. Семяко	ЦЕГЕЛЬНИЦКИЙ
6	Орджоникидзевский район	20 линия № 14, ул. Мульчевской Ул. Станиславского, № 188	

«Воззвание к еврейскому населению города Ростова».

Приказ коменданта города генерал-майора Киттеля был вывешен на всех центральных улицах

Холокост. Ростов. Факты

За полтора военных года Ростов-на-Дону был дважды оккупирован немецкими войсками, а по степени разрушений зданий и сооружений входил в десятку городов Советского Союза, сильнее всего пострадавших от нашествия фашистских варваров.

С притоком беженцев из Польши, республик Прибалтики и западных областей Украины, Молдавии и Белоруссии еврейское население в Ростове-на-Дону к концу лета 1941 года возросло почти вдвое в сравнении с переписью 1939 года и достигло 55–60 тысяч человек. По донесениям Einsatzgruppe, перед оккупацией число евреев составляло порядка 50 тысяч человек³.

Первая оккупация Ростова немецкими войсками была непродолжительной – с 21 по 29 ноября 1941 года, после чего город был освобождён вплоть до конца июля 1942-го. Потом город снова был оккупирован на полгода – до середины февраля 43-го. В преддверии первой сдачи города значительная часть населения эвакуировалась, но после довольно быстрого освобождения многие (в том числе евреи) вернулись в город.

---

³ The Einsatzgruppen Reports. Selection from the Dispatches of the Nazi Death Squads' Campaign against the Jews. July 1941 –January 1943. NY^ Holocaust Library. P. 358.

Стремительный ноябрьский прорыв немцев в южном направлении был неожиданным не только для командования Красной Армии, но и для еврейского населения, основная часть которого осталась в городе. Два батальона 230-го конвойного полка НКВД, закрепившись на Зелёном острове, ещё в течение нескольких дней, отбивая попытки немцев захватить остров, пытались удерживать отдельные здания и даже кварталы в районе Нахичевани. Однако этих усилий было недостаточно, и 21 ноября 1941 года Ростов-на-Дону был захвачен немцами.

В акте, составленном в Ростове-на-Дону 30 ноября 1941 г. гражданами Горбовой, Козловым, Алфёровой, Кобзевой и Лысенко за подписью ст. лейтенанта Букова о диких зверствах немецких оккупантов в этот период, указывается: «Как только они (немецкие войска) вошли в Ростов – начали грабить, издеваться над мирными жителями, особенно евреями. Их убивали только за то, что они евреи. Их искали по домам, в погребах, на улицах. Только в доме на 36 линии около детского сада убили 60 жителей-евреев, а всего в нашем районе – несколько сот, в основном женщин, детей, стариков. Перед расстрелом над многими издевались, избивали, выбивали зубы, многих убивали прикладами, размозжив головы. Прямо на улице валялись куски черепов этих людей...»⁴.

В акте № 14 от 31 ноября 1941 г. опроса гражданина Ро-

---

⁴ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 32. Оп. 11302. Д. 39. Л. 134.

стова-на-Дону В. И. Смирнова, подписанном батальонным комиссаром Зайцевым и ст. политруком Поляковым, зафиксировано следующее свидетельство: «28 ноября 1941 года меня с тремя товарищами в районе Нахичевани задержали немцы, привели в свой штаб. Здесь уже было много арестованных.

Отдельно стояла большая группа евреев – человек 30. Стояли они у стены, их избивали. Потом эту группу евреев и нас четверых повели к дому водников. Здесь приказали снять верхнюю одежду. По команде немецкого офицера солдаты дали по нам залп из карабинов, потом ещё один. Я был ранен, упал и лежал молча. Кто шевелился – немцы добивали из пистолетов. Ночью я выбрался из-под горы трупов»⁵.

Газета «Молот» в № 290 от 8 декабря 1941 года писала: «Кошмарную расправу творили немцы в Пролетарском районе города. Сотни мирных людей были замучены, расстреляны и сожжены фашистскими каннибалами. 36-я линия превратилась 26 ноября в улицу слез и страданий... Школьный двор фашистские мерзавцы превратили в застенок, где расстреливали мирных людей... Немецкие оккупанты убили несколько тысяч человек жителей Ростова-на-Дону. у убитых выломаны зубы, раздроблены головы, куски черепов валяются отдельно...».

Акт подписали 87 человек – жители 36-й, 38-й и 40-й линий.

---

⁵ Там же. Д. 30. Л. 139.

В № 291 газеты «Молот» от 9 декабря 1941 года была помещена короткая заметка: «По 1-й Советской улице вся стена изрешечена пулями. На стене надпись: «Убитые опознаны. Рождественских трое, Гордеевых четверо». Здесь были расстреляны жена Ноарт Тетеосовна, дочь Муза Константиновна и сын Баян врача Рождественского.

На армянском кладбище зверски замучили свыше 100 человек (выколоты глаза, отрезаны уши, изодраны губы, у одной девушки отрезали грудь).

Только в последний день первой оккупации в Нахичевани (район г. Ростова-на-Дону) были расстреляны 300 евреев.

Профессор Илья Альтман считает, что «публикуемые документы показывают: уже осенью-зимой 1941 г. политическое руководство Красной Армии располагало сведениями о тотальном истреблении советских евреев на оккупированных территориях. Однако правительство СССР не приняло никаких специальных мер, чтобы спасти граждан своей страны – евреев, которым грозила смертельная опасность. Уже в годы войны применялась тактика официального замалчивания еврейской катастрофы, когда её жертвы стали именоваться «мирными советскими гражданами». Это ещё одна особенность советского Холокоста, характерной чертой которого являлось стремление официальных властей скрыть либо приуменьшить правду о трагической судьбе евреев».

Однако контроль над выездом из города в эти дни всё же был ослаблен, и тысячи ростовчан пытались покинуть Ро-

стов. Но удалось это немногим. В связи с отступлением наших войск три наплавных моста через Дон были активно задействованы для военных перевозок и подвергались массированным бомбардировкам немецкой авиацией. Население преодолевало Дон на лодках, плотках и прочих подручных средствах. Но даже редким «счастливчикам» пришлось вернуться, встретив наступающие немецкие войска.

Во второй раз немецкие войска захватили Ростов-на-Дону в ночь с 23 на 24 июля 1942 г. В Приказе Народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года, известном в обиходе словами «Ни шагу назад!», указано, что части Красной Армии, оставившие Ростов без приказа, покрыли себя позором.

Несмотря на то, что многие из погибших в Змиёвской балке евреев действительно не успели вовремя эвакуироваться, большинство из них осталось в городе и по иным причинам. Это и отсутствие достоверной информации о гибели 6,5 тысячи евреев в Таганроге, о трагедиях в других оккупированных городах, а также и недоверие к официальным источникам информации, сообщавшим о зверствах немцев по отношению к безликому «мирному населению». Многие евреи, храня в памяти воспоминания об оккупации Ростова немцами в 1918 году, считали эти сообщения не более чем откровенной пропагандой и в конечном счёте дезинформацией. Пережившие ту шестимесячную оккупацию старики рассказывали: «Это были тогда совсем другие немцы. с теми можно

было поговорить по-человечески, общаться, как с людьми. Эти же были звери в человеческом облике. Вот как их смог “перевоспитать” Гитлер» (В. В. Смирнов, «Ростов под тенью свастики»).

Такое отношение к немцам подтверждается и историей гибели всемирно известного психоаналитика Сабины Шпильрейн. Когда обеспокоенные знакомые предложили выправить ей и её дочерям документы на армянскую фамилию, Сабина, значительную часть жизни проведшая в Германии, с негодованием отказалась и заметила, что она как никто другой знает: немцы не способны на те преступления, в которых их обвиняют. Как и многие тысячи других невинных жертв, Сабина Шпильрейн и её дочери закончили жизнь в окровавленных рвах Змиёвской балки.

Актом № 1231 от 23 ноября 1943 года было «установлено: расстрел мирных жителей города Ростова-на-Дону и военнопленных начался 2 августа 1942 года и продолжался до декабря месяца 1942 года»⁶. По-видимому, в первые же дни второй оккупации был издан приказ о ношении всеми евреями на груди жёлтой шестиконечной звезды (по личному сообщению М. А. Вдовина). А уже 4 августа по приказу коменданта города генерал-майора Киттеля на центральных улицах было вывешено пресловутое

«Воззвание к еврейскому населению города Ростова» с требованием о прохождении регистрации в срок до 8 ав-

---

⁶ ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 30. Л. 7–10.

густа. у большинства ростовских евреев хватило сообразительности проигнорировать приказ. Всего зарегистрировалось не более 2000 человек.

Пока немцы ждали регистрации всего еврейского населения, их внимание обратилось на больных, содержащихся в психиатрических лечебницах. 3 августа 1942 года из ростовской психиатрической больницы было вывезено и уничтожено в душегубках 72 больных человека.

5–6 августа в 10 часов утра у песчаного карьера Змиёвской балки появилась крытая грузовая машина. Из сопровождавшего её легкового автомобиля вышли немецкие офицеры. Осмотрев место для будущего захоронения жертв, они дали команду высадить находившихся в кузове грузовой машины советских военнопленных. Это были командиры, политработники, рядовые бойцы. Их заставили рыть на дне котлована ямы глубиной до 3-х метров и рвы – как на территории песчаного карьера, так и между зоопарком и ботаническим садом. По окончании работ раздался треск автоматных очередей и первые жертвы пали в карьер. По сведениям, содержащимся в Государственном архиве Ростовской области, к 8 августа там было расстреляно триста военнопленных.

9 августа опубликовано новое «Воззвание к еврейскому населению города» с требованием «всем евреям» явиться 11 августа с ключами от квартир, ценностями и наличными деньгами в один из шести сборных пунктов для «переведения в особый район, где они будут ограждены от враждебных

актов». Чтобы еврейское население с большим доверием отнеслось к вышеуказанному приказу, последний был подписан председателем организованного оккупантами 2 августа так называемого «Еврейского совета старейшин» доктором Лурье – бывшим директором Дома санитарного просвещения.

С утра 11 августа толпы евреев, обманутых обещанием переезда в «безопасное место», пришли на сборные пункты. Так описывает это утро в докладной записке секретарю Ростовского областного комитета ВКП(б) Двинскому «О зверствах немецко-фашистских захватчиков в г. Ростове-на-Дону в период его оккупации» профессор Ростовского педагогического института Керенский: «11 августа 1942 года с 8 часов утра на сборные пункты, указанные в «Воззвании», группами и в одиночку, семьями с детьми школьного и грудного возраста, с больными и стариками начали собираться граждане еврейской национальности, неся в руках наиболее ценные вещи и продукты. При входе на сборный пункт вещи, ключи и продукты отбирались немцами. Когда сбор был закончен, гестаповцы начали посадку явившихся в грузовые автомашины, сопровождая этот акт избиениями и грубой бранью»⁷.

Очевидец О. В. Голова так описывала события этих дней: «...9 августа днём появился новый приказ о явке всего еврейского населения на районные сборные пункты к 8 часам

---

⁷ ГАРО. Ф. 3613. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–5.

11 августа. В назначенный день евреи стали приходиться целыми семьями и поодиночке. Были здесь и старые, и молодые, и дети, и подростки, всего собралось около 1500 человек. Особенно много было пожилых и совсем престарелых... Многие были с грудными детьми. Люди были взволнованы, всюду слышались возгласы: “Неужели нас убьют?”, “Куда нас?” и т. п. Среди сидящих евреев расхаживали русские предатели-полицейские и “успокаивали” тех, кто обращался к ним с вопросами: “Граждане, не волнуйтесь, с вами ничего плохого не сделают. Вы поедете за город, в отведённое вам место, и будете там жить и работать”. Часов в 12 дня стали подъезжать крытые грузовые автомашины, куда немцы начали посадку евреев. Оставшихся людей, примерно 200 человек, немцы построили и пешком погнали по направлению Рабочего городка. Позже в городе разнёсся слух, что этих ни в чём не повинных людей немецкие изверги расстреляли за городом»⁸.

Сейчас мы, конечно, удивляемся той готовности, с которой еврейское население Ростова пришло на сборные пункты по приказу немецких властей. и это произошло несмотря на то, что, в отличие от Прибалтики и отдельных украинских районов, фактов нападений и случаев насилия по отношению к евреям со стороны другой части населения в Ростове не было. Возможно, что на такую высокую явку повлияли те самые достаточно тёплые воспоминания о немецкой оккупа-

---

⁸ Там же. Л. 6–7.

ции с мая по ноябрь 1918-го – особенно по сравнению с ко-нармейцами Будённого, устроившими в 1920 году в Ростове многодневный погром, направленный, вообще-то, против всех «буржуев», но в силу особенностей местной экономики и демографии затронувший прежде всего еврейское и армянское население города.

Ещё одно свидетельство – К. А. Толстиковой, видевшей злодеяния немцев 11 августа 1942 г.: «Среди собравшихся евреев расхаживали русские предатели в немецкой форме и успокаивали: “Что вы волнуетесь? Вас никто не тронет, расстреливать вас не будут. Вот в Таганроге все евреи живут за городом и работают. Поверьте нам, мы сами из Таганрога”»⁹.

Уничтожение евреев производилось в котлованах песчано-каменного карьера у северо-восточной окраины посёлка Змиёвка (в трёх рвах – более 15 000 трупов), на окраине роши питомника Ботанического сада (в 13 ямах – более 10 000 трупов), а также на западной окраине роши питомника, южнее посёлка (в четырёх ямах – более 2 000 трупов) (Акт № 331 от 30 ноября 1943 г.). Таким образом, массовые расстрелы проводились не только в том месте, где сейчас установлен Мемориал павшим, но и в окрестностях посёлка и Ботанического сада, ныне густо застроенных коттеджами¹⁰.

В первый же день, 11 августа, было уничтожено более 13 тысяч евреев. Общее количество погибших в Змиёвской

---

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 10.

балке превышает 27 000 человек. Большинство – евреи.

Из главных актов дознания против палача Змиёвской балки Зетцена и других по делу убийства: «Как я вспоминаю, в июле 1942 года мы продвинулись к Ростову. Город был сильно разрушен. Наше подразделение разместилось в большом здании. В связи с этим городом я вспоминаю прекрасное театральное здание. Что касается событий в Ростове, то я вспоминаю, что евреи должны были собираться в различных местах. Там их сажали в грузовики и отвозили к противотанковому рву, находившемуся за городом. Я помню, что в этой акции принимали участие многочисленные члены команды. Переводчики Зетцена Литтих и Оберлендер, по моим воспоминаниям, оба участвовали в этом. Я оставался в помещении. То же самое я могу сказать о штурмшарфюрере Бауре, хоуптшарфюрере Хирмере и о обершарфюрере Юнге. Когда все остальные члены команды вечером вернулись, они рассказали нам, что произошло, и позже я не принимал участие в каких-либо казнях в Ростове»¹¹.

Вот что рассказывал свидетель Лео Маар (этнический немец, работавший переводчиком обершарфюрера зондеркоманды СС 10А), давший показания по делу Хайнца Зетцена о массовых убийствах 11 августа 1942 года в Ростове-на-Дону в ходе судебного слушания, проходившего в 01.09.1966 года в Мюнхене¹²: «Мы были уже некоторое время в Росто-

---

¹¹ Бавария, Мюнхен, Криминальное ведомство, 09.11.1965. Т. XVI. Л. 3430-36.

¹² Там же. Т. XVII. Л. 3697-3. С. 3801.

ве, когда местные евреи, а также евреи из окрестностей, из разных областей должны были явиться в определённые места сбора. с наступлением утра прибыли для этого Цейнер, оберштурмбанфюрер Зетцен и Хаймбах. Цейнер имел при себе лист, который он зачитал перед построившимися. В нём сообщалось, кто с кем должен быть во время предстоящей экзекуции. По моему сегодняшнему воспоминанию, это был Экк, который тогда был переводчиком и был со мной закреплён за обершарфюрером. На этом основании мы тогда вместе поехали на легковом автомобиле на окраину города, где среди зелёных насаждений стоял дом. На втором автомобиле поехали Зетцен, Хаймбах и переводчик Зетцена Литтих.

Всё происходило в одноэтажном доме. В памяти сохранились 3 помещения, в которых уже всё, по-видимому, было подготовлено. В каждой комнате стояли один стол и один ящик. Последний был размером $1 \times 0,5 \times 0,5$ м. Дом имел переднюю и заднюю двери. В каждой комнате были два окна. Перед каждым столом стоял табурет. Остальные комнаты этого дома были пустыми. Делопроизводителем был обершарфюрер СС, который пострадал в Таганроге от возгорания пороха, имел на лице многочисленные чёрные точки. Я был к нему прикреплён, и он указал мне на место и сказал, что мне надо будет делать по роду моей деятельности. Он сказал: «Сейчас сюда будут входить люди. Скажи им, чтобы они на моём столе оставляли ценные вещи, а затем в углу комнаты они должны раздеться. Они должны пройти в бан-

ное помещение, переодеться в новую одежду и затем отправиться в трудовой лагерь». Эти слова я передавал приходящим сюда позже евреям, которых я должен был убедить, переводя эти слова.

Прежде чем началась акция, Зетцен, Хаймбах и переводчик Литтих ещё раз обошли комнаты и спросили, всё ли в порядке. Оба делопроизводителя отрапортовали и сообщили, что всё идет как надо. Зетцен, Хаймбах и Литтих покинули дом, и несколькими минутами позже туда уже зашли первые евреи. Мужчин и женщин было намечено принимать раздельно. Так как я в это время был старше другого переводчика Экка, то есть, лучше сказать, мы друг с другом договорились, то я должен был быть в комнате, в которую приходили женщины.

Евреи входили в дом через заднюю дверь, в прихожей делились на мужчин и женщин с детьми. В то время как женщины проходили в нашу комнату, мужчины шли в соседнюю комнату. Я по указанию уже упомянутого обершарфюрера требовал, чтобы женщины свои ценные вещи, такие как кольца, часы, золото и деньги, клали на стол. Женщины большей частью делали это без всякого сопротивления, а сидящий за столом обершарфюрер эти вещи клал в стоящий возле него ящик. Я указывал женщинам, что надо идти в угол комнаты и там раздеваться. При этом надо было толковать женщинам, что они должны это сделать и не стесняться. Женщины и дети должны были раздеться догола, и, если

кто-то не подчинился, обершарфюрер ревел на меня и на евреев так, что те испуганно быстро раздевались, хотя они слов обершарфюрера не понимали. Одна сила звука пугала их.

Восемь из десяти женщин были со своими детьми, они входили в комнату, отдавали ценные вещи, раздевались и выходили через противоположную дверь. Снаружи член команды регулировал входом и выходом.

Я не знаю, кто это был, так как я его не видел. Время, за которое евреи, в моём случае еврейки, сдавали свои ценные вещи и раздевались, длилось с раннего утра до вечера. За это время передо мной прошло более тысячи людей. Нам не дали времени перекусить ни разу. Я был удивлён, как много собралось украшений. Евреи имели при себе очень ценные вещи. Я вспоминаю, в связи с этим одну пожилую женщину, которая сняла свой бюстгальтер и бросила его на пол. При этом было слышно, как зазвучали тяжёлые предметы. Обершарфюрер приказал мне принести ему бюстгальтер, что я и сделал. Обершарфюрер разорвал его и нашёл там целую кучу золотых рублей. Его озлобило то, что евреи имели так много золота.

Во время нашей работы, во время небольшого перерыва, я выглянул в заднюю дверь дома и заметил, что от дома идёт высокая стена. В этой стене была дверь, и за стеной, как я смог разглядеть, стояли грузовики. Евреи должны были, выйдя из дома через упомянутую дверь, загружаться в грузовики.

У нас уже прошли последние евреи, и мы хотели уже закрыть ящик с драгоценностями, как знакомый мне переводчик Оберлендер вошёл в нашу комнату ещё с одетой девушкой лет 19–20. Девушка страшно плакала и клялась, что она не еврейка, а русская. Хаймбах подошёл и велел Оберлендеру опросить её и затем перевести, что она может идти домой. Я предположил, что эта девушка стояла рядом с тем местом, где собирались евреи, и её просто взяли вместе с ними.

В связи с этой большой акцией по уничтожению евреев я вспоминаю Зетцена и Хаймбаха как руководителей этой акции. Эти оба руководителя перед началом этой акции были у нас в доме, как уже упомянуто, ещё раз зашли с проверкой. А вот во время проведения акции Хаймбаха у нас в доме не было. Я полагаю, что он вместе с Зетценом был на месте проведения экзекуции. От добровольных помощников, кто это были, я не знаю, я узнал, что евреев расстреляли за городом в танковом рву. Среди добровольных помощников был один блондин-украинец, который после этой акции хвалился тем, что он спускался в ров и изо рта расстрелянных вытаскивал золотые зубы.

По приказу расстрелом евреев в Ростове руководил наш шеф, оберштурмбанфюрер Зетцен. Имен других участников-руководителей я не могу больше вспомнить. Это происходило из-за того, что я, как этнический немец, не имел тесного контакта с ними, т. к. они были немцами Рейха и были в команде с самого начала. То, что акция в Ростове состоя-

лась, мне было известно. Я давал об этом уже показания. Но я не участвовал ни в регистрации этих людей, ни в их дальнейшем расстреле и не могу ничего об этом рассказать.

Оберлендер был переводчиком в команде и переводил во время акции в Ростове. Литтих – этот человек тоже был у нас переводчиком. В Краснодаре я с ним жил в одной комнате».

Колонны женщин с детьми и стариков по 200–300 человек, подгоняемые немецкими солдатами, направлялись пешком к Змиёвской балке. А тех, кто по старости или болезни уже не мог идти, заталкивали в автомашины, которые потом были прозваны «душегубками». С редким цинизмом прозвучали на Нюрнбергском процессе слова бывшего командира айнзацгруппы Отто Олендорфа о том, что «газенвагены (душегубки) предназначались исключительно для уничтожения женщин и детей, и были безусловно гуманным средством, так как позволяли избежать душевных волнений членам расстрельных команд, у многих из которых были жёны и дети». Поразительная «забота» о подчинённых.

«Жители, проживающие на железнодорожном разъезде Темерник, рассказали, что для расстрела жителей города Ростова до железнодорожного переезда подвозили в открытых автомашинах, а были случаи, когда на переезде их пересаживали в закрытые чёрные автомашины и везли к песчано-каменному карьере, а когда около карьера открывали кузова автомашин, то оттуда выходил дым и люди из автомашин не

выходили, их выбрасывали прямо в котлован карьера»¹³.

Применение специально оборудованных машин для уничтожения мирного населения подтверждается и в докладной записке «О зверствах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Ростове-на-Дону в период его оккупации»: «“Душегубки” представляли собой большие, тёмного цвета, закрытые автомашины типа автобусов, без окон и с двухстворчатой герметически закрывающейся дверью в задней стенке кузова. По дну машины проходит металлическая труба с отверстиями, соединяющаяся с выхлопной трубой дизельного двигателя... Во время работы мотора выхлопные газы, содержащие высокий процент окиси углерода, по трубе и через отверстия в ней поступают в кузов автомашины и убивают находящихся в нём людей»¹⁴. Филенко В. И., работавшая уполномоченной посёлка 2-я Змиёвка, утверждала: «Наряду с расстрелами, остервенелые немецкие палачи сотни и тысячи людей умерщвляли в специальных автомашинах – “душегубках”. Последние я видела лично сама. Внешний вид их похож на большой крытый автобус, только без окон, вместительностью 50 человек. “Душегубки” после того, как прибывали к месту расстрела, в течение 20 минут стояли с работающими моторами. Затем открывались двери в задней части кузова, откуда выходили клубы тёмного дыма. После того как дым выходил, машину задним ходом подавали

---

¹³ Акт № 331 от 30 ноября 1943 г. ГАРО. Ф. 3613. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

¹⁴ ГАРО. Ф. 3613. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

к обрыву песчаного карьера и из кузова выбрасывались голые трупы мужчин и женщин. Только по моим наблюдениям, немецкими оккупантами за период со 2-го по 10-е августа в районе поселка 2-я Змиёвка было расстреляно и умерщвлено «душегубками» более 4 тысяч человек»¹⁵.

Жителей поселка 2-я Змиёвка немецкие автоматчики под угрозой расстрела 10 августа обязали покинуть на следующие два дня свои дома, мотивируя это выселение проведением «больших практических стрельб» (до начала войны Змиёвская балка служила стрельбищем частям Красной Армии), но около 50 человек всё же спрятались, и оставшиеся стали свидетелями неслыханных зверств.

В рапорте подполковнику госбезопасности Гусеву приводятся показания А. И. Толстых, очевидца массовых расстрелов, составленные 23 июля 1943 года: «Озверевшие гитлеровские псы откидали, как овец в стаде, по 20 человек, раздевали наголо, гнали прикладами и палками к яме, и опять трещала автоматная очередь. Крик не умолкал, он ещё больше раздражался при виде страха сидящей толпы, ожидавшей той же участи. Дети сопротивлялись идти к яме, палачи своими кровавыми лапами бросали живыми в яму и там пристреливали, а многих живыми закапывали. Но это было не всё. В третью яму привозили обезглавленные жертвы, сначала сваливали головы, а следующей машиной тела»¹⁶.

---

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ Там же. Д. 6. Л. 2–3

Киреева У. Т. сообщила: «Муж рассказал мне, что всех привезённых евреев раздевали в роще донага, подводили к обрыву песчаного карьера и в упор расстреливали из автоматов. В числе расстрелянных были женщины, дети и старики, причём часть детей оккупанты бросали живыми с обрыва вслед за расстрелянными матерями»¹⁷.

Но были и такие показания очевидцев зверств, которые свидетельствовали о том, что перед расстрелом жертв заставляли раздеться догола и полицейские, бывшие ещё совсем недавно советскими гражданами.

По сведениям из ранее упомянутого акта № 1231, расстрел населения и военнопленных производили немецкие солдаты, которые были всегда пьяными. Детей либо отравляли сильнодействующим ядом, смазывая им губы жёлтой мазью, либо, взяв за волосы и за ноги, ломали им о колено позвоночник и просто бросали в ямы на глазах, обезумевших от горя матерей. Жители посёлка ещё несколько дней слышали стоны заживо погребённых и видели, как шевелится земля.

В акте № 1231 также указывается: «В песчано-каменном карьере в трёх могилах – более 15 тыс. человек; могила в балке на опушке рощи – расстреляно и зарыто около 10 тыс. человек; могила в балке севернее просёлочной дороги, ведущей во 2-й Змиёвский посёлок (могила) западнее 250 метров полотна железной дороги, – расстреляно и зарыто око-

---

¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 9

ло 150 человек; в четырёх могилах, находящихся на западной стороне опушки роши, – (расстреляно) около двух тысяч человек, а всего в районе 2-го Змиёвского посёлка расстреляно и зарыто в вышеупомянутых могилах более 27 тысяч человек мирного населения г. Ростова и военнопленных». Акт подписан комиссией в составе шести человек, возглавляемых секретарём Исполкома Железнодорожного Райсовета г. Ростова-на-Дону Ткаченко Я. И.

Из Бюллетеня № 9 о зверствах немецко-фашистских оккупантов в Ростове-на-Дону с 23.07.1942 г. по 14.02.1943 г. следует: «Сразу после занятия города 23 июля 1942 года генерал-майор Киттель издал приказ об обязательной регистрации всего еврейского населения. Примерно через три недели был издан второй приказ: все евреи – мужчины, женщины, дети всех возрастов должны явиться в определённые пункты с самыми ценными вещами, трёхдневным запасом продовольствия и ключами от домов. После того, как они явились, всё это было отобрано, а все евреи на автомашинах вывезены за город. В районе Ботанического сада все взрослые евреи были расстреляны, а дети – отравлены путём смазывания губ ядовитым веществом». Акт подписали: председатель горисполкома Бурменский С. Р., представители воинской части, рабочие, профессора¹⁸.

Свидетель Белодед И. С., очевидец расстрела евреев в Змиёвской балке, в заключение своего рассказа показал:

---

¹⁸ Фонд 28-й армии. Оп. 8523. Д. 33. Л. 20–21.

«Примерно 14 августа я направился к обрыву и роше, где производились расстрелы, и увидел, что ямы и обрыв заполнены трупами, слегка прикиданными землёй, через которую просачивались струи крови»¹⁹.

Вместе со всеми в Змиёвской балке погибли и члены еврейского Совета старейшин, возглавляемые доктором Г. Лурье.

Акции проводились немцами поначалу довольно халатно: многим евреям удалось сбежать по дороге на Змиёвку, некоторым даже прямо из ямы. Наивности и доверчивости людей нет границ – многие из таких возвращались в свои дома в надежде на помощь друзей-соседей. Из рассказов очевидцев можно узнать, как многих таких «беглецов» бывшие соседи, которые к этому времени уже «примерили» на себя их квартиры, сдавали немцам назад. В последующие дни полицейские с помощью бывших соседей отлавливали евреев, не явившихся на верную гибель или чудом спасшихся при расстреле и вернувшихся в свои дома.

Перед освобождением Ростова-на-Дону карательная айнзатцкоманда СД-Цб расстреляла 1154 заключённых городской тюрьмы. Среди них была и Г. Б. Часовникова (Житомирская) – мать троих малолетних детей. Она уцелела при массовом уничтожении евреев в августе, но была выдана одной из соседок в конце 1942 года.

После освобождения Ростова-на-Дону о зверствах окку-

---

¹⁹ ГАРО. Ф. 3613. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

пантов в газете «Молот» (№ 34 от 5 марта 1943 г.) появилась единственная короткая заметка «Душегубы»: «...все взрослое население было расстреляно, а дети отравлены путём смазывания губ ядовитыми веществами. ... У зоопарка лежали ещё тёплые трупы доцента Киршмана, доцента Новикова, его жены, 9-летнего сына и матери, врача Ингал, токаря артели “Метиз” Павловской».

В Змиёвской балке в ходе оккупации были захоронены военнопленные, душевнобольные, подпольщики, коммунисты, узники немецких застенков и мирное население, среди которого были представители разных национальностей. Но точное число уничтоженных советских граждан остаётся неизвестным. По сведениям из ГАРО²⁰, только 11 августа было уничтожено около 13 000 человек еврейского населения. По предварительным данным акта № 1 от 17 февраля 1943 года, «количество расстрелянных и отравленных, замученных и истреблённых евреев по г. Ростову-на-Дону в период с 23 июля 1942 года по 13 февраля 1943 года составляет 15–18 тысяч человек. Вместе с ними погибли и провожавшие их члены семьи и других национальностей». От имени всех граждан г. Ростова-на-Дону акт подписан четырнадцатью представителями общественности во главе с и. о. председателя исполкома Ростовского-на-Дону Горсовета депутатов трудящихся Бурменским.

На основании актов чрезвычайной государственной ко-

---

²⁰ Ф. 3613. Оп. 1.

миссии, рассекреченных фондов отдела Государственных Архивов УНКВД по Ростовской области, показаний очевидцев о зверствах, издевательствах и убийствах советских людей, а также с учётом последующих исследований историков считается, что здесь было уничтожено более 27 тысяч человек, преимущественно евреев.

Документально установлено, что виновниками злодеяний и зверств немецко-фашистских захватчиков над советскими гражданами в первую очередь являлись комендант города генерал-майор Киттель, оберштурмбанфюрер Х. Зетцен, начальник отряда зондеркоманды СС 10А оберштурмфюрер доктор Г. Герц, начальник айнзацгруппы «Д» генерал СС В. Биркамп, шеф зондеркоманды «Ц-6 СД» оберштурмфюрер СС В. Блюмберг, бургомистр г. Ростова-на-Дону, агент гестапо фон Тикерпу и еще 15 высших чиновников тайной полиции, Ростовской тюрьмы и следователей городской вспомогательной полиции – изменников родины.

т. Щербакову
Прошу решить.
Н. Александров 14/II

ТОВАРИЩУ МОЛОТОВУ В.М.

Направляю Вам проект сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях и зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Киеве.

Проект согласован с т. Александровым Г.Ф..

Прошу Вас дать согласие на опубликование его в печати.

8/II-442.

Н. ЩЕРНИК.

Гитлеровские бандиты ^{своими} прокламации ~~прокламации~~ массовое зверское истребление еврейского населения. Они вывесили объявление, в котором всем евреям предлагалось явиться 29 сентября 1941 года на угол Мельниковой и Доктеревской улиц, ^(Там же жила советская гражданка) принести с собой ~~с собой~~ ^{с собой} документы, деньги и ценные вещи. Собравшихся ~~евреев~~ ^{нашли} палачи ночью к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли.

Проект официального сообщения ЧГК о трагедии в Бабьем Яре (вверху резолюция В. Молотова А. Щербакову «Прошу решить»). 08.02.1944 г. ГА РФ

В проект внесены «редакционные замечания» начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г. Алексан-

дрова, в частности, слово «евреи» он заменил на «мирные советские граждане».

По окончании Великой Отечественной Войны в августе 1946–1948 гг. на месте массовых расстрелов в Змиёвской балке происходили многочисленные митинги-панихиды еврейской общественности. Об этом указывает уполномоченный совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Ростовской области А. Т. Байков в рапорте начальству: «Панихида на братском кладбище в Змеёвой балке привлекала верующих евреев до 5000 человек, благодаря чему оживлялась религиозная деятельность духовенства и отдельных групп верующих». Однако после того, как в СССР началась массированная антисемитская кампания «борьбы с космополитизмом», народная активность оказалась неприемлемой для властей. Евреям в Змиёвской балке категорически запретили собираться в скорбную дату. В своём следующем рапорте в 1949 году А. Байков сообщает: «были предупреждены члены исполнительного органа еврейской синагоги: ... на братской могиле в Змеёвой балке панихиду не проводить»²¹. Запрет был снят только в 1991 г.²⁰²²

---

²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 823. Л. 105–107.

²² При подготовке статьи были использованы следующие материалы: 1) Мовшович Е. В. Очерки истории евреев на Дону. Ростов-на-Дону: Книга, 2011; 2) Свердлов Ф. Д. Документы обвиняют. М., 1996; 3) Смирнов В. В. Ростов под тенью свастики. Ростов-на-Дону, 2006; 4) Альтман И. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. URL: <http://history.pedclub.ru/shoa/>

[hfond_100.htm](#) (дата обращения 04.04.2023);5) Гинзбург Л. В. Бездна. М.: Советский писатель, 1967;6) Акты, бюллетени и докладные записки Государственного архива Ростовской области;7) Материалы Государственного архива Российской Федерации. Письмо уполномоченного по делам религиозных культов при Обл-исполкоме Байкова от 03.09.1953;8) Материалы Архива Ростовской еврейской религиозной общины;9) Материалы Архива Благотворительного фонда «Хесед Шолом Бер»;

Чудо российской сотовой связи, как оно произошло и что нужно, чтоб оно продлилось

Уровень развития телекоммуникаций – важнейший показатель инновационной экономики, а доступность коммуникационных услуг, безусловно, влияет и на конкурентоспособность нашего государства, и на состояние развития бизнеса, и сегодня уже это прямое влияние на качество жизни людей.

Д. А. Медведев, Президент РФ

Несколько дней назад агентство AC&M опубликовало очередной отчёт: число абонентов сотовой связи в России превысило в апреле 212 миллионов. Даже если учесть, что операторы преувеличивают свою абонентскую базу порой до 30 %, и то, что до четверти граждан может иметь по два телефона или SIM-карты, вывод один: около 90 % жителей нашей страны владеют сотовыми телефонами. Мы впереди планеты всей, входим в десятку самых «мобилотелефонных» стран мира. Это ли не чудо?

Всего 20 лет назад мобильные телефоны советского производства весом 25 кг и числом в 2 тысячи были лишь в автомобилях высшего руководства и богатейших бизнесменов.

Проводных телефонов – домашних и рабочих – было 32 млн. Число последних увеличилось незначительно. А вот сотовые стали сегодня неотъемлемым атрибутом жизни предпринимателей и строительных рабочих, младшеклассников и пенсионеров в городах и далёких сёлах России. По проникновению сотовой связи Россия обогнала США и Западную Европу. Вас это не удивляет? Тем более, что по всем остальным жизненно важным услугам, включая Интернет, мы заметно отстаём.

Мы привыкли к тому, что одежда в российских магазинах заметно дороже, чем в западных, что бензин – дороже, чем в США, стоимость строительства дорог втрое выше европейской, что квартиры в Москве вдвое дороже, чем в европейских столицах. и при этом минута сотовой связи в Европе стоит, в среднем, 12 центов, а в России 5 центов.

Интересно сравнить, как менялись тарифы мобильной связи в России в сравнении с другими услугами за последнее десятилетие. График (внизу) нагляден: электричество выросло в 4 раза, проводная связь – в 2,5 раза²³. Сильнее всего подорожали газ и «одна помывка в бане». Этот

экзотический показатель, перевод смысла которого вызовет затруднения переводчика, традиционно входит в госотчётность. Зато на сайте Федеральной службы статистики вы не найдёте цен мобильной связи. Нет там и Интернета. Это

---

²³ Этот график – «Динамика цен ЖКХ и стоимости услуг связи в России» – приведен в книге на с. 302.

к вопросу о модернизации!

Констатируем: все цены заметно росли. Сотовая связь дешевела. Именно поэтому она стала всепроникающей, пришла в самые малые и бедные поселения. Стала доступной людям, балансирующим на грани прожиточного минимума.

Полагаю, что мобильная связь – самый успешный проект новой России. Ничто не изменило и не облегчило жизнь россиян так, как сотовый телефон. Старшее поколение помнит уличные телефоны-автоматы. Ищешь, вымениваешь эту двухкопеечную монету. Бросаешь её в аппарат – а он молчит, не соединяет... Очереди на установку домашнего проводного телефона были в 10–15 лет.

Как же удалось? Одна из основных причин феноменального успеха этой отрасли в том, что она развивалась в России по нормальным рыночным законам. Ключевое слово успеха – конкуренция. Случилось так, что до последнего времени сотовая связь развивалась в условиях почти нормальной рыночной конкуренции. Компании боролись за каждого абонента и за каждого инвестора, и путь был только один: обслуживать клиентов лучше, за меньшие деньги, с наименьшими затратами. Классический рыночный капитализм.

Может быть, сотовой индустрии повезло: исторически сотовые компании не приватизировали советскую собственность – нечего было приватизировать. Строились практически с нуля. Конечно же, без административного ресурса не обошлось. у истоков МТС стояли люди, связанные с

московским правительством, «Мегафона» – питерские связисты. А «Билайн» был основан «простым» доктором наук и, как оказалось позже, великим предпринимателем Д. Б. Зиминим, первоначально без всякого административного ресурса. Позже состав собственников расширился, в него влилась значительная доля иностранного капитала. Отношения между этими тремя группами собственников были, мягко говоря, непростыми. Порой доходило до нешуточных войн. Войти в сговор этим трём группам собственников было практически невозможно, и конкуренция продолжалась.

Кроме «большой тройки» на рынке с самого начала действовали региональные операторы. В ельцинские времена (берите столько независимости, сколько хотите!) лицензии на региональную сотовую связь фактически выдавались губернаторами. Практически на всех рынках, кроме Москвы, регионалы, прежде всего «Tele2», жёстко конкурируют с «большой тройкой». К большой радости абонентов и при определённой поддержке антимонопольной службы они сдерживают ценовые аппетиты федеральных операторов.

Желая ускорить собственное развитие, привлечь инвестиции, воспользоваться опытом развитых экономик, компании «большой тройки» привлекали западных стратегических инвесторов. Сделав рывок вперёд и установив с помощью западных партнёров достойное корпоративное управление, эти компании успешно привлекали иностранный капитал в виде займов, выходили на фондовые биржи. Немало

иностранный капитал вложено сегодня и в региональные сотовые компании.

Итак, основные факторы, обеспечившие «чудо российской сотовой связи», – это свободная конкуренция и свободный доступ иностранного капитала. Есть ещё третий важнейший фактор: огромный технологический прогресс в отрасли. Но его одного отнюдь не достаточно. К примеру, в строительстве прогресс технологий, по сравнению с советским уровнем, огромен. А цены на квартиры взмывали. Барьеры, сговоры – все это выходит боком именно конечному потребителю.

Но вот последнее время в развитых странах новую технологическую революцию перехватил мобильный интернет. Уже есть и массовые технологии, и абонентские устройства, и гигантский спрос. Просторы США, Европы, развитых стран Азии уж более пяти лет покрыты конкурирующими между собой сетями скоростного мобильного доступа в Интернет (3G). Казалось бы, беспроводной Интернет – уникальный шанс России преодолеть «цифровой разрыв», обеспечить доступ к многообразию электронных услуг и знаний десяткам миллионов пользователей российской глубинки. Ведь теоретически развернуть инфраструктуру мобильного интернета можно так же, как развернуты были сети голосовой сотовой связи. Но в последней мы заметно обогнали Европу, а вот в Интернете еще более заметно отстаем.

Что поменялось? Что мешает сделать рывок в беспровод-

ной цифровой мир?

В 2006 г. правительство разделило стандартный европейский диапазон частот третьего поколения сотовой связи (3G) на четыре части, и три года назад МТС, Билайн и Мегафон получили лицензии 3G на всю Россию. Получили практически бесплатно (стоимость каждой из трех лицензий составляла один миллион рублей), практически без конкурса (бумажный конкурс был, но условия стопроцентно предопределяли результат), с символическими условиями по покрытию территории. Это был интересный эксперимент, подкреплённый внушительными административным и PR-ресурсами. Де-мол кому же ещё давать, как не трём богатырям. Новизна эксперимента состояла в том, что цивилизованный мир такой формы раздачи лицензий не знал. Существовали две общепринятые формы конкурсов: либо аукцион – кто больше заплатит за лицензии либо конкурс покрытий – кто пообещает покрыть новой сетью больше территории, населения. Я бы назвал аукционы более капиталистической формой распределения, конкурсы покрытия – более социально ориентированной. При аукционе, во-первых, бюджет страны солидно пополняется, во-вторых, компания, выложившая за лицензию значительные деньги, заинтересована эти деньги поскорее «отбить», т. е. построить помасштабней бизнес, больше абонентов, покрыть больше территорий, раньше, чем конкуренты. Ну а если в условиях конкурса было прописано покрыть сетью 3G через 2 года 95 % населения страны, а через

3 года – 98 % (так было в Швеции), ясно, что это благо цифровых возможностей для соответствующего населения.

Прошло три года, и можно подвести некоторые итоги. Я бы сказал: «большая тройка» не очень спешила с развёртыванием сетей третьего поколения. Недавно все трое синхронно отчитались, что ввели 3G «во всех субъектах РФ». При этом операторы не сообщают данные о покрытии в каждом из регионов. Как-то получилось, что в лицензионных условиях это не было три года назад детализировано, двух-трёх «символических» базовых станций достаточно, чтоб поставить галочку. Операторы обеспечили номинальное покрытие. При этом пресс-секретарь «Билайна» уточняет: «Мы обеспечили техническую готовность сети и начали либо готовы начать коммерческие операции сразу после получения разрешительной документации на территориях всех требуемых субъектов РФ». Получение разрешительной документации бывает у нас долгим.

По отзывам абонентов, даже в крупных городах значок 3G на их телефонах присутствует не всегда. Эксперты считают, что 3G доступно менее чем половине населения страны. Это и неудивительно. Бизнес-модель компании, получившей лицензию бесплатно и без обременений, такова: новые базовые станции разворачиваются там, где уже есть спрос на услугу, так, чтоб обеспечить скорейшую окупаемость проекта. Так и действуют три крупнейших оператора. Ни один не забегает далеко вперёд других. Это уже не те остро конкурирующие

между собой бойцы, что 10 лет назад. Случалось, ФАС уличала их в сговоре.

Ещё более необычно был распределён четвёртый блок частот 3G. В 2009 г. он без всякого конкурса и условий был отдан компании «Скайлинк». До сих пор о начале строительства новой сети мы ничего не слышали. Можно предположить, что этот четвёртый пакет ценнейших частот попросту похоронен. К радости, «большой тройки». Зачем лишний конкурент с сетью нового поколения? Ну а то, что частоты эти не работают на экономику России, не обеспечивают абонентов Интернетом... Но зато утверждение, что зачем, мол, строить сейчас сети второго или третьего поколения, когда уж скоро наступит время четвёртого поколения, – звучало неоднократно.

И в этом есть рациональное зерно. В технологии беспроводной связи грядёт очередная революция. Связь 4G уже запущена в некоторых странах Европы и районах США. По скорости, качеству она соответствует сегодняшнему проводному Интернету, по темпам развёртывания – сотовой связи прежних поколений. Это исторический шанс России. Почему бы не повторить в новом поколении тот прорыв, который удался нам в сотовой связи GSM?!

Я убеждён, что сделать можно и это совсем не сложно. Надо только принять правильные стратегические решения. Нужно, чтоб соблюдены были три условия: обеспечены реальная конкуренция, приток иностранного капитала и досту-

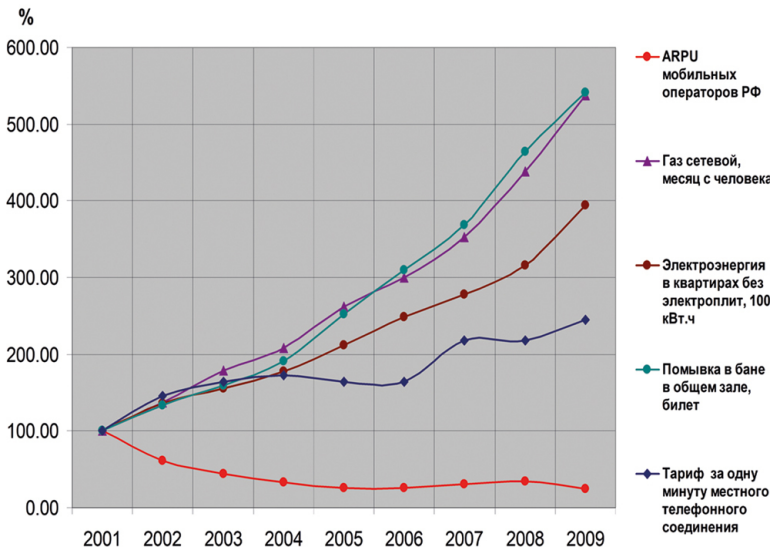
пен достаточный частотный ресурс.

Начнём с последнего. Очень много лет мы слышим, что в России львиная доля частот занята военными. Уже более 20 лет прошло, как рухнула берлинская стена. Начались разговоры о сближении с Европой, в частности, в области беспроводной связи и радиоспектра. В мае 2000 г. было принято специальное постановление Правительства «О СБЛИЖЕНИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ и УСЛОВИЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛОС РАДИОЧАСТОТ в РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ с МЕЖДУНАРОДНЫМ РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ». Спустя почти 10 лет о необходимости ускоренной конверсии спектра снова говорит президент РФ.

Что же происходит в действительности. Возьмём, к примеру, самый подходящий для российского 4G спектр 790–862 МГц. Самый дальнобойный и перспективный для покрытия наших необъятных просторов. Официально он закреплён за Воздушной радионавигационной службой Минобороны. Но внутри этого диапазона частот уже более 15 лет работает региональная сотовая связь стандарта AMPS. Автор этой статьи в середине 90-х руководил одной из таких региональных компаний. Частоты эти были нам выделены «на вторичной основе». Т. е. каждый запуск базовой станции мы должны были согласовывать с военными, и согласовывали. Перед каждым пуском наш радиоинженер выходил на прямую связь с диспетчерами и коллегами из военной авиации: «Включаю. Наблюдаете ли помехи?» Все помехи устраняли,

регулировали мощности, ничем навигационным службам не помешали.

С точки зрения теории передачи информации военные никак не могут занимать много частотного ресурса. Ведь, согласно этой теории, ширина используемой полосы пропорциональна объёму передаваемой информации. А информации от самолёта идёт не так уж много, не сравнить с той, что создают миллионы абонентов сотовой связи крупного города. Вот и получается, если разобраться в каждом конкретном случае, по сути, чуть сдвинуть завесу секретности, военные и гражданские связисты всегда смогут благополучно сосуществовать в эфире. Нужна только политическая воля, ведь речь идёт о ценнейшем государственном ресурсе – радиоспектре, и разумный подход при распределении этого самого спектра. Тогда и проблема конверсии наконец сдвинется с мёртвой точки.

Динамика цен ЖКХ и стоимости услуг связи в России

Теперь о конкуренции. Конечно, некоторым компаниям хочется забрать весь частотный ресурс нового поколения и стать «национальным чемпионом». Или хотя бы разделить его между двумя-тремя участниками, не более. «Для полноценного внедрения технологии LTE “большой тройке” необходим частотный ресурс по 20 МГц в низком и высоком диапазонах», – сообщили в декабре 2009 года представители этих операторов на совещании у вице-преьера Сергея Собянина. Однако специалисты знают, что для покрытия сельской местности и магистралей в низком диапазоне 790 – 862

МГц каждому оператору достаточно $2 \times 7,5 = 15$ МГц и даже $2 \times 6 = 12$ МГц, а потребности городов в больших объемах трафика следует удовлетворять дополнительными мегагерцами в высоком диапазоне. В ряде стран Западной Европе в диапазонах LTE уже проведены аукционы, названы по 5 – 6 победителей. А в США победителей-лицензиатов было более 100! На их огромной территории частоты разыгрывались по регионам. Правительство решило, что так соберёт больше денег на аукционах, и собрали 20 млрд долларов.

Только создав условия реальной рыночной конкуренции, сможет Россия шагнуть в новый цифровой мир, преодолеть «цифровой разрыв», о котором говорит президент Д. Медведев. А в честной конкурентной борьбе могут и национальные чемпионы родиться.

И вот ещё: не пора ли включить цены сотовой связи в госстатотчёт ность или даже в минимальную потребительскую корзину?

Ю. Домбровский Президент Ассоциации
региональных операторов связи

1 The Einsatzgruppen Reports. Selection from the Dispatches of the Nazi Death Squads'

Campaign against the Jews. July 1941 –January 1943. NY^ Holocaust Library. P. 358.

2 Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.

32. Оп. 11302. Д. 39. Л. 134.